

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

ЖЕНА
НА ПОКАЗ

16+

Елена Сергеевна Счастливая
Жена напоказ
Серия «Жена напоказ», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68262991

SelfPub; 2022

Аннотация

Молодой вдове при солидном наследстве приходится трудно. И управляться с делами, и отбиваться от пронырливых родственников нужно самой. Даже выбрать нового мужа – лишь бы меня наконец оставили в покое. И вот кандидат найден. Дело за малым – очаровать! А если нет, то поможет хитрое бабушкино зелье. Кто ж знал, что на пути у меня встанет старший брат жениха. Влиятельный и беспощадный дознаватель по магическим преступлениям. Другими словами, опасный и совершенно непредсказуемый мужчина. Нас сталкивает вместе нелепый случай. Разойтись бы и забыть! Но зачем он постоянно появляется в моей жизни, когда я стараюсь избегать новых встреч?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	50
Глава 4	69
Глава 5	93
Глава 6	116
Глава 7	132
Глава 8	163
Глава 9	188
Глава 10	214
Глава 11	238
Глава 12	261
Глава 13	277
Глава 14	309
Глава 15	325
Глава 16	360
Глава 17	391

Елена Счастливая

Жена напоказ

Глава 1

Каблуки хрустко стучали по посыпанной гравием дорожке. Сердце колотилось в груди от предвкушения. Словно я вдруг оказалась на охоте. И ничего, что гонятся за мной: “охотница” сегодня я.

От тяжёлого подола вечернего платья уже устали руки. Карнавальная маска толком не давала осмотреться вокруг. Только слабое свечение редких магических огоньков, что зажигались навстречу и гасли позади, помогало. Иначе я уже давно подвернула бы ногу.

Размеренные, почти ленивые шаги преследователя снова слышались рядом. Он уверен, что поймает меня, но постараться ему всё же придётся. Мариэтта д’Амран не сдаётся просто так!

Сквозь собственное дыхание до слуха доносились отдалённые звуки бала. Сейчас он вместе со всеми гостями, музыкой и танцами остался где-то там, за пределами этих охотничьих угодий. Где были только я и тот мужчина позади, который, возможно, скоро станет моим мужем.

Если моя игра удастся.

Мы молчали. Он преследовал, я скрывалась. И тут удача – тень большого яблоневого сада. Дурманный запах окутал, словно вуаль, облепил тело, разгорячённые от бега виски, покрытую лёгкой испариной шею.

По щиколоткам повеяло прохладой. Где-то здесь пруд? Я сбежала вниз с пригорка и остановилась у кромки воды. И правда ведь! Сама себя загнала в ловушку. А всё эти сумасшедшие лабиринты между ровно остриженными кустами. Сушее испытание для девицы, что убегает от пылкого кавалера.

Я оглянулась ещё раз. Тихо. Неужели Ксавье меня потерял? А всё так интригующе начиналось!

Впрочем, может, это и хорошо. Так его азарт только разгорится сильнее. Сегодня он уже получил отказ встретиться наедине. Надеюсь, неудача в погоне не остудит его пыл.

Я подманила ближе один из бледных магических светлячков – раз уж всё равно тут одна – и развернула записку, которую всё это время держала зажатой в руке.

“Я искренне восхищён вами. Но, к сожалению, вокруг слишком много людей. Прорваться к вам становится совершенно невозможно. Потому умоляю вас о встрече в беседке у фонтана. Прошу не относиться к моей просьбе предосудительно. Это всего лишь прогулка и попытка узнать вас чуть лучше.

Ксавье де Ламьер”.

Уверенный, чуть размашистый почерк; дорогая бумага с

вензелем герцогского дома. Ни одного лишнего слова. Лишь то, что в полной мере выразило бы искреннее желание мужчины прогуляться с женщиной.

Всё складывалось для меня удивительно хорошо. Пока что...

– Вы умеете заставить мужчину желать встречи, – от звука густого голоса, пробирающего лёгкой дрожью между позвонками, я вздрогнула и приложила ладонь к груди.

И в тот же миг огромная ручища сгребла меня за талию. Короткий толчок – и я упёрлась спиной в шершавый ствол ближайшей яблони. В груди царапнуло коротким всплеском паники. И в то же время вспыхнуло жаром от того, как близко я оказалась вдруг к своему преследователю.

– Вы не думали, что делать подобные намёки мужчинам весьма чревато? – Мою скулу обдало нетерпеливым дыханием.

Нет, дорогой Ксавье! Мы так не договаривались. Я зажмурилась и изо всех сил толкнула пленителя в грудь. Да она просто каменная! А ещё горячая и очень-очень широкая. Надо же! А так и не скажешь.

– Да какие намёки, месье де Ламьер? Вы в своём уме? – запыхтела я, отдирая от себя загребущие руки. – Объяснитесь!

Но меня лишь впечатали в древесную кору сильнее. Крепкие пальцы ощутимо сдавили плечи, скользнули вниз, мягко пробежались по кружеву декольте. Следом – едва ощутимое

касание сухих губ. Стальной обруч объятий на талии...

Гнев Первородных! Похоже, я заигралась.

– Весьма откровенные... – голос Ксавье стал ещё чуть ниже. Перекатился волнующей хрипотцой.

Мамочки... От его вибраций где-то под рёбрами у меня мелко-мелко задрожало. И стало слегка горячо там, где меня касались настойчивые мужские руки. По скуле скользнула чуть колючая щека. Дыхание замерло у прикрытого ажурной маской виска.

– Так что же прикажете делать с вами дальше... Леонора? Пойдите... Я же не Леонора!

И, кажется, в тот же самый миг это понял и мой пленитель.

В воздухе повисло явственное замешательство.

Мужчина, который так вопиюще сграбастал меня, словно какую-то куклу, торопливо отступил, попутно сдёрнув с меня маску. В его ладони зажёгся очень полезный в такой ситуации зеленоватый огонёк. Гораздо более яркий, чем те, что летали в саду. Его холодный свет на короткий миг даже ослепил меня.

Я проморгалась после первого потрясения и в полной мере разделила то недоумение, что сейчас отражалось на лице моего напористого ухажёра. Потому что передо мной стоял вовсе не Ксавье. А его старший брат – Ренельд де Ламьер. Королевский дознаватель по магическим преступлениям и последний мужчина, с которым я хотела бы сегодня столкнуться нос к носу.

Похоже, радость по поводу собственной удачливости была весьма преждевременной.

Взгляд герцога Энессийского просто буравил меня насквозь. Бледный свет бросал резкие блики на его лицо, делая уверенно мужественные черты ещё более рублеными.

Широкий подбородок, прямой, чуть длинноватый нос. И подозрительно поджатые губы. Похоже, они с одинаковой лёгкостью могут и цедить обвинения преступнику, и нашёптывать непристойности женщине на ушко.

Но всё это породистое великолепие затмевалось невероятной холодной зеленью его глаз.

Точь-в-точь такой же цвет был у зелья, что однажды приготовила моя бабушка. А затем, с присущей лишь истинным ведьмам приветливостью, напоила им своего соседа. Потому что нечего необоснованно претендовать на часть чужого земельного надела! Тогда неудачливый шевалье несколько дней маялся животом так, что не мог надолго выйти из дома без опасности осрамиться. И за это время он переосмыслил многое. Очень многое...

Вот и яростный малахит глаз герцога не обещал мне ничего хорошего. Даже под рёбрами неприятно закрутило.

– Мадам д'Амран... – проговорил он, вдоволь изучив меня от макушки до пят. – Я не узнал вас в сумерках.

Что вовсе не удивительно. Ведь мы познакомились только сегодня!

Таких мужчин почти порядочной вдове вообще лучше об-

ходить стороной. Особенно если в сумочке лежит флакон с любовно приготовленным, но от этого не менее запрещённым зельем. Не приворотным, конечно, нет. Но тем, что не позволит Ксавье забыть обо мне ближайшие несколько дней – а значит, заставит его искать новых встреч с рвением охотничьей собаки.

Теперь же из-за герцога все мои планы могли полететь в Тёмную Бездну!

– Я тоже... Не узнала, – буркнула я в ответ, нарочито резким жестом поправляя слегка задравшийся рукав. – Не желаете извиниться за то, что распустили руки?

К счастью, я уже понемногу приходила в себя. Вот уже и колени перестали подгибаться.

И как же меня так угораздило – перепутать братьев? Они же совсем не похожи!

– Если вам так угодно, то простите. – Герцог дёрнул уголок рта. – Но позвольте узнать, что вы делали в саду? Одна. В такой час.

Я загадочно подняла взгляд к небу и как бы невзначай отошла на пару шагов в сторону. Во-первых, потому, что внушительный рост и разворот плеч герцога вообще мало какую женщину могли оставить равнодушной. Тут неведомую Леонору, что попыталась его соблазнить, вполне можно было понять.

Во-вторых, приближаться к магам, которые способны считывать магические ауры, для меня равносильно маленько-

му концу света. Неконтролируемые вихри и всплески свойственны любым потокам. Спасибо моему почившему мужу: я научилась сдерживать самые яркие. Но королевский дознаватель – дело особое.

А значит, находясь рядом с ним, я очень сильно рискую не довести начатое дело до конца. И более того – схватить обвинение в ненадлежащем использовании магии.

В общем, Ренельд де Ламьер был ещё одной причиной, по которой я опасалась сегодня ехать на бал. Хотя выглядело всё вполне безобидно. Всего лишь маскарад, посвящённый окончанию младшим сыном герцогини Энессийской – Ксавье – Академии Пяти Башен. Или попросту – Санктур.

Что сказать... Очень престижно, не всем доступно. И учиться в Академии, и попасть на вечер такого размаха.

А мой опыт и в том, и в другом был примерно одинаковым – то есть никаким. И, думается, это герцог прекрасно знал.

– Мне просто захотелось прогуляться, – выдержав томительную паузу, ответила я. – Знаете, под вечер в доме стало очень душно.

– Да ну? – прищурился Ренельд. – Чего же тогда вы начали от меня убегать?

Я посмотрела на него, стараясь вложить во взгляд как можно больше возмущения. Похоже, вместо томного вечера меня ждал допрос с пристрастием. Весьма неприятная у вас профдеформация, месье дознаватель!

– А зачем вы за мной погнались? Мало ли что у вас на

уме, – невозмутимо выдала я.

– У вас скверные способности к расследованию непонятных обстоятельств. Смею заметить, – Ренельд заложил руки за спину, – вы путаете причину со следствием.

– Ваши способности к расследованиям я, конечно, не могу подвергнуть критике. И не собираюсь. – Я слегка дёргано надела перчатки, которые сняла ещё по дороге сюда.

Так меньше вероятность, что при случайном соприкосновении пронизательный королевский дознаватель сумеет почувствовать не предназначенное для его ума. Границы его возможностей были мне не известны. Но поговаривали, что они очень... очень обширны. Те, кто по его милости сейчас отбывал наказание в королевских темницах, могли бы, наверное, это подтвердить.

А мне на личном опыте убеждаться не хотелось.

Пора бы вообще уходить. Пусть и дальше ищет свою Леонору. А мне придётся перейти к более радикальным методам знакомства с женщиной, которого прочила себе в мужа. Времени у меня всё меньше, а дело движется медленно...

Упустить его будет весьма досадно.

Всё-таки сын герцогини и завидный жених, по которому сохнет половина столичных девиц. Сильный маг с блестящим будущим при королевском дворе. Красив, как сын Первородных... Проклятье, я заходила бы от радости, зная, что приглянулась ему.

С одним маленьким условием: если бы и правда хотела

замуж.

Только я не хотела. Но в моей спокойной и почти что скучной вдовьей жизни внезапно настал тот миг, когда пришлось искать надёжное мужское плечо. Не обрету покровителя – и сводные родственники просто сдерут с меня три шкуры.

– И ещё, мадам д’Амран... – как бы невзначай бросил герцог, когда я уже хотела с ним распрощаться. – Вы назвали меня “месье де Ламьер”, но не видели меня. Значит, точно знали, кто вас преследует. Но отчего-то сейчас старательно изображаете непонимание. Более того – возмущение.

От внимания этого мужчины вообще хоть что-то может укрыться?

Под его пытливым взглядом и при более тонкой душевной организации можно было бы хлопнуться в обморок. Но это точно не про меня.

Я смиренно сложила руки у груди.

– У вас просто очень запоминающийся голос, ваша светлость. – Так, надо бы поменьше ехидства в тоне. – Думаю, вы не раз слышали это от женщин. Когда вы заговорили со мной, я сразу вас узнала. Но вот ваш поступок немало меня озадачил. Не думала, что вы на такое способны!

Мало какой мужчина откажется от того, чтобы кто-то потешил его самолюбие. Но перегибать тоже не стоит.

– С теми женщинами, кто отмечал несомненно чарующий тембр моего голоса, я обменивался не только приветствиями при встрече, – усмехнулся герцог. – Или вы знакомы с кем-

то из них?

Не поверил. Ну и Бездна с ним! Продолжать разговор я не планировала. Тем более о его многочисленных любовницах. Почему многочисленных? Почему я вообще так решила... Проклятье.

– К счастью, нет. Может, ещё доведётся, хотя я не настаиваю. – Я вздохнула. – Прошу прощения, ваша светлость. Я лучше пойду. Не буду портить вам вечер, который обещает продолжиться столь интригующе.

Как всё это сложно! Все эти игры, флирт, кокетство. Никогда они меня не заботили, а теперь я вынуждена корчить из себя ту, кем вовсе не являюсь.

– Как интересно... Я раньше не встречал вас на приёмах, мадам д'Амран, – никак не унимался де Ламьер. Вот же упал на мою голову! – Да и срок вашего вдовства, кажется, ещё не истёк. А ваше платье слишком ослепительно для той, кто скорбит по ушедшему супругу.

Думается, к этому он хотел добавить ещё что-то про моё поведение, но сдержался. Я растянула губы в нарочито вежливой улыбке.

– Мой муж прописал в приложенном к завещанию письме, что он против долгого траура. Таково было его желание. Он не хотел кутать меня в чёрное. Считал, что этот цвет... Неважно, – качнула головой. – Это не значит, что я не скорблю. У нас были добрые отношения. И он был прекрасным человеком. Впрочем, вы вряд ли были хорошо с ним знако-

мы, чтобы знать об этом.

При воспоминании о муже в горле предательски защемило. Порой мне очень не хватало его и той заботы, с которой он ко мне относился. Почти как второй отец. Но сейчас я считала своим долгом сохранить и приумножить то дело, что он завещал мне со всем доверием.

Потому прочь с моей дороги, месье де Ламьер!

– Я знал вашего мужа достаточно хорошо, чтобы с вами согласиться, – голос герцога неожиданно потеплел. – Долгое время он был близким знакомым моего отца. Но вы вряд ли знаете об этом, потому что отец погиб раньше, чем вы вышли замуж за Эдгара.

– Вы не правы. Муж рассказывал мне о герцоге. И о том, как тот погиб в битве за Санский залив, – сочла я нужным заметить. – К сожалению, именно старая рана, которую Эдгар получил в том сражении, изнурила его и привела к смерти.

– Примите мои соболезнования. Пусть и запоздалые, – спокойно заключил Ренельд, протягивая мне так вопиюще нагло сдёрнутую с меня маску.

А я-то про неё едва не забыла! Похоже, его светлость всё-таки передумал и дальше пытаться меня расспросами.

– Благодарю. – Я кивнула и наконец направилась прочь.

“Беги, Мари, беги от этого герцога подальше! – загробно подвывал внутренний голос. – Пока всё не полетело в Бездну окончательно”.

Взгляд Ренельда преследовал меня, пока я снова не скры-

лась в саду. Всё же это было скверной затеей. Принять приглашение герцогини и приехать на этот бал-маскарад. Попытаться продолжить перспективное знакомство, что завязалось всего неделю назад – почти случайно.

Кто вообще решил, что я могу понравиться Ксавье? У него и “свеженьких” воздыхательниц полно. Какой ему интерес до вдовы? Пусть я и не старше тех девиц, что выются возле него весь вечер.

Всё потому, что меня отдали замуж за графа Эйлского, едва мне исполнилось шестнадцать. Тогда становиться чьей-либо женой я, признаться, вовсе не рвалась. Мне нравилось, что на мою свободу никто не покушается.

Эдгар д’Амран, арендодатель моего отца, навещал нас не чаще одного раза в пару месяцев. Всегда строгий, холёный и красивый – даже для своих лет. Одно только: хромал. Как довелось слышать, из-за ранения, что едва не лишило его ноги. Лишь усилия многих придворных магов позволили ему не остаться калекой.

За всё время знакомства я вряд ли обменялась с ним десятком более-менее длинных фраз. И тут – предложение!

Конечно же, моего согласия спросили лишь для вида – у алтаря в часовне неподалёку от графского замка Эйл. Но, несмотря на все мои опасения, Эдгар повёл себя совсем не обычно для мужчины, который взял в жёны девицу моложе себя больше чем на тридцать лет.

Он не притронулся ко мне как муж за все те четыре года,

что мы жили вместе.

Но сейчас благородство моего мужа оборачивалось для меня не слишком-то приятной стороной. Его сын, Фабрис д'Амран, уже пытался раскачать этот маховик. Допытаться, отчего же я так и не смогла родить его отцу наследника. И почему тот так внезапно на мне женился.

Но все его доводы выглядели весьма сомнительными в деле оспаривания наследства. Я всегда считалась лишь слабой магиссой, которая не способна ни на что, кроме несложных бытовых заклинаний. Что же на самом деле крылось за желанием Эдгара взять меня в жёны, я узнала гораздо позже. И муж просил меня сохранять это в тайне – для моего же блага.

Прямо спасибо Ренельду де Ламьеру – большое и пылкое! – за воспоминания и мысли о делах. Увлёкшись ими, я почти не заметила, как вернулась через сад к дому.

Снова стало шумно илюдно. То и дело навстречу попадались гуляющие между ровными стенами остролиста парочки. Тут и там слышались тихие разговоры и шуршание. Похоже, многие уже навеселились до потери приличий.

Да и я только что повела себя немногим лучше! Вспомнить только губы Ренельда на своей коже. И крепкие тиски его рук. Вот это знакомство так знакомство!

Я попыталась прошмыгнуть в дом какой-нибудь боковой тропкой, чтобы привлечь к своей персоне как можно меньше внимания. Свернула у неспешно исторгающего блестящую струйку воды фонтана. Того самого, где чуть раньше предла-

гал мне встретиться Ксавье. Оглянулась, когда рядом засмеялись, и едва не налетела на кого-то, кто шёл мне навстречу.

– Мадам д'Амран! – бодрое приветствие встряхнуло меня, словно порыв ледяного ветра.

Я отшатнулась, пытаюсь ещё избежать столкновения. И удивительным образом всё же попала в руки младшего из братьев де Ламьер. Он что, до сих пор меня тут поджидал?!

Ко всему прочему, он наступил мне на подол, потому мой рывок назад вышел очень неуклюжим. А вот невольные объятия Ксавье стали лишь крепче. Насмешливый взгляд голубых глаз в прорезях маски с обжигающим интересом скользнул по моему лицу.

Пожалуй, на сегодня с меня хватит столь близких контактов с мужчинами этого дома!

– Ваше сиятельство. – Я высвободилась со всем достоинством и сдержанно поклонилась.

Ренельду подобной вежливости не досталось. Остаётся только догадываться, какого он теперь мнения о моих манерах. Хотя пардон! Меня он тоже не расшаркиваниями встретил.

– Куда же вы пропали? – задал Ксавье очень интригующий вопрос. Я даже огляделась воровато, чтобы никто вдруг не подслушал. – Признаться, я надеялся на встречу. Но вы, словно видение, раз – и исчезли.

Я не ошиблась: его намерения недалеко ушли от тех, что гнали за мной его старшего брата. Просто прекрасно! Даже

не знаю, радоваться или начинать молить Первородных о защите от этих агрессивно романтичных мужчин.

– Конечно, я весьма польщена вашим вниманием, месье, – начала я издалека. – Но вам не кажется, что вы... гм... несколько торопите события? Мы познакомились всего неделю назад.

Мельком. В переходах Академии Санктур, куда я приезжала по делам. А он – получать диплом об окончании Боевого факультета.

– Знаете, порой стоит поторопиться, чтобы не упустить случай, – парировал Ксавье.

Он удивительно мало походил на своего старшего брата. Мягкие волны золотисто-русых волос против антрацитово-чёрных Ренельда. Более плавные, но не менее выразительные черты. Герцог словно был высечен из куска гранита. А Ксавье – вырезан из слоновой кости. Ещё эта родинка на щеке – девицы точно с ума сходят.

Но раз уж не он преследовал меня по саду, то своё поведение с ним можно слегка переиграть. А то я, кажется, слишком круто завернула. После такого насыщенного вечера можно не сохранить девичье достоинство до возвращения домой.

– Всё же передавать мне записку было слишком опрометчиво с вашей стороны, – плеснула в голос лёгкого упрёка. – Вы начали знакомство со слишком поспешного шага, месье.

– Какую записку? – Лицо Ксавье недоуменно вытяну-

лось. – Я, кажется, ничего вам не передавал.

А вот это уже очень нехорошо. Глупый у меня, должно быть, сейчас вид. Но что ж, разобраться в этой двусмысленной ситуации всё равно придётся. Потому я, не сводя с мужчины укоризненного взгляда, сунула руку в сумочку, куда совсем недавно убрала то злосчастное и очень даже пылкое послание. Пошарила – но ничего не обнаружила, кроме платка, небольшого зеркала, гребня и того флакона с зельищем, в необходимости которого сомневалась всё больше.

Ксавье вопросительным взглядом следил за моей вознёй, которая стала чуть более суетливой, чем нужно. Записки нигде не было. Я готова была даже вытряхнуть содержимое сумочки прямо на скамью, что стояла поблизости. Но у младшего де Ламьера вопросов станет только больше, если он увидит склянку с зельем.

– Совершенно точно, месье, мне передавали... – я не закончила мысль.

С тихим хихиканьем к нам вдруг выпорхнули две до оскомины очаровательные девицы.

В кудряшках и рюшечках. Невестами-то они стали зваться, но, похоже, ещё не совсем забыли о детских платьицах. Девушки замерли в стороне с лёгким разочарованием во взглядах: ну как же! Соперница на горизонте! Но Ксавье они не забыли отвесить благосклонные кивки. Похоже, потратили немало усилий, чтобы выследить объект своего обожания посреди высоких живых стен аллеи. А тут я.

– Вернёмся в дом? – предложил маркиз, явно торопясь скрыться от назойливого внимания поклонниц. – А после вы мне расскажете, что это за шутка с запиской.

– Думаю, это будет любопытно, – вздохнула я.

Похоже, вынимать заветный флакон всё же придётся. Потому что после моих уверений в том, что записку от него я всё же получала, Ксавье вряд ли сочтёт меня достаточно вменяемой.

Прямо не день, а праздник напрасных надежд.

Гости тоже понемногу стекались обратно в зал. Но стоило мне появиться в доме рядом с Ксавье, как внимание многих сразу перенеслось на нас. Сейчас я внезапно оказалась в привилегированном положении: перед сыном хозяйки дома все расступались – знай шествуй себе рядом, храня при этом подобающе снисходительное выражение лица. Будут шептаться и сплетничать о том, чего это вдруг вдова, которая не появлялась на приёмах и балах всё время замужества, стала столь близка Ксавье де Ламьеру.

Парочка проклятий на голову мне сегодня точно обеспечена.

– Где ты была? – вдруг прошипело у меня над ухом.

Дениза... Всё же снова прилепилась ко мне, словно клещ. Вряд ли кто-то ещё способен издавать столь ядовитые звуки. Такие, что сразу хочется выпить порошок от мигрени.

– Просто прогулялась, – ответила я холодно, даже не повернув головы к своей – смешно сказать – падчерице.

Которая, на минуточку, старше меня на пятнадцать лет. Но она тоже была приглашена на бал – и деваться мне от неё некуда. Чудом только удалось сбежать от её надзора в сад.

И весь вечер нам взаимно приходится изображать родственную любовь хотя бы средней интенсивности. Исключительно из уважения ко всем окружающим.

Шурша строгим тёмно-бордовым платьем без единой лишней оборки или кусочка кружева, Дениза проворно пристроилась сбоку от меня. И, кажется, даже идущий рядом де Ламьер ничуть её не смутил. Ах, ну да. Он же для неё всего лишь выпускник Санктуре, где она уже далеко не первый год была деканом Факультета Заклятий.

– Прекрасно выглядите, местрисс д'Амран, – напомнил Ксавье о себе. – Новая причёска?

Причёска у Денизы была ровно такой же, как и последние четыре года, что я её знала. И только глухая не смогла бы распознать в тоне мужчины открытую просьбу исчезнуть с глаз долой. Желательно поскорее.

Но Дениза – это Дениза: её самоуверенностью и необъяснимой ненавистью к мужчинам, особенно привлекательным, можно было бы двигать горы. Потому она лишь облила де Ламьера смолой неодобрительного взгляда. А я так и представила, как говорит ему: “Почему вы, адепт, прогуляли три моих последних лекции по теории проклятий? Незачёт!” Или как там у них в Санктуре заведено...

Похоже, в её взгляде Ксавье прочитал примерно то же.

Поэтому быстро сник – и так, втроём, мы неспешно дошли до фуршетных столов, где поблескивали круглыми боками необычные, похожие на маленькие чайнички сосуды с неизвестным мне напитком внутри.

К счастью, кто-то окликнул Денизу, и она отошла, не забыв напоследок одарить меня осуждающим взглядом.

– Попробуйте. Это амрэ. – Ксавье, решив, видимо, за мной поухаживать, протянул мне один из “бокалов”. – Совершенно удивительная вещь. Этот рецепт наш сомелье привёз из Архипела. Там ещё хранят древние секреты таких вот угощений. Я слышал, его пили короли многие сотни лет назад.

Я пригляделась к чуть мутноватой жидкости внутри под шапкой из взбитых сливок. Должно быть, это очень сладко.

– Вижу, вы пробовали много необычного. – Я посмотрела на маркиза чуть исподлобья. – Не боитесь, что я не оценю?

Де Ламьер рассмеялся совершенно открыто и даже очаровательно. Если это слово вообще можно применить к мужчине выше меня почти на голову. К магу-боевику, который испепелит любую тварь из Бездны, не успеешь глазом моргнуть.

– С изумительным нектаром ваших виноделен точно не сравнить. – Его лёгкая лесть оказалась неожиданно приятной. – Он появляется там не иначе как каким-то волшебством! Но вкус амрэ весьма любопытный.

– Знаете... – Я состроила нарочито неуверенный вид. – Я отважусь попробовать это, только если вы меня поддержите.

И не хотелось бы сразу опьянеть... На вид этот амрэ очень крепок.

– Вас не проведёшь, – усмехнулся де Ламьер. – Подождите немного.

Он отошёл, явно собираясь принести мне что-то из закусок, чтобы сгладить вкус предложенного напитка. Удивительно галантно, стоит признать. Уверена, его братец, к примеру, погнал бы слугу. Или предоставил бы выбор мне. Сейчас учтивость Ксавье только на пользу. Как и отсутствие в зале королевского дознавателя.

Я сунула руку в сумочку и поддела хрустальную пробку, что закрывала хитро зачарованный флакон. Одними губами произнесла заклинание. По ладони скользнул едва ощутимый холодок. Только на миг пахнуло травами – и расплётённое на несметное количество частиц зелье незаметно перекочевало в другой бокал с этим загадочным амрэ.

И как раз вовремя, потому что вернулся Ксавье. С небольшой тарелкой в руках, по-мужски щедро наполненной замысловато свёрнутыми, оформленными в миниатюрные башенки и сложенными в конвертики закусками.

– Вы доверяете мне? – улыбнулся де Ламьер.

– Думаю, да. – Я кивнула. – Несмотря на то, что вы утверждаете, будто не передавали мне записку с просьбой о встрече.

– Возможно, это просто чья-то шутка. – Обезоруживающе улыбнувшись, Ксавье стащил у меня с тарелки малюсенькую

тарталетку с икрой. – Сегодня на балу собралось много моих друзей. А они те ещё оболтусы.

– Возможно... – протянула я, размышляя, стоит ли затевать спор по такому неоднозначному поводу.

Всё же не зря о беспечном нраве младшего из братьев де Ламьер говорили так много – все, кого я успела о нём расспросить между делом во время общесветских разговоров.

А сейчас мне лучше быть покладистой. И каким бы отвратительным ни показался мне вкус амрэ, я вытерплю его, не дрогнув ни единым мускулом на лице.

И когда я уже собралась вкусить древнего напитка королей, в зале на миг стало тихо, а затем раздался бодрый голос хозяйки дома:

– Попрошу всех снять маски!

Я невольно обернулась и успела увидеть, как герцогиня первая сняла свою. Гости с явным облегчением избавились от опостылевших за вечер аксессуаров – тем более они, кажется, никому не мешали друг друга узнавать. Ну, кроме нас со старшим де Ламьером, разумеется.

А вот, кстати, и он! Стоило только вспомнить!

Герцог с достоинством вернулся в зал и остановился подле матери. В сиянии напичканных свечами люстр он казался не столь устрашающим, как в таинственном сумраке сада. Зато ещё более внушительным. Идеально подогнанный сюртук, расшитый узором из золотистого шнура, и брюки из тончайшей бежевой замши как нельзя лучше позволяли

рассмотреть все достоинства фигуры герцога. Раньше-то мне было не до того – сбежать бы поскорей!

А вот другие женщины трепетно притихли, во все глаза уставившись на дознавателя. Но вряд ли кто-то из них отважился бы просто подойти к нему. Даже из желания завести безобидный разговор. Только шальной Леоноре, что вытащила его на свидание в сад, удалось приблизиться. Даже любопытно было на неё взглянуть.

– Кажется, он чем-то озадачен, – заключил Ксавье. – Неужто что-то случилось? Мадам? – Я вздрогнула и вновь повернулась к нему. – Продолжим?

Я обхватила ладонями поданный мне сосуд и внимательно проследила, как младший де Ламьер отпивает из своего, показывая мне, как это нужно делать. Ну что ж, это, пожалуй, последняя авантюра на сегодня. Надо бы сохранить хоть каплю загадки своего образа, прежде чем я исчезну, оставив Ксавье растекаться желанием под действием коварного зелья.

До чего я всё же докатилась... Впрочем, в Бездну всё!
Пробую амрэ – и домой.

Глава 2

Я попыталась открыть глаза, но вышло у меня не с первого раза. Похоже, прошедший вечер оказался для меня слишком тяжёлым. Все эти встречи, знакомства, амрэ.

А что ещё хуже... Я толком не помню, как вообще добиралась домой.

В памяти задержались лишь последние перед полным провалом мгновения. Я попробовала тот напиток королей – кстати, весьма недурственный на вкус. Распрощалась с Ксавье. Села в экипаж... Кажется. А что дальше?..

Пришлось полежать ещё немного с закрытыми глазами, чтобы лёгкая круговерть в голове успокоилась. Как и нахлынувшие после пробуждения мысли. Но тихий вздох и шевеление рядом заставили мгновенно распахнуть веки.

Какого?..

Я подскочила на месте, подбирая к себе ноги, готовая бежать в любой миг. В постели рядом со мной и правда обнаружилось внушительное и явно мужское тело. Постойте-постойте! Здесь его вообще никак не могло оказаться! У меня дома, в моей комнате...

Едва осознав наличие поблизости спящего незнакомца, я огляделась и тут же пожелала проснуться ещё раз. Потому что это точно скверный сон! Комната оказалась чужой, огромной, с отделанными тёмным деревом стенами и замыс-

ловатой росписью свода. Окна почти в человеческий рост, узорные витражи, дробящие свет на цветные осколки...

На спинке кресла неподалёку от высокой кровати фривольно, словно хмельная девица, раскинулось моё платье. Я бы даже сказала – зазывно. Чуть ниже, на сиденье, – подозрительно знакомый, шитый золотистым шнуром сюртук. Я определённо видела его недавно. На ком? Мысли в голове отказывались ворочаться побыстрее. Но безжалостная догадка, не успев ещё до конца сформироваться, уже опалила мне виски жаром.

Я осторожно склонилась к невозмутимо спящему рядом мужчине и тут же отпрянула прочь. Потому что им оказался проклятуший Ренельд де Ламьер. Ренельд, сожри его пустынный червь, де Ламьер!

Да за что же мне это? Как?!

Я запрокинула голову, давя рвущийся из горла стон негодования пополам с недоумением. Спихватилась, пошарила руками по телу: так и есть! Без одежды.

Убить де Ламьера! Прямо сейчас растворить на частицы каким-нибудь особо едким заклинанием. Пока спит. И пусть даже после этого моя аура станет чернее ночи!

Поразмыслила. Решила, что он того не стоит.

Значит, нужно избавляться от проблемы с другого захода. А прежде всего – одеться!

Сорочка обнаружилась висящей на подлокотнике всё того же кресла. Но дотянуться до неё, не потревожив герцога,

выглядело совершенно непосильной задачей. Презрев опасность, я всё же попыталась переползти к краю постели поближе. При этом пришлось прикрываться доставшейся мне частью одеяла. Весьма скромной, надо заметить. Потому что более значительная укрывала сейчас могучее тело де Ламьера. Судя по всему, бесстыдно обнажённое, как и моё.

В другой раз я, может, и заглянула бы под простынку. Интересно же! Но сейчас не до любопытства. К тому же я опасалась, что ненароком со злости всё-таки пришибу своего соседа по постели.

Так, истерики потом. Сейчас надо быстро добежать до кресла за сорочкой...

Но стоило мне двинуться с места, как от камина у дальней стены раздалось предупреждающее рычание. Это что ещё за новости?! Я замерла, чувствуя, как мои глаза становятся всё круглее и круглее, когда к постели неспешно и даже вальяжно приблизился неведомый зверь – не иначе как какое-то порождение Бездны.

В целом он был похож на бойцовскую собаку – коренастый, крепкий. На перекатах упругих мышц поблескивает короткая чёрная шерсть. Вытянутая морда и заострённые чуткие уши – как есть пёс. Вот только челюсть крупновата, словно принадлежит какому-то другому существу, а вся массивная голова покрыта тупыми бугорками-рожками, что наливались красным тем сильнее, чем больше злился устрашающий страж. Длинный гибкий хвост его оканчивался пуч-

ком острых и, может быть, даже ядовитых шипов. Ударит так – и всё, скончаешься на месте от какого-нибудь удушья.

Зверь продолжал медленно наступать на меня, а я сидела, уперевшись одной рукой в постель, и боялась даже икнуть случайно. “Пёс” клацнул зубами – я плюхнулась задом в недра упругой перины. И, кажется, дёрнула одеяло слишком сильно. Затаилась, ещё надеясь, что пронесёт. Но герцог лениво пошевелился, перевернулся на спину и открыл глаза.

Я мигом вернулась на своё место и поддёрнула ткань до подбородка, опасливо косясь на замершего в угрожающей позе зверя.

Ренельд с нажимом потёр глаза пальцами.

– Паршивое утро, не находите? – выдал он что-то совсем неожиданное. Хотя в целом я была с ним согласна. – Лабьет, оставь её!

Пёс расслабился и жарко задышал, с явным обожанием уставившись на хозяина. А тот приложил ладонь ко лбу, провёл ей вниз по лицу и повернулся ко мне.

– Не понимаю, как это случилось, – буркнула я, отползая от него чуть дальше. Но с другой стороны меня караулил его питомец, а это ничуть не лучше. – Может, вы мне объясните?

– Знаете, амрэ очень любим некоторыми женщинами. И очень коварен, – удивительно спокойно рассудил герцог, разглядывая меня с чуть вялым спросонья любопытством. – Другое дело, что я выпил всего один бокал. Ведь я не молодая желчная вдовушка, которая пытается залить сладеньким

питьём свою злость. Однако, если взглянуть с другой стороны...

– Вы уничтожили мою репутацию! – окончательно вскипела я.

Лабьет тихо рыкнул, но я махнула на него рукой, отчего тот, кажется, даже растерялся.

Да как Ренельд вообще смеет иронизировать в такой вопиющей ситуации! Ещё и намекает на то, что я злоупотребляю хмельным, что заведомо неправда! Я качнулась было вперёд в благородном порыве наградить этого нахала хорошей пощёчиной. Но де Ламьер, совершенно гадко ухмыляясь, вдруг дёрнул одеяло на себя, и мне пришлось вцепиться в него обеими руками, чтобы не упустить.

– Если бы я помнил, как уничтожил вашу так называемую репутацию, мадам д’Амран, было бы гораздо интереснее. Но, к сожалению, я не помню. А чего я не помню, то не обязательно случилось.

– Вы считаете, что вот этого недостаточно? – Я попеременно указала взмахом руки на него и на себя. – Что это ни о чём не говорит?

– Совершенно ни о чём, – вздохнул Ренельд. – Вам бы обвинителем на королевских судах быть. В этом у вас явный талант. Чем меньше доказательств, тем больше шума.

– Дайте, я оденусь! – Я дёрнула одеяло к себе, намереваясь в него завернуться.

До моей одежды ведь ещё нужно добраться – к тому же

мимо этого ужасающего животного. И это я не де Ламьера сейчас имею в виду! Не покусает же он меня. По крайней мере, хотелось в это верить.

– Пойдите, – герцог не позволил мне забрать покрывало, – вы тут, вообще-то, не одна!

Конечно, не одна! Вокруг меня почти целая стая нахальных кобелей!

– Прикройтесь чем-нибудь другим.

– Я не буду смотреть.

– Я вам не верю!

Герцог усмехнулся, только подтвердив мои сомнения в том, что он и правда не станет смотреть, как я голая иду до треклятого, заваленного одеждой кресла. Я схватила подушку и, одновременно ещё раз рванув одеяло на себя, бросила её герцогу. Тот подставил руки и выпустил покрывало. Я мгновенно скатилась с постели, проворно наматывая на себя расшитый какими-то завитками лён.

Пёс герцога тут же кинулся ко мне и, схватившись зубами за край покрывала, куда-то меня потащил. Наверное, в свою пещеру – чтобы сожрать.

– Кто это вообще такой?! – взвизгнула я, чувствуя, как меня неумолимо распаковывают вновь.

– Лабьет, назад! – снова рявкнул герцог. – Да что с тобой?

Питомец недовольно фыркнул, но прекратил меня раздевать. И, только наконец почувствовав себя в полной безопасности, я с лёгким торжеством глянула на Ренельда, ко-

торый теперь хмурился, прижимая подушку себе ниже пояса. В его зеленущих глазах сверкала острая, как изумрудная грань, угроза.

– И часто вы сбегаете от мужчин, оставляя их в чём мать родила?

– Вам повезло, вы первый. – Я закинула сорочку на плечо и подхватила тяжёлое платье вместе с корсетом под мышку.

Так, здесь есть ширма, за которой можно было бы одеться? Та обнаружилась в дальнем углу спальни, но, судя по всему, предназначалась она не для герцога.

– Для женщины, побывавшей замужем, вы удивительно стыдливы, – заметил он, наблюдая за мной.

– Вы для мужчины, столь уверенного в своей неотразимости, тоже.

Лабьет согласно чихнул и посеменил следом со мной – ну прямо Дениза на вчерашнем балу. Только с хвостом и клыками, как у дракона.

Ренельд коротко хохотнул и встал. А я, неловко одной рукой пытаюсь расставить ширму, невольно вновь обратила на него взгляд. Устоять было сложно. Признаться, я нечасто видела рядом с собой мужчин, что вызывали бы желание их разглядывать. Но, на мою голову, его светлость оказался как раз из таких. Все эти мышцы в нужных местах, широкая спина, узкая по сравнению с ней талия и... проклятье!

На миг мне показалось, что сейчас он пожелает убедить меня в том, что и правда везде сложен идеально. Но герцог

не стал. Всё так же прикрываясь подушкой – правда, только спереди, – он дошёл до стола, на котором, кроме нескольких книг и моей сумочки, каким-то неведомым образом очутились его брюки.

Гнев Первородных! Надеюсь, это не я их туда зашвырнула.

Ещё не хватало глазеть, как он будет одеваться! Потому я, отогнав Лабьета, торопливо скрылась за ширмой и принялась натягивать сорочку. Без служанки справиться с одеванием будет довольно сложно, но придётся попытаться. В Бездну корсет, доеду до дома без него! Однако когда дело дошло до шнуровки, что стягивала лиф на спине, стало понятно, что мои руки недостаточно гибкие для таких вывертов. Я пытела так и эдак, проклиная это утро, этот наряд и тех, кому вообще однажды пришло в голову делать женские платья сложными, как древние доспехи. Надеть самой невозможно, а упадёшь – и не встанешь без посторонней помощи.

– Я помогу, – неожиданно прозвучало за спиной.

– Вообще-то, нужно спрашивать, прежде чем входить! – Я подхватила сползающий с груди лиф и со всем негодованием обернулась к герцогу, который стоял позади уже полностью одетый.

Словно ничего не произошло. И будь у него сейчас в руках чашечка кофе, я бы не удивилась. Хотя, наверное, просто выплеснула бы её ему в лицо.

– По тому, как долго вы возились, я предположил, что

лишнего уже не увижу. – Он неспешно приблизился, а устрашающий пёс любовно потёрся боком о его колено.

Герцог взял меня за плечи и развернул спиной к себе.

Его пальцы ощутимо пробежались вдоль шеи, убирая расчёпанные волосы, и вдоль позвоночника скользнул приятно колючий поток мурашек. Любопытно, как часто де Ламьеру вообще приходится шнуровать платья женщинам, что проводят ночи в его спальне?

Потому что Ренельд справлялся уж больно ловко и быстро с такой непосильной для большинства мужчин задачей. Он затянул лиф ровно так, как нужно, – не слишком туго и не свободно. Моя служанка, пожалуй, не справилась бы лучше.

– Здесь есть какой-нибудь тайный выход? – поинтересовалась я как бы между делом.

– Уже уходите? – Де Ламьер нехорошо ухмыльнулся. – Что, даже жениться на вас не потребуете?

Да его голосом можно было колоть лёд! А тот ещё поёжился бы и сказал, что ему холодно.

– Нет, ваша ценность как мужа для меня крайне сомнительна. – Я премило улыбнулась. – Пожалуй, я обойдусь всего лишь тайным выходом из этой комнаты.

– С чего вы взяли, что он здесь есть? – Ренельд приподнял брови и сложил руки на груди.

– Вы же королевский дознаватель. – Я пожала плечами. – Любите тайны, скрытые мотивы. Слежка, наушничество, преследование – всё это входит в круг ваших интере-

сов. Значит, вряд ли ваша комната не имеет хотя бы завалящего тайного хода.

– Тайный ход на то и тайный, что, будь он здесь, я не показывал бы его всем подряд. А особенно женщинам, что остаются в этой комнате на одну случайную ночь. К тому же я вообще не знаю, что у вас на уме, мадам д’Амран.

Щёки мгновенно вспыхнули.

– Что это вы пытаетесь вменить мне в вину, ваша светлость? Считаете, я нарочно прыгнула в вашу постель?

– Я не утверждаю, – уклончиво ответил Ренельд. – Но и не исключаю.

– Да как вы смеете?!

– Вполне себе спокойно. – Герцог развёл руками. – Думаете, я не видел, как прытко вы вчера сближались с моим братом? Может, вы просто комнаты перепутали. Вряд ли хорошо помнили, где чья находится.

– Это у вас, кажется, беда с памятью на лица. Да и вообще с памятью! – Я возмущённо фыркнула. – Хотя, наверное, это удобно. Провёл с женщиной ночь, а там и имя забыл!

– Такую, как вы, не забудешь... – покачал головой Ренельд.

И я даже не поняла, комплимент это или упрёк. Слегка ошарашенная его словами, я не сразу заметила, что Лабьет отчего-то вдумчиво меня обнюхивает – уже довольно давно. Словно он тоже пытался понять, насколько тесно я этой ночью “пообщалась” с его хозяином.

Вообще, странно, что мы оба не могли ничего вспомнить. Если только герцог не прикидывается. Хотя недоумение и злость в его глазах, кажется, вполне натуральные...

Сейчас, немного успокоившись, я поняла, что чувствую себя вполне обычно. Но если бы что-то между нами с де Ламьером случилось, тело точно дало бы мне знать? Потому что он... Я ещё раз украдкой его оглядела, пока он оттаскивал в сторону страстно обнюхивающего меня пса.

В общем, герцог – мужчина не из мелких, и тесное знакомство с ним явно не прошло бы без особых ощущений наутро. Хотя, конечно, я мало в этом смыслила.

Похоже, по возвращении домой придётся вызвать к себе местрисс Астер. Семейного врача дома д'Амран. Только она ещё знала о том, что я в замужестве так ни разу и не была с мужчиной. Эдгар полностью ей доверял. Вот и мне придётся доверить Жеане столь постыдный момент моей жизни.

А пока проблема иная – выбраться из покоев де Ламьера незаметно для других.

– Предлагаю хотя бы сейчас забыть о том, что сегодня случилось, – после короткого молчания проговорила я холодно. – Это жуткое недоразумение. Но это не значит, что я не планирую разобраться в том, как это вообще могло произойти.

– Будьте уверены, я тоже... – в голосе Ренельда проступила явная угроза. – Так что, просить подать вам экипаж? Или спрятать вас под юбкой у служанки, чтобы вы могли спокой-

но дойти до комнаты?

– Прекратите ёрничать! – Я сжала в кулаке перчатки, которые пришлось собирать по полу. – Я надеюсь, что хотя бы доля такта вам присуща. И вы не станете выносить всю эту нелепую ситуацию на всеобщее обсуждение.

– Насчёт этого можете не волноваться. Я позову слугу. Не бойтесь, он не из болтливых.

Ренельд уже направился было к двери, оставив меня под присмотром своего демонического пса, как за ней раздались уверенные быстрые шаги. Кажется, утреннего гостя попытался остановить слуга, который и правда был в гостинной части покоев, но его проигнорировали.

– За ширму, быстро! – глухо рыкнул герцог. – Лабьет, ко мне!

Я отшатнулась в угол у камина. Де Ламьер схватил со стола мою сумочку, но та оказалась открыта, потому из неё выпало самое тяжёлое, что было внутри. Хрустальный флакон с ничтожной каплей зелья на дне. Склеянка закатилась под столик. Ренельд проследил за ней взглядом, но поднять не успел – швырнул в меня ридикюль и задвинул ширму прямо перед моим носом.

Я затаилась, прижимая сумочку к груди. Что же сейчас будет? Кто бы там ни пришёл, а злосчастный флакон, который так и остался валяться под столом, беспокоил меня не меньше. Я даже видела его из-за края ширмы, но до него было никак не дотянуться.

– Доброе утро! – бодрый голос Ксавье де Ламьера прошил меня, словно молнией.

Я даже вскинула руку к шее, ощутив, как дыхание застряло где-то внутри. И в тот же миг обнаружила, что бархатки с зачарованным кристаллом, который маскировал всплески моей ауры, на ней нет.

Но сейчас даже с этим я ничего поделывать не могла. Придётся надеяться на собственные умения и самоконтроль. Главное – успокоиться!

Приподняв подол, чтобы не шуршал, я подобралась ближе и осторожно выглянула в небольшое отверстие в ширме.

– Ты сегодня рано, – слегка ворчливо отозвался Ренельд, проходя к столику у окна, на котором стояли серебряный кувшин с водой, блестящий графин с тёмным напитком в нём и несколько хрустальных стаканов. Герцог налил себе воды. Хотя я на его месте не отказалась бы от чего покрепче – для успокоения.

– Я выспался. – Ксавье пристально присмотрелся к графину, на ощупь почёсывая загривок Лабьета. – Знаешь, удивительная бодрость с утра.

– Странно, если вспомнить, как поздно ты вчера отправился спать.

– Я хотел бы раньше, – младший де Ламьер загадочно воздел глаза к потолку, – но это было сложно. Сам понимаешь.

Ренельд хмыкнул, кажется нарочно погромче, чтобы я услышала. От этого слегка презрительного звука мне в жи-

вот словно тупым колом ткнули. Как жаль, что я не могу сейчас обшарить стены в поисках треклятого тайного хода, который здесь наверняка есть, и просто исчезнуть отсюда. А магию перемещения я освоила ещё не до конца. Не хотелось бы застрять где-то в каменной кладке этого дома. Кстати, вон та ниша у стенного шкафа очень походит на скрытую дверь. Но сейчас я даже вдохнуть поглубже боялась, не то что двинуться с места лишний раз. А тут тайный ход. Щёлкнет что-нибудь, заскрипит механизм – и мою страдающую в агонии репутацию не спасёт недоуменное хлопанье ресницами.

Особенно перед Ксавье.

Я точно успела чем-то прогневить Первородных вчера, если вслед за небольшими удачами они слали мне подобные подянки.

– Ты же видел эту мадам д'Амран, – продолжил Ксавье. И звук моего имени заставил насторожиться ещё больше. Даже уши шевельнулись, честное слово! – Мари. Она удивительно привлекательна для... вдовы. И молода. Странно.

– Что же, по-твоему, все вдовы – усохшие в семейной жизни изюмины? – Ренельд издевательски хохотнул. – Бывают и такие. И тем они гораздо более опасны, чем твои незамутнённые адепки из Санктюра.

– Почему мы раньше не встречали её? – Ксавье, озадаченно тронув гладко выбритый подбородок, дошёл до окна и отодвинул в сторону тяжёлую портьеру. – Я бы точно запомнил.

– Потому что Эдгар д’Амран наверняка хранил свой нежный цветок от чужих глаз старательнее, чем ты флягу с настойкой на совайже от отца.

– Да, тогда за неё мне сильно влетело. – Младший де Ламьер досадливо встрепал волосы на затылке. Ещё раз озадаченно посмотрел во двор и вновь повернулся к брату. Но его взгляд мгновенно стал серьёзным. – Я хочу встретиться с ней снова.

Ренельд озадаченно кашлянул. И совершенно точно переглянулся со своим псом, словно тот в этот самый миг сказал что-то язвительное.

А я смахнула лёгкую испарину с шеи. Солнце уже поднялось довольно высоко, и сейчас его свет как раз падал в окно напротив меня. В плотном, пусть и светлом платье становилось просто невозможно жарко. Ещё и от слов Ксавье сердце заколотилось как сумасшедшее. Неужели удалось?

– Ты уверен, что оно тебе нужно? – тон Ренельда стал сварливо-отеческим. Он подошёл к брату ближе и пристально взгляделся в его лицо. – Вокруг тебя столько милых девиц, которые только и ждут, что ты согласишься в их сторону. А мадам д’Амран... Она почти год живёт без мужа. Такие дамы с выражением на хорошеньких личиках: “Ах, я всё сделаю сама!” – обычно имеют по несколько любовников. По дням недели.

Я сжала кулаки, едва удерживаясь от того, чтобы выско-чить из-за ширмы и просто разорвать де Ламьера на кусочки

поменьше. Чтобы никакая королевская экспертиза не опознала. Зная, что я всё слышу, он не стесняется в предположениях! Вот же циничный кусок камня.

– Думаю... – Ксавье смолк, будто и правда ещё раз всё взвесил. – Думаю, да. Она не показалась мне прожжённой стервой. А твоё отношение к женщинам, уж прости, предвзято. Не все они похожи на...

– Я понял, – слегка поспешно оборвал его брат. – Дело твоё. Но, прежде чем ты бросишься с головой в эту пропасть... Дай-ка я проверю твою ауру.

– С чего вдруг? – Ксавье даже немного отшатнулся.

– Не доверяю я этой излишне привлекательной вдовушке, – Ренельд вновь чуть повысил голос – явно для меня.

Лабьет ткнулся чёрным носом ему в ладонь, словно захотел успокоить. А у меня ощутимо подогнулись колени. Бездна бы вас побрала, месье дознаватель!

– Брось, – младший де Ламьер выставил перед собой руку, – терпеть не могу, когда ты так делаешь. Словно мозги проворачиваешь в мясорубке. Со мной всё в порядке. А вот ты какой-то раздражённый... Леонора вильнула хвостом?

– Попридержи коней, – предупредил герцог.

Так-так, похоже, младший наступил-таки ему на воспалённое место. Мне даже захотелось крепко поцеловать Ксавье. В щёку, разумеется! Прилив здорового женского злорадства слегка взбодрил, но ненадолго.

Я снова покосилась на блестящий флакон, уже зная, что

меня ждёт дальше. Как бы через ту мясорубку, которую упомянул Ксавье, не пропустили мои мозги! В отместку за чудесно проведённое утро, так сказать.

Стук в дверь на самом интересном месте прервал разговор, который касался меня со всех сторон. Может, и хорошо: слушать его становилось всё более неловко. Хоть и любопытно, надо признать.

Вошёл слуга и, озадаченно оглядевшись в комнате, рапортовал:

– Вам письмо, ваша светлость. Только что доставили из Жардинской жандармерии.

Он прошёл чуть дальше и протянул Ренельду послание на небольшом круглом подносе. Герцог вскрыл его ножом для писем и быстро пробежался взглядом по строчкам.

– Прости, мне нужно собираться, – отрешённо бросил он брату. – Поговорим о твоей Мари чуть позже. И о том, чем тебе грозит связь с нею. Если только ты не желаешь просто развлечься. Тогда пожалуйста.

Я переступила с ноги на ногу, ощущая, как зудит ладонь, требуя хорошенько впечататься в поросшую короткой щетиной щёку де Ламьера. Желательно несколько раз. Сторговывает меня, словно какую-то девку!

– Я ещё не решил, – усмехнулся Ксавье. Да он, собственно, ничуть не лучше брата! – Жаль, только утром узнал, что Мари не уехала домой. Осталась здесь. Но её служанка сказала, что графиня пошла прогуляться после сна. Правда,

найти её я так и не смог.

Значит, в этом доме и правда есть комната, в которой меня поселила гостеприимная герцогиня. Уже легче. И спасибо сообразительной Абели за то, что нашлась, как отговориться от пылкого Ксавье! И подозрений будет меньше, и интерес его подогреет. Пожалуй, в этом месяце она получит двойное жалование! И подаренную мне дальней родственницей мужа шляпку, что ей так нравилась, но которую я больше чем за год так ни разу и не надела. Не мой фасон.

Но вдруг слуга, который так и стоял в ожидании распоряжений, вопросительно глянул на герцога, а затем пробежался взглядом по спальне. Задержался на смятой явно двумя людьми постели, после – на ширме. Вот сейчас он-то меня и выдаст!

Я невольно качнулась назад. Пышный подол задел банкетку – и мой корсет с тихим шорохом соскользнул с неё на пол.

Слуга вытянулся, вмиг соорудив отрешённое выражение лица. Пёс наострил уши. Но, к счастью, Ксавье, кажется, ничего не расслышал.

– Может, она всё же уехала, – рассеянно отозвался Ренельд, увлечённо перечитывая письмо. – Октав. Ты же всё тут знаешь лучше других. Будь добр, выясни, где сейчас мадам д'Амран. И доложи Ксавье.

– Эм, – мужчина коротко стрельнул глазами в мою сторону, – да, ваша светлость. Конечно.

Он повернулся и вышел из комнаты.

– Какие-то проблемы? – Ксавье попытался заглянуть в послание, что Ренельд до сих пор держал в руке. Но тот не позволил ему удовлетворить любопытство.

– Сегодня и выясню. Что-то месье Лимиер беспокоится. Думаю, меня ждёт немало новостей от него.

– Что ж. Тогда я пойду. – Младший хлопнул его по плечу. – Попытаюсь всё же найти Мари.

– Будь с ней осторожнее, – не преминул напомнить ему герцог.

Тот лишь рукой на него махнул и закрыл за собой дверь.

А для меня, кажется, пришло самое время прыгать в окно! Сбежать через каминную трубу тоже вариант. Потому что Ренельд быстрым шагом вернулся к тому столику, под который закатился флакон, и поднял его как неоспоримое доказательство моей размытой вины.

– Что это? – Он едва не снёс ширму – так резко отодвинул её в сторону.

– Мои капли от мигрени! – смело заявила я и попыталась выхватить флакон из его пальцев. От его дознавательского нюха подальше. – Отдайте!

Герцог вскинул руку вверх, не позволяя мне дотянуться. И почему он такой высокий?! Я невольно подпрыгнула, а Лабьет глухо рыкнул, явно угрожая отгрызть мне что-нибудь, если придётся.

– Вы хотите меня провести? – Продолжая удерживать руку наверху, Ренельд склонился ко мне. – Если у вас так бо-

лела голова, что вы выхлестали целый флакон капель, то отчего просто не поехали домой?

– Во-первых, он был неполный! Во-вторых, месье де Ламьер, это было бы невежливо. Я слегка разволновалась. К тому же эта духота... Глупо было бы уезжать. Балы, подобные тому, что устроила ваша матушка, не слишком часто случаются в моей жизни. Как вы верно заметили, – я сделала шаг к герцогу, снова собираясь отвоёвывать склянку, – Эдгар оберегал меня. И ему не слишком хотелось разъезжать по приёмам. По некоторым причинам. И с моей стороны было бы неуважением отвечать на приглашения без своего супруга.

– Вас послушать, так вы настолько благочестивы, что аж скулы сводит, – хмыкнул де Ламьер. – Может, вы ещё и невинны?

Я чуть не поперхнулась.

– Знаете что!.. – прошипела, сощурив глаза. – Вы уже определитесь, невинна я или меняю любовников каждый день! Хотите стать четвергом? У меня как раз освободился! Хотя нет... Раз уж этой ночью всё было так уныло, что я не запомнила, оставлю этот день для кого-нибудь другого!

Ух, как же меня понесло! Перед глазами заплясали канкан серые пятна гнева. Ренельд даже руку чуть опустил, замороженно слушая меня. Тут бы изловчиться, но гадкий Лабьет схватил меня за подол и дёрнул так, что я едва не рухнула на банкетку задом.

И в этот самый миг Ренельд откупорил флакон. У меня в

висках что-то качнулось, голову повело. Я даже вообразила себе запах трав, что сейчас вырвется из бутылочки и мгновенно раскроет меня. Но зачарованный сосуд должен был хорошо маскировать исходящие от зелья потоки магии.

Ренельд поднёс к носу горлышко, чуть брезгливо сжимая его двумя пальцами. Втянул воздух, словно и правда мог понять что-то уже по одному только запаху. Прикрыл глаза – и ко мне протянулся ощутимый поток его магии. Оставалось только надеяться, что за ночь эта капля зелья настолько потеряла зачарованный заряд, что даже чуткому де Ламьеру не удастся ничего уловить.

– Сложно сказать, – герцог вновь посмотрел на меня, – мало материала. Но всё же я предполагаю, что здесь были не капли от мигрени. Целительской ауры я не чувствую. Скорее, зачарование иного плана, – он криво усмехнулся. – Может, расскажете сами, пока я не взялся за более детальный анализ?

– Боюсь, мне нечего вам сказать. Верните флакон. – Я протянула раскрытую ладонь. – В конце концов, вас не касаются подробности моего здоровья и самочувствия. А также моя личная жизнь.

– Меня-то нет. А вот моего брата, как вы уже поняли, – вполне. – Ренельд так и не поторопился исполнить очевидную и пока что вежливую просьбу.

– Прекратите! – Я снова попыталась забрать своё. – Какое вы вообще имеете право так со мной разговаривать!

Мне всё же удалось дотянуться, но Ренельд снова взмахнул рукой. Я вцепилась крепко и всё же выдернула бутылочку, но сама же не удержала. Ещё попыталась поймать флакон – тот отскочил от подставленной руки и, ударившись о край ширмы, разлетелся на мелкие осколки.

– Вы нарочно... – заметно вскипел де Ламьер.

Он двинулся на меня вместе со своим сообщником-питомцем. Двое на одну – это, вообще-то, нечестно! Я подавила мгновенно вспыхнувшее желание защищаться – и ещё как защищаться! Хорошеньким разрядом промеж глаз ударить точно могла – так, что месье дознаватель забудет и это утро вдобавок. Останется только вопрос, откуда у него синяк в пол-лица.

– Это случайность. – Я всё же отступила. Если сейчас покалечу королевского дознавателя, легче от этого мне явно не станет. – Сегодня произошло много досадных случайностей.

Но пятиться скоро стало некуда: меня почти прижали к стене. Я вскинула руки в инстинктивной попытке отгородиться от наползающей на меня тени Ренельда, и он тут же схватил мои запястья. Качнулся вперёд, разглядывая моё лицо, и неожиданно опустил взгляд на губы. В них мгновенно ударилась кровь, наливая пульсирующим теплом. Герцог глубоко вдохнул, ловя мой растерянный вздох, и его зелёные глаза стали совсем ядовитыми. Словно он захмелел. Через миг де Ламьер обхватил ладонью мой затылок, зарываясь пальцами в едва причёсанные волосы. Подушечками на-

давил на кожу, придвинулся ещё теснее. И ещё – так что моё сердце заколотилось где-то под горлом.

– Вы хотели кого-то опоить? – тихо проговорил он, касаясь дыханием скулы. – Думаете, вам это нужно?

Да что с ним такое творится?!

– Думаю, мне нужно идти. – Я попыталась вывернуть руку из его хватки.

И тут меня до локтя пронзило словно бы ледяным копьём. Отголоски холодной волны окутали плечо и даже часть груди. Перед глазами качнулась чернильная муть, точно разводы в воде, заполнила голову и начала растворяться. Мышцы потянуло, как будто накануне я их перетрудила.

Что это вообще такое?!

Гулко стукнуло сердце в висках, и Ренельд замер, ввинчивая в меня ошалелый, совершенно непонимающий взгляд. Замер на невыносимо тонкой грани, за которой – я знала каким-то глубинным чутьём – просто сомнёт мои губы своими. Один внутренний толчок, порыв, движение. А дальше будет неизвестно что. Его пальцы на моём запястье сжались крепче, но ещё миг – и он резко отпустил меня, словно наше соприкосновение стало невыносимо обжигающим. А я, пользуясь таким удачным случаем, подобрала подол и быстрым шагом ринулась прочь. К счастью, Лабьет не стал меня преследовать. Похоже, неменяемое состояние хозяина сейчас волновало его больше, чем мой побег.

– Всего доброго, ваша светлость, – бросила я напоследок.

док. – Я сама попрошу подать мне экипаж.

Теперь скорее уносить ноги, пока герцог не пришёл в себя.

Видят Первородные, сложно представить себе более безумное утро!

Глава 3

Ренельд не мог прийти в себя ещё несколько мгновений после того, как прыткая и невероятно притягательная вдовушка выскочила за дверь спальни. Лабьет кружил у ног, задевал колено тяжёлым шипастым хвостом, но не мог ничего сделать. Ничем помочь хозяину. В голове стоял шалый дурман, а в груди словно бы вращалось огненное колесо, разливая тепло по всему телу. И это ощущение было просто... ошеломительным. Будоражащим. Диким. Даже лучше, чем ночь с умелой любовницей. Каждая мышца звенела, наливаясь незнакомой силой. Колючей и щекотной одновременно.

Ренельд поднял руки и с отрешённым интересом оглядел свои ладони. Казалось, они сейчас начнут светиться. И что же это с ним сделала прехорошенькая мадам д'Амран? Ударила заклинанием?

Вряд ли.

Это больше походило на то, как если бы всё тело резко накачали чужой светлой аурой. Настолько сильной, что она на несколько ослепительных мгновений заглушила собственную ауру Ренельда – тёмную.

В таком случае это и правда походило бы на опьянение. И с подобными практиками, да при известных особенностях, ему нужно быть осторожнее.

Другое дело, что обычная магисса после такого обмена

упала бы без чувств и восстанавливалась бы день-другой без возможности пользоваться даже простейшими заклинаниями. А мадам д'Амран сбежала так резво, словно ей всё ни-почём.

Надо бы понаблюдать за ней и разузнать подробности её жизни. Думается, она вовсе не та, кем хочет казаться.

“Рен. Рен. Рен! – гавкал в голове Лабьет. Его призыв доносился до разума всё отчётливее вместе с тем, как волшебное ощущение лёгкости сходило на нет. – Рен, что с тобой?”

Ренельд опустил взгляд на шинакорна, и тот наконец перестал суетиться, остановился и завилал хвостом, явно радуясь, что хозяин наконец очнулся.

– Всё хорошо. – Ренельд потрепал друга по бугристой башке.

Всё хорошо, кроме того, что он до сих пор не помнил, как Мариэтта оказалась с ним в одной постели. И было ли между ними хоть что-то. Особенно это досадно для мужчины, который в таких делах – без ложной скромности – ни разу не сплеховал.

И как бы через месяц-другой графиня не пришла с заявлением, что носит его ребёнка, точно в дурных любовных романах. От такой ведьмочки и не того можно ожидать. Но насколько выдающимися умениями нужно обладать, чтобы зачаровать зелье так, чтобы Ренельд его не почувствовал? А ведь чтение чужих аур и заклинаний его профиль.

Две вопиющие оплошности за одну ночь – как-то это

слишком много.

“Эй! Ты в курсе вообще, что твоя красотка сбежала? – вновь окликнул Лабьет и повернул нос к двери. – Хочешь, догоню? Она вкусно пахнет. О-очень вкусно. Так и куснул бы её за...”

– Не нужно. – Ренельд потёр шею и прошёлся мимо каминна и обратно, решая, стоит ли так легко отпускать Мариэтту. Пахла она и правда сногшибательно. Чем-то фруктово-пряным. Если только это не какие-нибудь чары. – Ты лучше выяснил бы, что за зелье было в том флаконе.

Кивнул на осколки, что блестели на полу. Сам он пока вряд ли был способен на точную оценку: в голове до сих пор покачивался туман, а обожжённый светлой аурой вдовушки “нюх” восстановится не так скоро, как хотелось бы.

Лабьет покосился на разбитый хрусталь с явным сомнением.

“Так испарилось всё”.

– Не ворчи.

Пёс подбежал к месту явного преступления несносной Мариэтты и вдумчиво обнюхал всё, что осталось от дорогого пузырька. В таком вряд ли хранят просто лекарство. Они сами по себе стоят как приличная нить жемчуга.

На несколько мгновений Лабьет даже задумался, но потом озадаченно потрянул головой.

“Что было, уже не разберу. А вот бутылка и впрямь интересная. Сам посмотри”.

Ренельд присел на корточки и взял осколок двумя пальцами. И тут же кожу кольнуло не острой гранью, а остатками разрушенного вместе с флаконом зачарования.

Очень умело, даже талантливо. Тут явно дело рук мага незаурядных способностей. Сплетено так, чтобы его ауру не почувствовал никто посторонний. Возможно, именно поэтому и не удалось распознать зелье вовремя.

Защитное заклинание рассыпалось, словно фигурка из песка на ветру. И скоро осколок стал просто осколком. Пожалуй, не проверь Ренельд вовремя, так и не сумел бы ничего найти. Спасибо Лабьету. Порой его чутьё оказывается гораздо острее, чем у хозяина, который, между прочим, распутывал клубки и посложнее, чем интриги симпатичной соблазнительницы!

Но, похоже, Мариэтта д'Амран собралась перевернуть многие его представления о женщинах.

Графиня, не стеснённая в средствах. Почти отшельница, которая избегала любых приглашений на балы и приёмы. И дело даже не в трауре, как выяснилось вчера. И вдруг она появляется как вспышка в темноте. Стремительная, резковатая, но тем самым необъяснимо притягательная.

“Может, всё же поймать? – кровожадно поинтересовался Лабьет. – Может, она отравить тебя хотела. Или опоить. Может, уже всё провернула, а ты просто ещё не осознал. Ты вообще какой-то странный сегодня. Графинюшка хороша, но не до такой же степени”.

Подозрения Лабьета перекликались с собственными – Ренельда. Но казалось, вчера Ксавье был целью вдовушкиных уловок. Почему тогда они ударили не по нему? Случайность?

– Чем упрекать и нести чушь, лучше расскажи, как я с ней здесь оказался. Ты же должен был быть в комнате.

Ренельд встал, укоризненно поглядывая на пса. Тот сразу прижал уши, а шипы на его шкуре чуть побледнели.

“Кошки эти... – Он досадливо дёрнул хвостом и на миг оскалился. – Шастают везде”.

– Здесь не держат кошек, Лабьет!

Особое распоряжение герцогини. Как раз из-за необычного питомца старшего сына. Конечно, никому не хочется наутро обнаружить где-нибудь растерзанную кошачью тушку.

“Как не держат? Вчера видел одну. Ну и не удержался. Она гоняла меня по всему замку, зараза! Прыткая. Я почти её поймал. Вернулся, а ты уже спишь... С конфетой этой. Пахнет она...”

– Чем? – заинтересованно уточнил Ренельд.

Никогда ещё пёс ни об одной из женщин, что проводили ночи с хозяином, не говорил, что она привлекательно пахнет. Да ещё и так настойчиво. Хоть нюх – и обычный, звериный, и особый, на магическую ауру, – у него был отменный. Ведь шинкорны, как и любое существо из Бездны, – это тугой сгусток чистой тёмной энергии. А значит, даже на малейший след светлой они реагируют мгновенно. Излишки же её их пьянят – порой смертельно.

“Светом. Чистотой, – чуть поразмыслив, выдал Лабьет. – Ночью она на всю комнату так пахла. Сегодня меньше. Испугалась, наверное”.

Пёс покружил по спальне, словно смутился своих же рассуждений, и улёгся на медвежью шкуру у камина. Но вдвур насторожился и повёл носом по воздуху, глядя в сторону ширмы, за которой ещё недавно скрывалась Мариэтта.

– Что? – Ренельд проследил за его взглядом.

“Тебе не кажется, что это лучше убрать?”

Пришлось заглядывать под банкетку, куда так пытливо устался пёс. Оказалось, там лежал впопыхах забытый вдоушкой корсет. Простой, почти без кружев, удивительно маленький, и без него графиня казалась хрупкой и стройной. Но отчего-то захотелось увидеть, как он будет смотреться на её фигурке – просто, без лишних тряпок.

И перед подлым внутренним взором тут же услужливо нарисовалась исключительно будоражащая картина. Стройные ножки, тонкая талия, остро подчёркивающая округлость бёдер. Соблазнительно приподнятая грудь в обрамлении кружев; мягкие локоны, упавшие на оголённые плечи...

“Эй, полегче, Рен! Мне тут и без огня жарко стало!”

Проклятье Первородных! О чём он вообще думает? Точно опоила!

Ренельд поднял корсет и, пройдя через спальню, молча и зло забросил его в комод.

“Оставишь на память? – ехидно осведомился Лабьет. –

Или боишься, что Ксавье когда-то узнает? Он на твою графинюшку уже положил глаз. Как бы в скором времени не положил ещё кое-что”.

– Она, к слову, не моя, – осадил зарвавшегося шинакорна Ренельд. – Я не собираюсь вставать на пути Ксавье, если мадам д’Амран...

“Мадам д’Амран, – передразнил его пёс. – После того, что тут было, ты можешь звать её не так официально”.

– Здесь ничего не было! Запомни. Хотя... ты всё равно не сможешь никому рассказать.

“Да-да. Не было. Почему же ночью от тебя несло аурой мадам Конфетки, как от профурсетки – духами?”

Лабьет опустил голову на сложенные лапы с совершенно невинным видом. Но по тому, как подрагивали его хвост и острые уши, можно было предположить, что сейчас он смеётся в голос.

Мариэтта

Я бежала из комнаты месье дознавателя, словно его демонический пёс клацал зубами прямо у меня за спиной. Хоть никто меня и не преследовал. Даже странно. Не то чтобы задевало, но при таких обвинениях, которые грозились на меня обрушиться, герцог как-то быстро сдался.

«Молчи!» – велела я чуть уязвлённому женскому самолю-

бию. Главное, что разбитый флакон, как истинный мертвец, уже не выдаст мои тайны.

То и дело прячась в нишах стен и за поворотами, когда кто-то проходил мимо, я преодолела несколько лестничных пролётов вниз и, совершенно не зная, куда мне идти дальше, наобум вывернула в первый попавшийся коридор на другом ярусе.

Выпрямила спину, оправила юбку, которую постоянно придерживала, чтобы не спотыкаться, и степенно пошла дальше. Возвращаюсь с прогулки, да и только! Дорогу до комнаты теперь можно спросить у кого-то из слуг. А между делом подумать над тем, что случилось в спальне де Ламьера.

От короткого всплеска воспоминаний о почти неприлично тесном столкновении с Ренельдом ладони сразу похолодели. А вот где-то под рёбрами стало горячо, словно на сердце капнул горячий воск.

Мне всегда казалось, что такие стальные мужчины вроде месье дознавателя редко когда дают волю сиюминутным порывам. Что у них в голове всегда щёлкает какой-то особый механизм, который холодно и расчётливо расставляет по полочкам всё, что он видит и слышит.

И потому то, что случилось, вовсе не походило на внезапный всплеск страсти. Скорее на какой-то дурман, который резко ударил нас обоим в головы. И едва не заставил... Даже думать не хочется!

Разбитая этими странными и волнующими ощущениями на осколки, словно тот же флакон, я, похоже, перестала контролировать потоки своей ауры. Вот и выплеснула всю силушку от щедрот прямо на де Ламьера. Кандидатура для того оказалась ну прямо ужасающе подходящей!

Полнейший провал по всем направлениям! Отныне я официально не графиня д'Амран, а коллекционер неудач.

Задумавшись, я слишком поздно услышала нарастающий гомон впереди, за очередным поворотом замковых лабиринтов. Остановилась, прислушалась: взволнованные и радостные девичьи голоса. Да их там целая толпа! Вряд ли служанки.

– Ваша светлость... – донеслось до слуха звонким эхом.

Герцогиня! Гнев Первородных... Этого мне ещё не хватало! Она-то уверена, что отправила меня спать в одну из комнат, а я шастаю по замку с самого утра. Как бы она сразу не раскусила, с какой стороны иду. И от кого...

Сворачивать мне было уже некуда, прятаться – негде. Я всё же огляделась в поисках хоть какого-то закутка, куда можно было бы затолкнуться самой и затолкать мой пышный подол.

– Мадам д'Амран! – окликнули меня звонко.

Я обернулась. На мою беду, это действительно оказалась герцогиня Энессийская. Собственной и вполне себе царственной персоной. Недалеко же я от неё убежала...

Так же, как фрейлины вокруг какой-нибудь принцессы,

рядом с её светлостью вились молоденькие аристократки. Они шли за ней следом, о чём-то переговариваясь и деликатно смеясь.

Сама же Виолена де Ламьер хранила лёгкую отрешённость. Она оглядела меня, гордо вскинув голову, держа спину так прямо, что ни один локон её сложно уложенной и украшенной серебряным гребнем причёски не колыхнулся. На светло-русых, только едва тронутых сединой волосах мягко заиграл утренний свет. Как и на вышивке серо-голубого платья, безупречно облегающего её фигуру. Которая стройностью, между прочим, ничуть не уступала фигуркам молоденьких спутниц.

Кажется, она ничуть не удивилась встрече, а вот девушки замолчали, с любопытством на меня глаза.

– Ваша светлость. – Я отвесила положенный в таком случае поклон.

– Доброе утро, мадам д’Амран, – уверенно выдала моё имя женщина. Ещё один холодный взгляд стёк по мне и осел холодом в щиколотках. – Позвольте, что вы здесь делаете?

Я улыбнулась как можно более мило. Вот сейчас меня и препарируют. Прямо на этом месте.

– Представляете, когда я гуляла в вашем прекрасном... – Век бы его не видела! – ...саду, как-то незаметно заплутала. Вышла к незнакомой части замка, вот и брожу здесь...

Я невинно хлопнула ресницами. Девушки все одна за другой скривились, вдоволь насмотревшись на мой слегка по-

трёпаный вид. Вечернее платье, в котором показываться на люди утром совершенно неприлично. Распушившиеся после хорошего сна волосы, как бы я ни пыталась привести их хотя бы в относительный порядок. Да лучше бы я до сих пор спала!

– О, это неудивительно. Как вы сегодня себя чувствуете? – с гримасой лёгкого пренебрежения поинтересовалась герцогиня. Будто я оскорбляла чем-то её наисветлейшие очи. – Вы вчера были такой бледной, бедняжка.

Так. Значит, вечером мне было плохо... Вот и несколько не удивительно. Только в неадекватном виде я могла оказаться в постели Ренельда де Ламьера! Другой вопрос, что привело меня в такое состояние...

– Сегодня всё просто прекрасно! – я добавила в голос бодрости. – Благодарю вас за гостеприимство. Не знаю, как я добиралась бы домой.

Герцогиня коротко закатила глаза.

– Чего только не случается, дорогая. Нужно было вам сразу рассчитывать на то, что вы останетесь на ночь. Не люблю эту спешку. Когда гости торопятся разъехаться по домам после бала. Словно кто-то их гонит!

– Вы совершенно правы. – Я снова улыбнулась так, что у меня заболели щёки. – И я надеюсь, что впредь буду готова к подобного рода неожиданностям.

Виолена покивала, и показалось, что её взгляд самую капельку потеплел.

– Надеюсь, вы спуститесь к завтраку? – без особой охоты спросила она.

– Прошу меня простить, но я вынуждена отказаться. – Я развела руками. Ну да, чтобы за завтраком снова встретиться с Ренельдом – да лучше сразу сдать жандармам с повинной в использовании запрещённых зелий. – Думаю, мне стоит немедленно отправиться домой. Да и к тому же я, кажется, до сих пор не голодна.

Герцогиня нахмурила светлые, как у младшего сына, брови. И сразу стало видно, как же Ксавье на неё похож. Может, даже твёрдостью характера её светлость могла бы посоперничать с мужчинами. Шутка ли, Виолена жила без мужа уже больше пяти лет. И никто ни разу не упрекнул её в том, что она не способна сама справляться с делами поместья или управлять прилежащими к нему землями.

Пожалуй, её можно было бы счесть примером для меня. Ведь я, как и она, долгое время не стремилась спрятаться под крылом у мужчины.

– Очень жаль, что вы не сможете позавтракать с нами, – наконец выдала Виолена. – Хочу сказать, что вино, которое доставили на бал с вашей винодельни, просто чудесно! Даже не припомню, чтобы я когда-то пробовала нечто подобное.

– Это последний рецепт моего мужа, – не без гордости уточнила я. – Он оставил его мне в наследство. Особое сочетание винограда разных сортов. Эдгар был бы рад знать, что вам понравилось.

Без ложной скромности, немалая доля заслуг в разработке и оттачивании этого рецепта принадлежала мне. Если не сказать больше. Прежде чем выпустить новое вино за пределы винодельни, именно мне Эдгар поручил довести его до совершенства. Сбор, отжим, выдержка – все эти этапы, вплоть до этикетки на бутылках, я прошла сама.

– Эдгар был светлейшим человеком незаурядного ума и способностей. И, похоже, он оставил после себя достойную преемницу. – Тонкие губы герцогини на миг растянулись в улыбке, а затем снова стали похожими на свёрнутый трубочкой сухой лист. – Я намерена рекомендовать ваше вино при королевском дворе. Лично его величеству. Думаю, ваш труд того достоин.

Вот такой несказанной милости я точно не ожидала от надменной на вид герцогини. Хоть что-то сегодня должно было меня порадовать! Может, я заслужила? Захотелось даже вздеть глаза к потолку в безмолвной благодарности Первородным.

Конечно, я не глухая и в достаточной мере интересуюсь тем, что творится в мире вокруг меня. Потому яростных слухов о том, что совсем скоро Виолена станет женой короля Ивена Пятого Таури, не могла пропустить. Его величество уже не так молод, чтобы гнаться за юными невестами. Многие – пусть и весьма осторожно – осуждали его за то, что он решил взять в жёны вдову собственного брата.

Но Ивен тоже потерял многое в жизни – и, может, в браке

с женщиной, которая равна ему по статусу и уму, хотел найти хоть какое-то успокоение. Поговаривали ещё, что не позже, чем в этом году, король устроит испытания для молодых аристократов за право стать его преемником, раз уж своих наследников у него не осталось.

– Благодарю, ваша светлость. – Я едва смогла сдержать улыбку.

Конечно, так или иначе я прорвалась бы со своим вином и к королевскому двору тоже. Но без помощи герцогини на это у меня ушло бы гораздо больше времени.

– Не стоит благодарности, – взмахнула Виолена рукой. – Более того, я хотела бы пригласить вас на пикник – через неделю. Будут только самые близкие друзья. Мужчины поохотятся, мы погуляем в роще. Сейчас такое замечательное время!

Меня так и подмывало спросить, будет ли на том пикнике её старший сын. Или, может, он окажется слишком занят для праздных увеселений на свежем воздухе. Правда, мой вопрос будет выглядеть слишком подозрительно. Потому я промолчала о Ренельде.

Но соглашаться придётся: такими милостями не разбрасываются. И я всё-таки ещё не сдалась!

– Я с радостью приеду, ваша светлость. И, надеюсь, дела мне не помешают.

– В таком случае, – деловито заключила Виолена, – я пришлю вам официальное приглашение, дорогая.

К счастью, герцогиня отправила одну из своих фрейлин проводить меня до комнаты. Не то одна я ещё долго искала бы её, а значит, успела бы влипнуть в десяток-другой неприятностей. Всё ж неласково встретило меня имение Энесси.

Путь до выделенных мне покоев, где я так ни разу и не побывала со вчерашнего дня, оказался досадно недолгим. Провожатая спешно со мной распрощалась, а внутри меня встретила взбудораженная донельзя Абели. Кажется, она даже плакала: её глаза подозрительно блестели, а нос заметно припух. Похоже, оставаясь здесь в одиночестве, она тщетно пыталась найти выход из непонятной ситуации. И странно, что не пошла меня искать. Да, сейчас мне это было на руку, но всё же раньше я не замечала за ней такой нерешительности.

– О, мадам! – Служанка кинулась ко мне, стоило только войти. – Я уже не знала, что делать!

Её голос дрогнул от неподдельной паники. Да что же её так напугало? Куда я могла деться из этого дома, в конце-то концов?

Я бросила сумочку на обитую бархатом софу и огляделась. Вполне мило! Пожалуй, даже слишком мило для меня. Словно эта комната предназначалась для десятилетней девочки. Нежные бежево-розовые тона ткани, которой были обтянуты стены, кремовый балдахин над украшенной вычурной резьбой кроватью.

– Перестань верещать, Аби. – Я вскинула руку, прерывая

поток взволнованного лепета служанки. – Лучше расскажи мне, что ты знаешь о том, что было вчера.

Девушка недоуменно хлопнула ресницами, перед тем закрыв приоткрытый от удивления рот.

– А вы что же, не помните, что было? – Она приподняла изогнутые плавными дугами брови.

Я вздохнула, закатив глаза.

– Если я спрашиваю, значит, не помню, Аби. Будь добра заполнить хоть некоторые пробелы в моей памяти.

Кажется, ни у кого, кроме нас с месье жутко-суровым-дознавателем, всё произошедшее вчера до того, как мы рухнули в одну постель, не вызывало ровным счётом никаких подозрений. Ну подумаешь, стало даме дурно от жары и, возможно, сочетания амрэ с креветками. С кем не бывает!

Обдумывание же чужих резонов в случившемся пока было слишком непосильной задачей для моей осязаемо трещащей головы. А значит, об этом стоит поразмыслить чуть позже. Послушаем, что скажет служанка.

Несмотря на лёгкую растерянность, Аби всё же не забыла и о своих обязанностях. Она усадила меня перед овальным зеркалом, обрамлённым сложными цветочно-лиственными завитками багета, и принялась расчёсывать мои несчастные волосы.

– Так вы уж и домой собирались, ваше сиятельство. И экипаж велели подавать, – размеренно вода по моим чуть спутанным локонам гребнем, начала рассказывать она. Зна-

чит, хотя бы это я помнила верно. Уже неплохо! – А потом вам вдруг стало немного дурно. И герцогиня предложила вам остаться на ночь. Нас и в комнату эту проводили, и лекаря позвали, чтобы тот вам помог. Но вы после встречи с ним ушли. Сказали: воздухом подышать. Я и подумала, что это кстати будет. Раз вам нехорошо. Делать-то мне было особо нечего. Вещей мы с собой не брали. Я постель вашу растелила, подушки взбила – да и сама прикорнула на диване, признаюсь. Устала очень... а проснулась только утром. Глядь – вас-то и нет до сих пор. Уж подумала: идти скорее надо, искать. А тут и месье де Ламьер младший пришёл. Тоже о вас справлялся. Я испугалась жуть как. Вот и ляпнула, что вы гуляете.

– Правильно ляпнула, – похвалила я служанку. – Иначе всё было бы гораздо хуже...

Девушка вопросительно посмотрела на меня через отражение.

– Так что случилось-то, мадам? – Она принялась осторожно разбирать волосы на пряди, слегка подкручивая пальцами естественные волны. – Вы ночевали ведь где-то...

И смущённо замолчала, взявшись за дело с удвоенным старанием.

– Ночевала, – мрачно ответила я.

– Ох, мадам! – округлила Аби глаза. – Неужто...

– Я ночевала здесь. Утром вышла прогуляться в сад. Разве не так?

Служанка понимающе кивнула и поплотнее сжала губы. Но на её щеках явственно проступил румянец. Даже представлять не хотелось, что она успела себе напридумывать. Но не оправдываться же!

Мы с Аби собрались так скоро, как вообще смогли. Теперь, с аккуратно убранными волосами, с укрытыми кружевной шалью плечами, пусть и в вечернем платье, я чувствовала себя гораздо увереннее.

Но сбежать так быстро, как хотелось, нам не удалось.

Мы уже спрятались от нарастающего зноя в карете, кучер гикнул лошадям, но тут прямо перед их носом к крыльцу выкатилась другая повозка и совершенно нагло перегородила нам путь.

Донельзя возмущённая, я выглянула в оконце. Во двор вышла невысокая темноволосая девушка, одетая, в отличие от меня, по всем правилам утреннего туалета: лёгкое голубое платье из шёлка, соломенная шляпка, что бросала желтоватую тень на её лицо. За ней, что-то на ходу щебеча, торопилась компаньонка. Я, передумав ещё больше портить себе утро склоками, даже увлеклась разглядыванием жизнерадостных девиц, но дверь снова распахнулась, и на крыльце показался Ксавье де Ламьер.

Совершенно непринуждённо он подошёл к мадемуазель в голубом и подхватил её обтянутую длинной перчаткой руку, явно намереваясь проводить до кареты.

Похоже, с тем зельем, что я приготовила, всё же что-то не

так. Либо оно не добралось до нутра младшего де Ламьера. Уж больно мило и даже чуть заискивающе он улыбался своей знакомой. И пальчики её в своих сжимал очень уж бережно. Я досадливо прикусила губу, наблюдая за Ксавье из-за чуть отодвинутой в сторону занавески. И в груди всё нарастала и нарастала горечь разочарования.

Всё прахом! Может, та записка вообще предназначалась не мне? В ней даже не было указано моё имя.

Де Ламьер усадил девушку в карету, пропустил мимо себя её подружку и замер на крыльце, заложив руки за спину. Лишь в тот миг, как повозка проезжала через ворота, он махнул ей вслед рукой. Какое несказанное дружелюбие! Надо же!

Я тихо фыркнула своим мыслям. Экипаж наконец тронулся, вывернул на круговую дорожку у огромного фонтана с рыбками, и ровно в тот миг, когда мы проезжали мимо Ксавье, тот перевёл взгляд на меня.

– Мадам д'Амран! – вырвалось у него, кажется, раньше, чем он успел осознать, что так кричать на весь двор по меньшей мере неприлично. – Пойдите! Мари!

Он мигом слетел с крыльца, словно надеялся, что ему удастся остановить карету. Я же послала ему протяжный, наполненный укором взгляд и откинулась на спинку, запахнув бархатную занавеску на окне.

– Мари! – донёсся до меня его отдалённый оклик.

Нет, дорогой Ксавье, так у нас ничего не выйдет!

Глава 4

Всё то время, что Ренельд завтракал и собирался в Жардин, шинакорн пролежал в спальне, беспечно подрёмывая. Видно, ночная погоня за кошкой немало его утомила. Правда, всё же непонятно, откуда эта кошка взялась. Да ещё и так вовремя. Привёз с собой кто-то из гостей?

Теперь Ренельд готов был верить в любую подставу.

– Октав, – окликнул он слугу, уже собираясь уходить. – Ты выяснил, куда пропала мадам д'Амран?

Мужчина, который в это время как раз убирал со стола, резким взмахом руки едва не сбил с подноса чашку.

– Она уже уехала, ваша светлость, – проговорил осторожно, не отвлекаясь от дела.

– А где она была до отъезда?

Октав выпрямился и бодро рапортовал:

– Она ночевала в своей комнате, а утром вышла в сад прогуляться. Они с господином Ксавье разминулись. Зато графиню видела её светлость.

– В своей комнате ночевала, значит?..

– Совершенно точно, месье, – уверенно кивнул слуга, но при этом коротко глянул на Ренельда, давая понять, что он-то точно знает, где на самом деле мадам д'Амран провела ночь.

– И ты не видел её... хм... перед тем как она отправилась

спать?

– Нет, месье. Я был занят внизу, в бальном зале, месье. А потом...

– Я понял. Спасибо.

Значит, тут история та же, что и с Лабьетом. Никто не видел, как Мариэтта просочилась в спальню Ренельда. Никто не встречал его самого на пути туда – были они вместе или пришли по отдельности... И если уж кто-то мог оказаться в его постели, так это Леонора, которая так и крутилась неподалёку весь вечер. И выпить-то на балу довелось не так много – всего один бокал пресловутого амрэ. И как раз в компании этой приятной во всех смыслах девицы.

Тут проступил некоторый подозрительный след всего произошедшего, за который можно было бы зацепиться. Последнее, что чётко помнил Редельд, как в одном из тёмных переходов ночного замка Леонора всё же прильнула к его губам своими, мягкими и на удивление жадными. Они потом ещё куда-то шли, о чём-то говорили... Ренельд проводил её до кареты, которая должна была увезти её домой.

А дальше – провал.

Следов магии в комнате теперь совсем не осталось, даже если о том можно было подумать. И как всё это могло случиться, только предстояло понять. Но сейчас уже нет времени гоняться за Леонорой в попытках выяснить, что же знает она о том мутном случае. Да и вряд ли ей нужно знать о Мари. В конце концов, Ренельд обещал, что не станет распро-

страняться об этом.

– Лабьет! – позвал Ренельд пса. – Пора выходить!

Едва не сшибив слугу с ног, пёс промчался мимо него и нетерпеливо завертелся рядом. Спустившись во двор, они сели в карету и спешно направились в сторону столицы. Там, в королевской резиденции, наверняка уже должен был поджидать месье Лимиер – главный городской следователь.

Если он попросил о встрече Ренельда, значит, дело нештучное и не совсем обычное. По другим королевского дознавателя не беспокоят.

Жара сегодня обещала быть просто невообразимой. Карета быстро нагрелась, и только слабый поток ветерка, что врывается в оконца, ещё не позволял подохнуть прямо на месте. В конце концов Ренельд не выдержал – активировал встроенный в стену повозки охлаждающий артефакт. Он почти разряжен, но до города должно хватить. Лабьет лежал на сиденье напротив, вывалив чёрный с красными прожилками язык. Молчал и о чём-то думал, но его мысли до Ренельда не доносились.

Но скоро непростой путь завершился. Они въехали в кирпично-рыжий Жардин и покатали по мостовой – мимо шумных улиц с открытыми тавернами, небольшими рынками и гуляющими на площади студиязами Академии Санктур. Сейчас у них сессия, и после сложных испытаний милое дело пройтись по солнечным переулкам и зелёным скверам столицы. Каждый дом здесь был хорошо знаком. Но, к сожалению,

нию, вид их приносил не только приятные воспоминания.

Ренельд отвернулся, устав смотреть на залитый солнцем город.

“Опять?” – вяло спросил Лабьет.

– Что-то вроде того.

Карета свернула в темноватый переулок, над которым между крышами были натянуты полотнища: видно, жителям здешних квартир не нравился слишком яркий свет. Кучер прогнал повозку по узкому ходу. И тут из какого-то закоулка пахнуло едва начавшей рассеиваться магией.

– Стой! – велел Ренельд вознице.

Карета резко остановилась.

“Ты чувствуешь?”

Лабьет заполошно загарцевал на месте, пока ему не открыли дверь.

– Да.

Пёс первым ринулся в сырой проход между домами, в котором, кажется, ничего не было. Может быть, мусор или тупик. Обычная подворотня – в таких порой и случаются самые страшные преступления.

Чем ближе подходили, чем яснее становился след недавно использованной магии. Здесь были перемешаны несколько аур. Одна – более сильная, другая – теперь ослабленная, едва сияющая, но при этом кричащая о помощи.

“Здесь человек, – издалека донёсся голос Лабьета. – Живой”.

Ренельд прибавил шаг и скоро тоже добрался до конца этой непонятной кишки с весьма смутным предназначением. На земле и правда лежал человек, слабо шевелился и бормотал невесть что. Он, похоже, вообще мало что видел вокруг, мало что понимал. Но он жив – это уже хорошо.

– Месье! – окликнул его Ренельд, пока Лабьет бегал вокруг и принюхивался.

Да тут и демоническо-собачьего чутья не нужно, чтобы понять, что дело дрянь. Незнакомец схватился за голову и неуверенно приподнялся, видно пытаюсь сесть.

– Меня ограбили, месье, – пробормотал он, покачиваясь и надавливая ладонями на виски. – Ограбили...

– Что случилось? – Ренельд попытался заглянуть в лицо мужчины.

Выглядел он вполне себе благополучно. Брюки из плотного льна, под жилетом – лёгкая рубашка и кремового цвета шейный платок, который теперь сбился на сторону.

– На меня напали... Какая-то ловушка, – сбивчиво забормотал незнакомец. – Или что-то вроде этого. Поглотитель ауры. Только светлой. Меня мутит, простите.

Он ещё и извиняться умудряется! Мужчина спешно качнулся вбок – и его стошнило прямо под лапы Лабьета. Тот безгласно отпрыгнул, послав Ренельду поток ментальных и весьма грязных ругательств. А мужчина отпрыгнул от него. Прямо так, сидя. Наверное, больно ударившись задом о брусчатку.

– Месье де Ламьер? – тут же озарило его.

Ну да, о королевском дознавателе и его псе из Бездны не слышал, верно, только глухой. Или мадам д’Амран.

Мужчина повернулся, торопливо вытирая рот платком. И в тот же миг Ренельд тоже его узнал: один из магистров Санктура. Ноэль Ливр – преподавал, помнится, теоретическую артефакторику. На другом курсе – детали артефактов. В целом это даже можно назвать удачей: когда он придёт в себя, то, может, сумеет объяснить что-то подробнее. Всё, что успел понять и заметить.

– Магистр Ливр, – Ренельд помог ему подняться, – как вы тут оказались?

– Как оказался? – в обычной ворчливой манере ответил Ноэль. – Шёл домой после зачёта. – Он махнул рукой в сторону улицы. – Решил срезать через один переулок. Хоть он мне и не нравится. Но что-то так устал... Хотел поскорей. И, видно, не там свернул. Иду, и тут как будто на меня упала сеть. Какая удача, что я встретил вас, ваша светлость. Грех Первородных! Что же это такое творится! Среди бела дня...

Пока Ноэль в красочных подробностях рассказывал, куда стоит провалиться тем, кто всё это устроил, и через какое место самой страшной твари Бездны одни должны туда попасть, Ренельд обошёл вокруг него. Внимательно оглядел мостовую, прислушиваясь к тихому шороху разрушающихся магических потоков, которые рассыпались на несметное количество неразличимых частиц. Достал из-за пазухи плос-

кий диск фиксирующего артефакта и развернул сферу, чтобы запечатлеть хотя бы остатки следов чужих аур. Позже их можно будет рассмотреть подробнее.

“Рен! – позвал его Лабьет. – Глянь тут”.

Ренельд повернулся следом за призывом шинакорна: тот стоял, задрал голову, а чуть выше его носа на стене явственно виднелся подпаленный круг. Вдоль расплывчатой его границы располагались другие – поменьше. А вот знаки внутри них уже нельзя было разобрать.

– Сможем отыскать след? – мысленно спросил он у Лабьета, особо ни на что не надеясь. Но вдруг?

Шинакорн покрутил носом, приблизившись к тому, что осталось от некогда развёрнутой здесь ловушки.

“Его не дураки здесь оставили, – пробурчал недовольно. – В него было вплетено заклинание разрушения, которое уничтожает любой след после того, как ловушка сделала своё дело”.

Чего и следовало ожидать.

– Да, я знаю, – задумавшись, ответил Ренельд вслух.

Магистр, который всё это время продолжал что-то рассказывать, уже весьма далёкое от сути, смолк. А затем озадаченно проговорил:

– Откуда?

Что он имел в виду, Ренельд не уловил. Потому просто подошёл к Ноэлю, который стоял, прислонившись к другой стене, и подхватил его под локоть.

– Я подвезу вас до дома, магистр, – повёл мага к карете, – а вы расскажете мне всё, что запомнили.

– Хорошо, что у меня с собой был защитный артефакт. Удалось разорвать сеть. Не так быстро, как хотелось бы... – не отказываясь от помощи, продолжил бормотать Ноэль. – Как же дурно-то, а... Вот же Бездновы отродья.

Похоже, шок всё-таки довольно сильный, раз даже острый ум магистра поплыл, выдавая теперь разрозненные обрывки воспоминаний и рассуждений. Лабьет смиренно терпел все гневные отсылки к тварям из Бездны и проклятья на их головы, что сыпались из уст ошарашенного мужчины. До разума только иногда доносилось его глухое рычание.

Ничего толкового за время пути до дома магистра Ливра выяснить у него не удалось. Утащили, попытались вытянуть светлую ауру с помощью некоей ловушки, которая сработала, как только он оказался в радиусе её действия, – дальше всё расплывалось.

– Если ещё что-то вспомните, я буду ждать от вас известий. И вы всегда можете обратиться к месье Лимиеру, – напомнил ему напоследок Ренельд. – Жандармы осмотрят то место, где на вас напали, со всем вниманием.

Магистр рассеянно покивал, из вежливости предложил зайти выпить чаю со льдом, но пришлось отказаться. Некогда. Месье Лимиер, верно, уже заждался.

Потому, распрощавшись с Ноэлем, Ренельд и Лабьет снова погрузились в карету. Охлаждающий артефакт уже окон-

чательно разрядился, потому повозка постепенно начала напоминать жерло проснувшегося вулкана.

Благо до столичной резиденции короля теперь доехали быстро. Во дворе бодро брызгал фонтан, даря обманное ощущение пролады и осыпая всё вокруг мелкими каплями. По открытой галерее первого этажа неспешно прогуливались придворные и сновали слуги – все старались спрятаться в тени.

– Ваша светлость! – прилетело в спину, когда Ренельд с Лабьетом уже поднимались по главному крыльцу замка Марбр.

Месье Лимиер, на ходу промакивая блестящие залысины платком, бежал следом, нежно прижимая к груди пухлую кожаную папку с бумагами. Но сразу придержал шаг, когда шинокорн повернул к нему морду. Лёгкая неприязнь была у них взаимной.

– Доброе утро, Зелин. – Ренельд остановился, дожидаясь следователя.

– Я вас ждал, но такая духота. Даже охладители мало справляются. Вот, вышел во двор. А тут ещё хуже.

Он махнул рукой, подзывая двоих жандармов, что топтались неподалёку. Без своих подручных Зелин нигде не появлялся. Даже в королевской резиденции – похоже, видел в этом показатель особого статуса.

Вместе они поднялись до малой приёмной, что прилегала к отведённым Ренельду покоям. Здесь ему всегда были рады,

и он мог бы жить в резиденции постоянно, но всё же предпочитал уезжать в родовое имение, если в столице не случилось слишком важных дел. Но, похоже, теперь придётся задержаться здесь невесть на сколько. Похищение светлых аур у магов – одно из самых серьёзных преступлений.

И месье Лимиер лишь подтвердил все опасения.

– Значит, это уже второй случай за последние сутки, – заключил он, выслушав рассказ Ренельда о происшествии с мастером Ноэлем Ливром. – Нет, раньше такое тоже случилось... Но очень редко. Походило больше на мелкие кражи без особых последствий.

– Возможно, случайности, – отметил Ренельд, наблюдая, как следователь роется в папке. – А может, пристреливались.

В конце концов, разработка такой ловушки даже от умелого мага требует усилий и времени. А ещё испытаний на “подопытных”.

– Возможно. Вот это письмо пришло сегодня рано утром с нарочным. – Зелин вынул конверт и протянул ему. –туда мы ещё не выезжали. Решили дождаться вашего мнения. Но лицо, скажем так, весьма значительное, поэтому я и обратился к вам, ваша светлость. Если страдают такие маги...

Он многозначительно взвёл глаза к потолку и снова промокнул платком лоб, словно одна только мысль о высоте происхождения “пострадавшего” вызывала у него прилив. Лабьет, который прилёт, кажется, в самом затенённом углу приёмной, наострил уши, приготовившись слушать подробно-

сти.

“Не видать мне отбивной на пикнике в выходные, – тоскливо заключил он. – Будем мотаться невесть где. Да, Рен?”
– Посмотрим, – ответил тот.

Он развернул письмо, пробежался взглядом по первым строчкам. Недоуменно перечёл их ещё раз и потрянул листком перед глазами вмиг побледневшего Зелина.

– Что это? Вы серьёзно?

“Р-растяпа, – насмешливо рыкнул шинакорн, поглядывая на следователя и потрясая шипастым хвостом, словно гремучая змея. – Давно пора прикусить ему некоторые места, что отвечают за сообразительность”.

Месье Лимиер забрал у Ренельда письмо и перечитал тоже.

– Простите, ваша светлость! Перепутал. – Засуетился, снова запуская руку в свою папку. – Это отдали мне перед самым выходом. Я прочитал, пока ехал до резиденции. Ничего серьёзного. Управляющий винодельней Шато Д’Амран тот ещё паникёр. Как появится какое пятнышко на листочке одной из его драгоценных лоз, он готов обвинить всех магов мира в злых кознях. Обычно у него это быстро проходит. Хозяйка-то у него ого-го! Я б перед такой тоже приплясывал. Ну, вы понимаете...

Он усмехнулся, прищулив один глаз, но, встретившись взглядом с Ренельдом, тут же посерьёзnel.

– Дайте сюда. – Тот выхватил у следователя письмо обрат-

но. – Д'Амран, говорите?

Что ж, похоже, вдовушка не собиралась позволять забыть о ней хотя бы на полдня. Пусть даже волею стороннего случая. В испещрённом глупыми завитушками письме и правда говорилось о некоторой неприятности, что случилась на виноградниках Шато. Но это вряд ли входило в интересы королевского дознавателя. Не тот масштаб.

От листка доносился слабый запах каких-то духов. В нижнем правом углу его виднелось едва заметное чернильное пятнышко, которое, видно, торопливо попытались стереть. Похоже, управляющий, когда писал в столичную жандармерию, немало торопился. Или был взволнован.

– Вы всё же не игнорируйте этот случай, если вас попросят разобраться, – проговорил Ренельд, дочитав пылкое и полное страданий послание.

– Конечно, ваша светлость, – сразу согласился Лимиер.

Но, судя по выражению его лица, лежать письму от управляющего Шато Д'Амран где-то на дне ящика его рабочего стола. И несмотря на полный преданности взгляд Зелин вряд ли возьмётся выяснять, что же не так с лозами на винограднике вдовушки.

Похоже, мадам д'Амран ждут немалые хлопоты.

От свежих воспоминаний о графине в груди знакомо потеплело, словно та магия, которой она немало шандалахнула Ренельда поутру, ещё не совсем растворилась. В голове стало легко и даже немного пьяно.

«Эй, не раскисай, – буркнул из своего угла Лабьет. – Говорю же, опоила она тебя чем-то. Как есть. Разобраться надо, а то и прикусить ей круглый зад, чтобы сознаясь».

– Тебе лишь бы чей зад прикусить, – огрызнулся в ответ Ренельд.

“Исключительно для пользы дела, – нарочито обиделся шинакорн. – Некоторых надо бы кусать утром и вечером для профилактики”.

Зелин, не слыша их глубокомысленный диалог, смотрел ожидающе, уже держа наготове нужное письмо. И оно неожиданно оказалось весьма тревожным. Хотя бы потому, что пострадавшей на этот раз была Леонора де Берг. Она как раз возвращалась с бала герцогини Энессийской, и по дороге её зацепило подобной ловушкой. Наверное, в этот миг Ренельд как раз укладывался спать со вдовушкой под боком.

Проклятье Первородных, почему же всё одно к одному?

Граф де Берг, который не смог приехать на званый вечер, теперь готов был рвать и метать. А ещё больше оттого, что осмотреть место происшествия вовремя оказалось некому. Зелин отправил нескольких жандармов зафиксировать хоть что-то. Но надежды отыскать след почти не оставалось.

Теперь Леоноре несколько дней лежать в лихорадке: пострадавшая светлая аура при таком вторжении восстанавливается очень тяжело. И может даже остаться ущербной. Понятно станет позже.

– Сегодня же навестите к магистру Ноэлю Ливру. – Ре-

нельд аккуратно сложил листок и убрал обратно в конверт. – Думаю, он сумеет что-то пояснить гораздо подробнее.

– Конечно, ваша светлость. Сейчас же к нему и отправлюсь! – Зелин даже подпрыгнул на месте, но сел обратно, вспомнив, что его ещё не отпускали.

– Ещё, – добавил Ренельд. – Я считал остатки магических аур, что ещё были там. Изучу их и всё вам обрисую. И пусть ваши жандармы не топчут места происшествий слишком сильно. Сдаётся мне, что следы могут быть очень хрупкими.

– Всенепременно!

“Подхалим, – заметил Лабьет. – И ауру свою скоро совсем уничтожит. Кажется, она потемнела с прошлого раза”.

– Не выдумывай! – пришлось его осадить.

Ренельд достал из ящика стола карту окрестностей Жардина и отметил на ней крестиками места, где подтвердились первые случаи подобных хищений. А кто знает, сколько было таких, о которых никто не доложил раньше? Кто-то, может, даже не понял, что случилось, и просто вызвал лекаря, отлежался дома и вновь зажил обычной жизнью. Но за этим определённно стоит следить.

Получив все распоряжения, Зелин откланялся и вместе со своими жандармами покинул резиденцию. Ренельд посидел ещё в полумраке приёмной, глядя в яркий просвет между задёрнутыми от солнца гардинами.

“Что-то заваривается, – подытожил Лабьет. – Думаешь,

это серьёзно?”

– Увидим. Пока связи между этими случаями как будто нет. Кроме той, что способ “хищения” очень похож.

“Помчишься проведывать Леонору? – без особой охоты уточнил шинакорн. – У тебя ещё есть шанс на ночку-другую с ней”.

Откуда такое ехидство, словно Ренельд наступил ему на хвост? Или в чём-то оскорбил.

– Ехать так или иначе придётся. Возможно, я что-то выясню. К тому же...

Но завершить мысль ему не дали, как и изучить отпечатки аур на фиксирующей сфере. Секретарь его величества просочился в приёмную, словно тень, заставив Лабьета предупреждающе рыкнуть. Мужчина замер у дверей и деликатно кашлянул.

– Ваша светлость, – проговорил он слегка чопорно, когда Ренельд к нему повернулся. – Его величество просит вас к себе.

Его величество просит. Его величеству не откажешь.

Встречать Ренельда в душном кабинете Ивен не стал. Он прогуливался по саду, не обращая внимания на жару, которая к вечеру озверела окончательно. Пришлось даже снять жилет, чтобы совсем не свариться. В ежедневном обязательном моционе король себе никогда не отказывал, несмотря на погоду. Особенно он любил именно это время, когда всё зацветало и благоухало. Тогда он, в отсутствие очень срочных

дел, мог прогуливаться пару часов. Сидеть у пруда или отправляться верхом в прилежащий к резиденции лесок.

Сегодня же он встретил Ренельда с Лабьетом на буковой аллее. Позади, на почтительном расстоянии, как и всегда, следовали стражники и пара слуг. А ещё чуть дальше – стайка придворных дам, которые тихо щебетали между собой и поглядывали на Ренельда, что шёл с противоположной стороны сада им навстречу. Заприметили они его загодя, и их весьма скучающие лица тут же приобрели остроту настроенных на охоту лисиц. Правда, грозный вид шинакорна, который в холке почти доставал ему до бедра, заметно остужал пыл миледи, но всё же он не был таким уже непривычным гостем в Марбре.

– Ваше величество. – Ренельд приостановил шаг, почти поравнявшись с королём.

Поклонился ему, а тот приветливо хлопнул его по плечу. Лабьет завертелся у ног Ивена, явно напрашиваясь на приветствие, и тот потрепал его по ушам, совершенно не опасаясь, что при желании тот сможет откусить ему руку почти до локтя.

– Рад тебя видеть, Рен. Хорошо, что ты как раз оказался в Жардине и смог заехать. Лабьет, кажется, стал ещё больше с нашей прошлой встречи.

“Ой, да ладно, ваше величество, – с довольным смущением хмыкнул шинакорн. – Виделись-то неделю назад”.

– Если бы я столько ел, тоже вымахал бы в два раза. –

Ренельд с шутливым укором глянул на друга. – А у нас, ваше величество, здесь не слишком приятные дела.

Дальше они пошли вместе. До слуха доносилось тихий, но вполне различимый разговор женщин. Кажется, они отважились подобраться ближе. Можно было бы даже разобрать отдельные фразы, если напрячься, но не хотелось. До сих пор многим из знатных девиц, что жили при дворе, вид возмутительно не занятого холостяка не давал покоя.

Только вот Ренельд жениться не торопился. В ближайшее время – так уж точно. В конце концов, его жена должна обладать немалым терпением. А ещё он должен быть уверен, что не навредит ей.

Такое, к сожалению, было вполне возможно. По долгу рода выбрать себе в жёны Ренельд мог только ту, что обладала хоть какими-то магическими способностями. Всё для того, чтобы их ребёнок унаследовал ауру от матери и отца.

– Да, я уже слышал о том, что случилось с дочерью графа де Берга, – проговорил Ивен, когда они отделились от преследовавших их женщин хоть немного. – Как её? Леонора? Боюсь, дальше станет только хуже, если мы продолжим растрачивать светлые ауры без возможности должной подзарядки.

Да, случаи, когда светлые ауры магов стали истощаться гораздо раньше положенного, стали чаще после Санской войны. И решения этой огромной проблеме пока не могли найти даже самые пытливые умы архимагов.

– Зачем ты вызвал меня? Что-то ещё случилось? – перешёл Ренельд к неофициальному обращению.

Это позволялось очень немногим. Но после потери брата и соратника, после гибели единственного наследника, Ивен стал относиться к нему с поистине отеческим теплом и вниманием.

– Пока не случилось, Рен. – Король неопределённо покачал головой. Посмотрел куда-то в кроны деревьев, которые тихо шелестели над головой. – Но сам понимаешь... Всё уже давно идёт к тому, что я женюсь на твоей матери. А затем – очень скоро – мне нужно будет выбрать преемника. Раз уж судьба лишила меня всех наследников. И я хочу, чтобы им стал ты.

Вполне ожидаемые слова отозвались в груди холодом. Подобные разговоры заводились его величеством не единожды. Чаще всего между делом. И лишь первый раз – наедине и настолько открыто.

“Всё это скверно пахнет, Рен, – задумчиво выдал Лабьет. – Я не люблю ошейники. А ты?”

Ренельд ничего не ответил, но был с ним абсолютно солидарен.

– Ты же понимаешь, что это невозможно, – он постарался удержаться от раздражения в голосе. – Как бы ты этого ни хотел. Моя аура не позволит стать следующим королём. Никто не примет меня на троне. Я не пройду ни одного испытания за право претендовать на место твоего преемника.

– Пройдёшь, – уверенно заявил его величество.

И посмотри, ни один мускул на его лице не дрогнул! Как будто он и правда знал способ, как преодолеть множество сложных препятствий к тому, чтобы назвать Ренельда наследником рода Таури.

Нехорошо.

Порой Ивен был склонен к некоторого рода авантюрам. Благо, когда он занял трон, ответственность за целое королевство заметно поубавила его пыл. А в юности они с братом чего только не вытворяли. Порой королевский двор стоял на ушах от их выходок.

И одним из самых безобидных случаев можно было назвать тот, когда они, переодевшись служанками, пробрались в купальни – к фрейлинам королевы. Много не увидели. Но напугали их до жути. Как рассказывал отец, от женского визга едва не обрушились стены столичной резиденции. Правда, ещё неделю после дерзкого набега на девичьи прелести Ивен ходил с приличным синяком во всю скулу. Одна из самых притких дам хорошенько ударила его латунным кувшином.

Само собой, это его не остановило. О тех проделках до сих пор нет-нет да и вспоминали в дворцовых кулуарах – особенно те из слуг, что постарше и видели всё воочию.

– Я не склонен разделять твой оптимизм, – возразил Ренельд. – Если только ты заранее не подкупил весь Совет. А без их мнения тут ничего не решится. Как только они убедятся в особенностях моей ауры, дадут мне хорошего пинка.

Со словами “простите, ваша светлость”, разумеется.

Ивен криво усмехнулся. Хоть смешного тут было мало. С самого детства, как только стало известно, что Ренельду досталась особенность довольно сомнительного достоинства, он вынужден был скрывать это. Или хотя бы не кричать о том на всех углах.

Маг с подавляющей тёмной аурой! Пятно на чести всего королевского рода! И крест не только на перспективе стать когда-то наследником престола, но и на самой возможности заниматься магией. Потому что любое из применённых Ренельдом заклинаний могло обрести разрушительный эффект. Вместо целительства – отъём жизни; вместо разведения огня в камине – взрыв, который разнесёт полдома.

Сначала родители ждали, что баланс ауры всё же исправится. Затем перестали. Но временный выход нашёлся. Отец приказал всем, кто хоть что-то знал об этом, молчать и делать вид, что всё в порядке. Благо знали немногие.

Только чудом Ренельду удалось поступить в Академию Санктур, избежав разоблачения. Думается, во многом роль тут сыграло золото, которое герцог Энессийский раздал магистрам, что принимали его сына в адепты. Вот только направление магии пришлось выбирать осторожно. Любой сильный всплеск мог окончательно убить светлую сторону ауры. Потому Ренельд пошёл по самому безобидному пути: он начал изучать ауры других.

И достиг в том значительных успехов. К тому же научил-

ся неплохо контролировать направления заклинаний, чтобы они не оборачивались изнаночной стороной.

Будь по-другому, король не взял бы его на службу ко двору.

– Ты слишком мрачный, Рен, – заметил Ивен. – Тебе жениться бы надо.

“Ну всё, началось, – вздохнул шинакорн, ближе придвигаясь боком к бедру Ренельда, словно хотел поддержать его в такой нелёгкий миг. – Может, сбежим? Прямо сейчас. Я могу сделать вид, что увидел кошку. Или, на худой конец, мышь”.

– Не нужно, это бесполезно. Теперь он меня из-под земли достанет, – мысленно ответил Ренельд, а вслух обратился к королю: – Сомневаюсь, что женитьба добавит мне весёлости. Думается, я только схвачу больше забот.

– Конечно, проще тащить в постель любую хорошенькую и согласную на всё девицу, – проворчал тот. – Это дело не хлопотное. Но, к сожалению, и твоих проблем не решает.

Ренельд остановился, уставив в короля вопросительный взгляд. Это “ж-ж-ж” неспроста, как говорил ещё в Санкту-ре мастер Абэйлль, когда ошибочно призвал демоническую тварь, сильно смахивающую на огромную пчелу.

– К чему ты клонишь? Лучше говори сразу.

И в глазах короля мелькнул знакомый уже азартный огонёк. Он обычно тоже обещал только лишние хлопоты.

– Тебе нужно жениться с умом, – голос Ивена остался се-

рвѣзным и спокойным. – Это должна быть не просто магисса, а магисса с очень сильной светлой аурой. И она должна быть очень хорошо к тебе расположена. Чтобы согласилась хотя бы на время “вылечить” твою.

Король замолчал, храня бесстрастный вид. Но по тому, как напряглась его шея, стало понятно, что он со всем вниманием ждѣт ответа.

– Это противозаконно, – уронил Ренельд. – Это то, с чем я борюсь. В числе прочего, разумеется. Поглощение чужого света. Подпитка за счѣт энергии другого мага. Да я только что вернулся с места преступления, где некто выкачал силу ауры у магистра Ноэля Ливра! А ты предлагаешь мне...

– А теперь помолчи и подумай, – ровно и даже холодно оборвал его король. – Всѣ это справедливо для случаев насильственного поглощения. Кражи, другими словами. Но если девушка согласится сама и если ты будешь настолько умѣн, чтобы не навредить ей, чтобы склонить на свою сторону, очаровать или влюбить в себя, в конце концов, – всѣ пройдет как нельзя лучше.

“Да с этими мадемуазелями одни проблемы! – возмутился шинакорн, тихо фыркнув. Его шипы стали чуть ярче. – Как будто сам не знает. Нет, Рен, когда девица греет тебе постель, это одно. Но она же начнет кипятить тебе мозг – а это, знаешь, совсем другое”.

– Это обман, – выслушав гневный клѣкот Лабьета, проговорил Ренельд. – Как и любые другие обманы, он рано или

поздно всплывёт на поверхность. Я не могу притворяться тем, кем не являюсь, бесконечно.

– Когда ты станешь достойным королём – а я уверен, что однажды это случится, – никому не будет дела до того, какого цвета твоя аура, – парировал его величество.

– Ты не понимаешь...

– Это ты не понимаешь, Рен! – наконец повысил голос король. – Ты ближе всего мне. И ты мне дорог, как сын. Я многое готов сделать, чтобы мнимые преграды не остановили тебя на пути к трону.

И чего вдруг так вскипел? С чего вдруг ему вообще так ратовать за то, чтобы племянник стал его наследником? В королевстве полно достойных знатных мужчин, которые всё сделают, чтобы заслужить милость короля, а затем занять его место, когда придёт срок. Конечно, это не сохранит трон для династии Таури. Но гораздо важнее, если сохранит спокойствие и мир в королевстве.

– А как же Ксавье? – резонно уточнил Ренельд. – Он тоже Таури.

– Ксавье не подходит для того, чтобы стать королём. Да ты и сам это знаешь. Он слишком самовлюблён. И не сосредоточен. Сегодня ему интересно одно. Завтра – другое. Он даже не смог окончить Санктур с отличием, хоть для этого у него были все данные. А ты... Не имея их, сумел. Твоё имя сейчас высечено на мраморной доске почёта среди имён лучших выпускников. А не его.

– Это не показатель. Ты тоже, кажется, раньше не был примером для подражания.

– Но при этом меня никто не считал симпатичной пустышкой и приложением к титулу маркиза, за который только и можно, что зацепиться какой-нибудь хорошенькой авантюристке.

– Не говори так о Ксавье!

– Ты его старший брат. И тебе положено его защищать. Но сути это не меняет. И если тебе так угодно, я приказываю тебе жениться, – отрезал король. – Больше твои аргументы меня не интересуют. И в самом скором времени я хочу увидеть претендентку на место твоей жены.

“Мне одному сейчас захотелось сдохнуть, Рен?”

Глава 5

Как хорошо всё же было просыпаться сегодня дома, в знакомой комнате – в одиночестве. Когда рядом не дышит полной широченной грудью внушительный и горячий, словно печь, месье дознаватель. Не нагревает своими подтянуто-мускулистыми телесами постель и не тревожит обоняние этим возмутительным мужицко-пряным запахом.

Открыв один глаз, я всё же на всякий случай опасливо покосилась в ту сторону, где месье де Ламьер обнаружился в прошлый раз. Какое всё же облегчение! Сейчас прошлое утро казалось мне невообразимым бредом. Было или нет? Но воспоминания о потерях, что я понесла в тот злополучный день, подтвердили, что мне, к сожалению, всё это не приснилось.

И даже тот пёс из Бездны тоже существовал на самом деле. Нет, я раньше слышала, что у его светлости есть питомец, с которым он почти неразлучен. Но даже представить не могла, насколько у того экзотичный вид!

Ещё большим всплеском радости отозвалось внутри осознание, что вчера по горячим следам за мной не прислали жандармов. И не увезли в дознавательские темницы, напичканные орудиями пыток сильнее, чем будуар куртизанки – расшитыми подушками.

В общем, утро выдалось совершенно замечательным!

Оставалось только надеяться, что месье де Ламьер не готовит для меня кару пострашнее той, что я успела себе вообразить.

Словно почувствовав моё пробуждение, пришла Аби – с водой для умывания, свежими полотенцами и газетой, которую я собиралась почитать за завтраком. А едва я переоделась в упоительно лёгкое хлопковое платье с длинной, отделанной кружевом накидкой, пришла и экономка – мадам Хибоу.

То, что я вчера с таким страшным опозданием добралась до дома после бала у герцогини, стоило ей бессонной ночи и почти половины флакона успокоительных капель. До сих пор совестно!

– Мадам, доброе утро! – Она чуть вперевалку прошла в спальню и деловито распахнула портьеры шире. – Я не стала беспокоить вас слишком рано. После такого хлопотного дня... – в её голосе послышался ювелирно выверенный упрёк.

– Что случилось? – приподнятое настроение мгновенно начало оседать.

Селина драматично закатила глаза, качая головой. И я уже начала догадываться, что она скажет дальше.

– Просто вопиющая бестактность! Дениза, будь она неладна, – мадам Хибоу значительно понизила голос. – Приехала, представляете, едва рассвело. И чего же ей не спится?

– Хороший вопрос, – буркнула я, подхватывая со столика

газету.

Конечно же, Дениза имела право появляться в доме отца, когда ей захочется. Но она предпочитала теперь жить в купленном пару лет назад доме в окрестностях Жардина. Так ей было удобнее добираться в Санктур.

– Ещё пришло письмо от месье Орма, – продолжила Селина докладывать мне о самых важных новостях. – Я оставила его в вашем кабинете.

Да, письма от управляющего самой крупной винодельни дома д'Амран я позволяла получать только экономке. Так уж сложилось, что она сразу прониклась ко мне симпатией, стоило только появиться в доме Эдгара. Порой даже опекала меня почти по-матерински. И она была одной из тех немногих людей, кому я могла безоговорочно доверять.

Что ж, письмо от Перетта немного подождёт. Но вот что понадобилось Денизе с самого утра?

Она никогда не отличалась большим тактом, если ей было что-то нужно. Несмотря на то, что с Эдгаром у неё были не слишком тёплые отношения, она не забывала вести с ним некоторые весьма денежные дела. А после его смерти частенько донимала меня. Несмотря на то, что отец оставил ей солидную сумму на счету в банке и небольшую пасторальную сеньорию в паре десятков миль от столицы.

Когда служанка и экономка вышли, я открыла одну из шкапулок и вынула оттуда украшенную кружевом бархатку с блокирующим кристаллом. Тот, что я потеряла накануне,

был, конечно, не единственным. Дениза хоть и не сыскарь, как Ренельд де Ламьер, но появляться при ней без маскирующего амулета нельзя.

Узнать бы всё же, куда подевалась та бархатка, в которой я была на балу. И не станет ли она дополнением пикантной коллекции моих вещей в комнате месье дознавателя. Вряд ли он что-то поймёт, обнаружив этот небольшой камешек на ленте, но приятного всё равно мало!

Дениза уже ждала меня в столовой, и нарастающий утренний зной, кажется, был ей нипочём. Она, как и всегда, была одета в тёмное, словно где-то под слоями ткани у неё был спрятан охлаждающий артефакт. Впрочем, может, он и был там. То, что творится под платьем Денизы, – это особая тайна. Покрытая мраком и, вполне возможно, поросшая паутиной. Тайна эта ревностно охранялась и, кажется, ещё ни разу не доверялась никому из мужчин. И чем старше становилась Дениза, тем надежд на то, что это произойдёт, становилось всё меньше.

Сейчас она явно скучала в ожидании – крутила в пальцах вилку, бездумно разглядывая вышитый на скатерти цветок.

– Доброе утро! – едва наклонила голову, когда я прошла к столу. – Ты, как и всегда, спишь почти до обеда.

Совершенная, между прочим, неправда!

– А тебе, как и всегда, не давали спать желчные всплески? – я усмехнулась.

Дениза вскинула подбородок, впечатывая в меня гневный взгляд. И она внимательно смотрела на меня всё то время, что слуги хлопотали вокруг, расставляя на столе утренние блюда. Но наконец все разошлись, и она снова взяла вилку в руку. Причём нацелила её в меня, словно собиралась проткнуть.

– Я приехала по серьёзному вопросу, Этти, – проговорила сварливо.

А меня так и передёрнуло от этого обращения. Этти! Кто вообще надоумил её называть меня так? Мари – для большинства, Ри – для самых близких. Это то, к чему я привыкла. Но вот приехала в дом к Эдгару, и на меня свалилось это идиотское “Этти”. Словно Дениза страдала заиканием.

– Он настолько серьёзный, что не мог подождать лишние пару часов? – Я угрожающе треснула ложечкой по верхушке сваренного в мешочек яйца.

У Денизы все вопросы исключительно серьёзные. А на деле – каждый из них просто лишний повод напомнить о себе и о своей обиде на отца. Думается, и на этот раз я не услышу ничего нового, только попытку продавить меня под свои интересы.

– Совет по стипендиатам Санктуря переносится, – сообщила она с таким значением, словно к моим воротам уже подъезжает королевский экипаж. – Он состоится раньше на неделю. Но если тебе некогда этим заниматься, ты всегда можешь доверить дела отцовского Фонда мне. Тогда я беспо-

коила бы тебя реже. Ведь ты не любишь со мной видеться.

– Порой нам приходится идти на жертвы ради справедливости. – Я пожала плечами.

“Падчерица” только губы плотнее сжала, явно удерживаясь от более резких слов. Не к лицу декану столичной Академии ругаться, как торговка на рынке. Не к лицу.

– Думаешь, справедливо, что отец лишил меня возможности управлять фондом Д’Амран? Ты наверняка рада! Почти год я хожу за тобой...

Я подняла на стремительно багровеющую Денизу спокойный взгляд – и она замолчала. Решение Эдгара доверить мне контроль выплат повышенных стипендий и грантов лучшим студентам академии Санктур болезненно ударило по гордости его дочери. Она, как декан, рассчитывала, что эта прерогатива достанется ей.

Но беда в том, что мой муж в какой-то миг просто перестал ей доверять.

– Это было не моё решение. То мутное дело с растратой части фондовых средств до сих пор лежит на столе городского дознавателя среди самых важных. Он, кстати, запрашивал у меня некоторые бумаги в пятницу. И пока это дело не прояснится, о том, чтобы тебе управлять Фондом, не может быть и речи.

– Ладно! – Дениза взмахнула рукой. – Раз отец решил, поспорить с ним я уже не могу. Но у адептов скоро окончание сессии, нам столько всего нужно решить. А ты... Ты даже

дома не ночуешь!

– Какое отношение это имеет к делу? – Я громко брякнула ложкой по столу.

– Такое, что Совет мало ценит тебя. Более того, твоё поведение считают легкомысленным. Разъезжаешь везде одна. Или наедине с мужчинами...

– Это твои домыслы.

– Если бы хотя бы закончила Санктур, их отношение было бы другим.

– Я не считаю нужным учиться в Санктуре. – Я отставила недоеденный омлет в сторону. Так она мне весь аппетит испортит. – К тому же мои способности слишком незначительны, чтобы заинтересовать ваших магистров.

Дениза криво усмехнулась, меряя меня взглядом. И от этого острого интереса пополам с недоверием мне становилось не по себе. Но Эдгар точно не мог ничего ей рассказать. Напротив, он всеми силами пытался уберечь меня от того, чтобы открывать мои силы другим. Говорил: всему своё время. И мой дар однажды сыграет гораздо более значительную роль, чем тешить преподавателей в Академии, которые будут потрясать мной, как знаменем могущества магов.

– Хорошо, – наконец проговорила Дениза. – Учиться или нет – дело твоё. Хотя даже твои “незначительные” способности при должном подходе можно было бы развить до приличного уровня. И это повысило бы твой статус в глазах Совета.

Но я не собиралась продолжать эту тему. А настойчивость Совета в желании сделать из меня адептку в хламиде с гербом Санктюра и вовсе наводила на нехорошие подозрения. Нет уж, живой я им не дамся!

Ещё и поэтому мне нужен муж. Не просто аферист без имени, готовый за плату изображать пылкую любовь, но тот, кто поможет мне разогнать стервятников, что так и норовят выклевывать глаза.

– Передай Совету Академии, пусть готовят список тех, кто может претендовать на поощрение Фонда, – прервала я вдохновенные уговоры Денизы. – Если они решили устроить собрание раньше, то пожалуйста.

Закончив весьма постылый завтрак с Денизой и спровадив её наконец, я отправилась в кабинет, чтобы выяснить, какие вести до меня хочет донести управляющий. На столе в пятне света, падающего в окно, лежало письмо со знакомыми завитушками заглавных букв, которые так нежно и необъяснимо любил Перетт. Не знала бы, что послание от него, подумала бы, что от адептки той же пресловутой Академии, которой Дениза прожужжала мне все уши.

Я развернула чуть надушенный листок и пробежалась взглядом по строчкам.

Сразу стало как-то тревожно на сердце. Перетт вообще редко когда дёргал меня из пустой прихоти. Его колоссального опыта хватало на то, чтобы многие вопросы решать самому. В конце концов, за это он получал очень немалень-

кое жалование. Благодаря чему в прошлом году отстроил небольшой особняк на выделенном ему Эдгаром участке земли.

Впрочем, несмотря на его самостоятельность, я никогда не гнушалась тем, чтобы проверить, как идёт работа. Старалась контролировать всё так, как учил меня Эдгар.

К слову, я как раз была на винограднике, что располагался в долине имени Эйл, буквально на днях. Проверяла вместе с Переттом и другими работниками, как перезимовали нежные южные лозы. И если уж управляющий просит снова приехать, значит, случилось что-то важное. Но что-то, о чём он опасается напрямую сказать в письме.

Потому, уже ничуть не мешкая, я переоделась сообразное выезду платье и отправилась на винодельню. По дороге несколько раз перечитала послание управляющего, отчего растревожилась только сильнее. Карета резво спустилась по мощёной дороге с горы, на которой вот уже вторую сотню лет стояло имение Эйл, и покатила по улочкам небольшого городка Пайет. Жители его почти все так или иначе были заняты на работах в одной из самых крупных виноделен королевства – Шато Д'Амран. И не просто самых крупных, а самых известных и укрепляющих своё имя всё больше год от года.

И чего бы мне хотелось меньше всего, так это опорочить память своего мужа слухами о том, что на виноградниках что-то не в порядке. Или некими грязными делами, что мог-

ли сейчас закрутиться с лёгкой руки его сына.

Управляющий Перетт Орм встретил меня почти у самых ворот. Подал руку, помогая сойти, и задержал мою ладонь в своей на какую-то долю мгновения дольше необходимого. Я уже давно заметила за ним такую особенность – ещё в то время, когда Эдгар был жив.

Порой Перетт давал себе такую ничтожную волю – дотронуться до меня как бы невзначай или пожать руку, когда это было, в общем-то, не нужно. Причём умудрялся делать это так, что я скорее склонна была бы подумать, будто мне мерещится. Но взгляд Перетта только подтверждал все мои подозрения на его счёт.

Впрочем, я всё равно старалась делать вид, что ничего не замечаю. Даже цветов, что он время от времени оставлял у меня на рабочем столе. Такую вольность он начал позволять себе уже после смерти Эдгара.

– Я рад, что вы приехали так скоро, ваше сиятельство. – Закончив свой привычный ритуал с пожатием моей руки, Перетт торопливо её отпустил. – Честное слово! Творится что-то неладное.

Он шумно вздохнул и устремил взгляд вдаль.

– У вас, месье Орм, каждые две недели творится что-то неладное, – мягко укорила я его.

Но пусть лучше управляющий будет слишком бдителен, чем недостаточно. К тому же на этот раз предчувствие подсказывало мне, что беспокойство Перетта вовсе не пустое.

Он сегодня как-то особенно бледен, на аристократично впалых щеках двухдневная щетина. Даже всегда аккуратно зачёсанные от висков каштановые волосы слегка растрёпаны – небывалое для него дело!

– Сейчас сами всё увидите, ваше сиятельство, – не стал спорить Перетт.

Порой то, что он называет меня исключительно “ваше сиятельство”, вызывало недоумение. Будто он не помнит моё имя. И произносил он это так, словно само звучание слов доставляло ему удовольствие. Через некоторое время я привыкла, оставив попытки переучить его и заставить обращаться ко мне хотя бы “миледи”.

Мы миновали широкий, чисто убранный двор винодельни перед главным особняком Шато по чуть сыроватой дорожке: оказывается, ночью в окрестностях Пайета прошёл дождь. Перетт помог мне переступить через лужу. Незаметным – как он считал – жестом поправил безупречно повязанный шейный платок.

– Как прошёл бал у герцогини? – поинтересовался как бы невзначай. – Я слышал, там было несметное количество знатных людей. И магов.

Да, маги были – и этот факт особенно меня удручал.

– Всё прошло прекрасно, Перетт, – проговорила я так, чтобы показать ему, что этот разговор продолжать не желаю.

Мы прошли между постройками винодельни, окружёнными, как и всегда, особым запахом смеси вина и магии. И

дальше направились по тропинке в гору. Пришлось раскрыть зонт, потому что солнце сразу же хорошенько ударило в затылок. Парило нещадно.

Ровные ряды лоз змеились по холмам, спускались зелёной лестницей к подножью склона. Между ними виднелись фигурки работников в широкополых шляпах, и всё, кажется, было спокойно.

Но когда мы приблизились к той части виноградника, где рос тот самый сорт Ленойр, что мы с Эдгаром привезли с приморского юга соседнего королевства Фалайс, Перетт заметно разволновался. Платок, которым он то и дело протирает виски, замелькал чаще, а вопросительный взгляд виноградаря окончательно прилип ко мне, словно каждый миг он ждал моей реакции.

– Что это?!

Я остановилась и, сняв перчатку, кончиками пальцев потёрла виноградный лист, который покрывал пепельного цвета налёт. Пока что больше по краю, но болезнь явно быстро распространялась, и скоро могли пострадать соцветия. А если так, то это просто катастрофа.

Ленойр – виноград с совершенно неповторимым вкусом и ароматом. А ещё очень капризный: в районах более северных, чем его родина, приживается тяжело. Мы с Эдгаром потратили немало средств, усилий и магии, чтобы лозы начали плодоносить вовремя. И именно с использованием этого сорта было изготовлено то вино, что так понравилось герцо-

гине.

А значит, мы внезапно оказались близки к краху многих планов и надежд.

– Оидиум? – Я подняла взгляд на замершего рядом Перетта.

Тот чуть помедлил с ответом, словно решал, как лучше преподнести мне эту новость.

– Я тоже так подумал, ваше сиятельство. – Он вздохнул и коротким жестом дёрнул явно стесняющий ему дыхание ворот. – Даже беспокоить не хотел поначалу. Тут и моей магии хватило бы, чтобы справиться. Сколько раз бывало... А тут ещё жара эта.

– Ну? – подогнала я виноградаря.

– Я и состав подготовил, и магией приправил, как нужно, ваше сиятельство. Чтобы поскорее подействовало. А оно, кажется, только быстрее начало ползти.

Я наклонилась и осторожно втянула носом запах, что ощутимо исходил от листьев. Похоже, опрыскивали не так давно – ещё чувствуется серный дух. Но вот помимо этого в общую, почти истаявшую магическую ауру вплетался чужеродный, раздражающий.

– Чья-то магия?

– Не исключаю, ваше сиятельство, – серьёзно подтвердил Перетт. – Но я чужие и вредоносные ауры почти не чувствую. Я больше по...

– Я знаю.

– Но первый раз такое, что при оидиуме не помогли мои средства! – совсем разволновался виноградарь и наконец ослабил шейный платок, наплевав на приличия.

Наверное, он один из работников винодельни и виноградников не позволял себе одеваться свободно и удобно – так, чтобы ничего не мешало. Он всегда строго следил за своим обликом, что порой доставляло ему неудобства. Как сейчас.

– Перетт, – ровно окликнула я его, стараясь успокоить. – Я разберусь, в чём тут дело.

– Я уже и в жандармерию писал, – продолжил возмущаться мужчина, не вникая, кажется, моим словам. – Они молчат! Хоть бы прислали какого завалящего сыскаря. Хоть стажёра после Академии, но с хорошим чутьём. А то ведь аура тает! Скоро здесь вообще ничего не найдёшь!

Он замолчал, гневно пыхтя и дёргая желваками. О да, чтобы разозлить всегда спокойного и порой излишне учтивого управляющего, стоило случайно оборвать листок или неверно обрезать веточку. Но каким бы он ни был пылким и ревнивым по отношению к своему делу, это всегда было только на пользу. Без него я за тот год, что Эдгар отошёл от дел, не добилась бы и половины успеха.

– Я поеду в жандармерию сама, – ответила я, когда его запал прошёл. – Если вы уверены, что это чужая магия... а не просто фон от заболевших листьев...

– Я уверен, ваше сиятельство! – твёрдо повторил управляющий.

Я кивнула.

– Давайте проверим всю эту часть виноградника. Может, я сама что пойму...

На самом же деле я хотела попробовать приостановить болезнь заклинанием, которому меня учил Эдгар. Совсем избавиться от неё мне не удастся. Но моих сил точно хватит на то, чтобы сдерживать рост оидиума до тех пор, пока сюда и правда не придут жандармы из Магического отдела.

И тут я неуместно или, напротив, вполне уместно вспомнила о месье де Ламьере старшем, но он слишком важная фигура, чтобы мотаться по виноградникам и обнюхивать виноградные листья. Даже его пёс до того наверняка не опустится.

Да и встречаться с ним для меня – последнее дело. До сих пор от воспоминаний уши наливаются жаром, а в груди становится тесно. Но, Бездна побери, как мне сейчас пригодились бы его навыки!

И только вслед за этой мыслью меня догнало осознание, что именно при последнем, совершенно неподобающе близком контакте с ним я чувствовала примерно тот же след магии, что сейчас исходил от листьев. И, в общем-то, в том нет ничего удивительного. Вредоносные заклинания требуют использования именно тёмной части ауры.

Но как это может быть связано с Ренельдом де Ламьером? Откуда в герцоге такая мощь изнаночной ауры, что даже я ощутила её удар так сильно, словно он хотел меня убить?

Вряд ли, конечно... За смутные подозрения в использовании зелий не судят так строго, чтобы уничтожить прямо на месте. Однако...

– Ваше сиятельство! – донеслось издалека, прервав мои размышления о том, какие секреты хранит в себе месье очень-загадочный-дознаватель.

Мы с Переттом уже успели дойти вдоль виноградника до самого его края. И везде нас встречало то же удручающее зрелище заражённых чем-то похожим на оидиум листьев.

Я повернулась к мальчишке, что резво бежал к нам, шурша ногами по присыпанной камнем дорожке. Сын одного из работников – Юберт. Управляющий называл его своим помощником, а тому нравилось выполнять мелкие поручения на винодельне.

– Что случилось? – строго осадил его Перетт, схватив за плечо.

Иначе он, кажется, проскочил бы мимо, не успев затормозить.

– Там... – Мальчишка отдышался. – Там приехал месье д'Амран.

– Какая бездная тварь его сюда пригнала? – выругалась я, не сдержавшись.

Напряжение двух последних дней дало о себе знать. Что уж тут поделаешь.

И Перетт, и его помощник уставились на меня с явным недоумением и даже переглянулись. Понятное дело, таких

слов они от меня раньше не слышали. Если я и бранилась, то всегда про себя. Но появление на винограднике Фабриса – это точно не к добру. Раньше, ещё при жизни Эдгара, он вообще мог не приезжать сюда месяцами. А тут, ты посмотри – зачастил!

На прошлой неделе тоже совал сюда нос, пытался даже добраться до расходных бумаг, но защитное заклинание, которое я оставила на дверце несгораемого шкафа, на несколько дней лишило его возможности шевелить руками. И уж тем более – тянуть их туда, куда не просят.

Знала бы, что он приедет, приготовила бы ему жгучий чай с особыми травками, от которого он до завтра дышал бы изо рта паром. Возможно, не только изо рта...

А сейчас было поздно.

– Где он? – Я направилась обратно, по пути сорвав поражённый болезнью листок.

Перетт схватился за сердце, но промолчал. Сейчас не до сантиментов. А часть пострадавшей лозы мне нужна для того, чтобы затем лучше поддерживать связь с окутанными заклинанием. Понятное дело, что все мои магические уловки придётся отложить до того мига, как Фабрис уберётся отсюда. И для того, чтобы это случилось поскорей, я готова была сделать всё. Даже натравить на него собак.

Долговязого “пасынка” можно было легко разглядеть ещё с другого конца виноградной аллеи. Он шёл, одной рукой придерживая шляпу, которую так и норвило унести ветром,

тростью в другой отодвигая в стороны веточки винограда, хоть они ему совсем не мешали. Надо бы запретить охране пускать его сюда без особого повода. Особенно когда здесь творятся пока непонятные мне дела.

Подходя к Фабрису, я демонстративно раскрыла над головой зонтик.

– Доброе утро, мачеха, – громко проговорил мужчина. – Или оно, слышал, у тебя не слишком-то доброе?

Я только на миг приостановила шаг – лишь ради того, чтобы одарить его полным холодного презрения взглядом.

– Кто тебе об этом сказал? Птички в саду напели? Или ты сам постарался?

Фабрис проводил меня взглядом, пропустил мимо себя гордо шествующего вперёд Перетта и даже его помощника. Но стоять одному посреди виноградника было бы несказанной глупостью, потому он скоро нагнал нас снова.

– Теперь я собственными глазами вижу, что ты всё же угробила дело отца, которому он посвятил столько времени, – начал он цедить ядовитые слова, которые явно заготовил заранее. – А ведь сразу было понятно, что тебе не справиться. Ты слишком много на себя взвалила. Слишком на многое замахнулась. А твои работники даже не способны справиться с простейшей болезнью винограда!

– Ты заглянул в ботанический справочник?

Я вновь остановилась.

– Не думай, что я совсем не разбираюсь в виноделии и

винограде. Я провёл рядом с отцом гораздо больше времени, чем ты. Пусть тебе и удалось залезть ему в штаны. А вот в постель уложить вряд ли получилось.

Я не успела ничего предпринять, не успела даже рот раскрыть, чтобы ответить. Перетт, что стоял рядом со мной, просто вскинул руку и... нет, не ударил Фабриса в глаз, как мне мгновенно представилось.

Он схватил того за грудки, дёрнул к себе – и невесть откуда взявшийся побег винограда в несколько тугих витков оплёлся вокруг шеи моего “пасынка”.

– Я очень уважал вашего отца, месье д’Амран, – процедил управляющий, склоняясь к его лицу. – Я безмерно уважаю и ценю её сиятельство. И за четыре я года видел её на винограднике чаще, чем вас за все годы до этого. И если вы ещё раз позволите себе такие выражения в её сторону, клянусь гневом Первородных...

– Перетт! – окликнула я мужчину, предупреждая опрометчивые слова, что готовы были сорваться с его губ.

Всё же Фабрис – сын графа, хоть и не унаследовал титул – остался в виконтах. Но угрозы ему могут обернуться большими неприятностями для человека не столь высокого происхождения. Хоть я и готова была встать, если придётся, на защиту самого ценного виноградаря, какого вообще знала.

– Да с тобой всё ясно, – подозрительно багровея, просипел мой великовозрастный пасынок, хватаясь за рукав Перетта. – И лучше убери руки, иначе завтра ты окажешься за

решёткой.

– Перетт, – я тронула управляющего за локоть, – не нужно.

Шершавый побег медленно сполз с шеи Фабриса и вновь спрятался где-то в густой листве. Виконт закашлялся, сгибаясь пополам.

– Простите, ваше сиятельство, – проговорил виноградарь, одёргивая рукава безупречно белой рубашки. – Не сдержался. Просто я считаю, что никто не имеет права вас оскорблять.

Милый Перетт. Я улыбнулась ему, ощутив мягкий прилив тепла к сердцу. Никогда не думала, что он способен и на столь жёсткие поступки. С этими-то завитушками в письмах, маленькими букетиками цветов, перевязанных слегка надушенными лентами. Но сейчас в какой-то миг мне и правда показалось, что он задушит Фабриса – лишь бы уже избавиться меня от его присутствия раз и навсегда.

– Уезжай, Фабрис, – бросила я “пасынку”, когда тот перестал сипеть и вытирать слёзы с глаз. – Иначе я позову охрану – и тебя выведут, как человека, который нарушает нормальную работу на винограднике.

В пылу короткой суматохи никто и не заметил, что Юберт куда-то исчез. А он в это время успел предупредить здоровяков из охраны винодельни о назревающей потасовке. Возможно даже, смертоубийстве. Хотя кто бы Перетту позволил. Не я – точно. Теперь плечистые мужчины наблюдали за нами издалека, пока что не вмешиваясь. Но один взмах руки

– и они скрутят Фабриса в бараний рог.

– Это уже ни в какие ворота... – наконец злобно запыхтел тот, выпрямляясь. – Я вызову комиссию! Они приедут, пройдут с инспекцией и увидят бардак на этих участках. Тогда посмотрим, кто здесь больше достоин уважения.

Напоследок он ударил Перетта гневным взглядом и быстрым шагом прошествовал вперёд нас. Слегка сдал в сторону, чтобы миновать охрану на безопасном расстоянии, и скоро скрылся из вида.

Я же прошла между рядами заболевших лоз, накладывая на них защитное заклинание. Это даст мне время, чтобы отыскать того, кто избавит их от наведённой порчи.

– Следи, чтобы всё было в порядке, – предупредила я Перетта, уже стоя у открытой дверцы кареты. – Чуть что, сразу сообщай мне. И если удастся выяснить, кто из работников наушничает Фабрису...

– Я понял, ваше сиятельство, – заговорщически понизил голос управляющий.

Я покрутила в пальцах сорванный виноградный листок. По его виду мне тоже многое будет понятно – на расстоянии. А пока придётся добиться того, чтобы из столичной жандармерии нам и правда прислали толкового чтеца аур. Возможно, тогда мне удастся до приезда комиссии привести всё в порядок. В угрозу Фабриса я вполне верила. С него станется.

Я села в экипаж и коротко закатила глаза, когда увидела на сиденье напротив перевязанный шёлковой лентой бу-

кетик тюльпанов. Они сейчас как раз цвели в полную силу. Хотела вернуть его Перетту, но тот уже сбежал. Что же это такое! Как донести до него мысль, что все его ухаживания бесполезны? Если уж прямых слов он не понимает...

Пришлось хотя бы сегодня махнуть на это рукой. Букет из ярко-розовых цветов хоть немного поднимал мне настроение, как бы то ни было. Я положила его на колени и велела кучеру трогать.

Виски просто ломило от мыслей, что одолевали меня всю дорогу к дому. Тело ныло, словно я весь день поднималась в гору пешком. Когда приходится “проталкивать” магию через преграду маскирующего амулета, это отнимает гораздо больше сил, чем при свободном её истечении.

Но терять урожай в этом году совершенно нельзя. Если лозы погибнут, это будет просто катастрофа – в преддверии того, как герцогиня Энессийская собралась рекомендовать моё вино к королевскому столу. Значительная часть запасов их прошлогоднего урожая уже была распродана – чаще всего по несколько бутылок в коллекции окрестных аристократов. Они, прослышав о новом сорте вина из Шато Д’Амран, приобрели для себя его больше из любопытства. Как и Виолена. Кто знает, когда они его распробуют. Но если пройдёт слух, что при дворе его величества заинтересовались им, то желающих купить “королевский” напиток станет значительно больше.

Поэтому так просто я не сдамся. И не позволю Фабрису

уничтожить дело, которым жила последние два года!

Глава 6

Я вошла в комнату, на ходу стаскивая с головы опустылевшую шляпку. И тут же обоняния коснулся чуть сладковатый цветочный запах. Я зашарила взглядом вокруг: на столе в вазе красовался пышнейший букет нежно-розовых пионов. Пожалуй, если посидеть рядом с ним достаточно долго, он одурманит не меньше какой-нибудь ведьмовской травы.

Вокруг него с выражением полнейшего благоговения на лице ходила мадам Хибоу.

– Что это? – Я махнула перчатками в сторону букета, уже вполне себе догадываясь, откуда тот здесь взялся. Положила рядом подаренные Перетгом тюльпаны: конечно, на фоне такого великолепия они смотрелись как сиротки рядом с разодетой в пух и прах тётушкой.

– Мадам... – с лёгкой укоризной в голосе ответила экономка. – Сегодня днём приезжал месье де Ламьер...

– Какой? – хмуро уточнила я, очень сомневаясь, что на такой жест мог бы сподобиться старший из братьев.

Впрочем, может, он решил извиниться за то, что случилось накануне? Да нет! Такие, как он, не извиняются – они до последнего сохраняют на лице самоуверенную мину.

– Ксавье де Ламьер, – с готовностью уточнила мадам Хибоу, окончательно развеяв все мои наивные предположения. – Он извинился, что без предупреждения и приглаше-

ния... К сожалению, я не знала, когда точно вы вернётесь, поэтому он не стал вас дожидаться. И оставил букет. С запиской.

Экономка трепетно приложила руки к своей весьма внушительной груди. Надо же, взрослая женщина, а до сих пор млеет от всех этих романтических жестов. К сожалению, я была слишком раздражена тем, что случилось на винограднике, потому не смогла оценить ухаживания Ксавье по достоинству.

Более того, от насыщенного запаха пионов у меня начала побаливать голова. Но показать это – в чём-то обидеть мадам Хибоу, которая явно ждала от меня восхищения или хотя бы умиления.

– Они просто чудесны, – выдавила я, подходя ближе к столу.

Записка от Ксавье лежала тут же, прижатая дном вазы. Экономка даже замерла в ожидании, наблюдая за тем, как я беру небольшой конвертик в руки, как разворачиваю его и пробегаюсь взглядом по строчкам.

Признаться, своим небольшим откровением Ксавье даже удалось вернуть мне благостное расположение духа. Его слова казались совершенно искренними – если бы я не помнила о том, что он любит приударить за несколькими дамами одновременно. Но что ж, дальше будет видно.

Пока младший де Ламьер выражал огромное сожаление, что ему не удалось встретиться со мной. Ведь он ждал встре-

чи, потому как я, оказывается, не выходила у него из головы с того самого мига, как он встретил меня в Санктуре. Неожиданно, надо признать. Или всё же в нём говорит бабушкино зелье?

В комнату постучали, и я отложила приятную во всех смыслах записку в сторону. После разрешения в комнату вошёл мажордом Сирк Хибоу, оглядел нас с экономкой привычно невозмутимо – по его лицу вообще редко что можно было понять точно – и чуть выше приподнял коробку, которую держал в руках.

– Вам передали это, миледи, – доложил он ровно. – Только что приходил посыльный.

– От кого? – поинтересовалась я, стараясь сохранить безразличный вид.

Хоть аккуратно упакованная коробка, перевязанная бежевой атласной лентой, мгновенно родила в голове лестное предположение, что Ксавье решил не ограничиваться букетом. Чувствует свою вину? Хорошо бы.

– Тут не указано, миледи. – Сирк ещё раз взглянул на коробку, словно на ней всё же могла появиться надпись, пока он нёс её сюда.

– Ты спросил у посыльного? – нетерпеливо уточнила мадам Селина.

Муж посмотрел на неё – и на его губах мелькнула слегка ехидная улыбка.

– Конечно, я спросил, Селина. Тот молодой человек ска-

зал, что миледи всё поймёт сама.

А вот тут мне даже стало слегка тревожно. В свете того, что случилось на винограднике, от Фабриса можно было ожидать любую гадость. И неприятную посылку в том числе.

– Благодарю. – Я кивнула. – Оставьте на столе, Сирк.

Тот положил коробку рядом со мной и степенно вышел.

Я ещё некоторое время с сомнением смотрела на неожиданный подарок, размышляя, стоит ли его открывать. Вряд ли Ксавье стал бы скрывать, что это от него. Но если не открою, не узнаю, что же там и зачем.

Я неспешно развязала ленту и кончиком пальца поддела крышку.

– Вы как в мешок со змеями руку суёте, – заметила мадам Хибоу. – Хотите, открою я?

Но содержимое, что слегка проступило из мрака коробки, заинтриговало меня настолько, что я уже готова была отринуть опасность и выяснить всё сама. Атласная ткань... Краешек кружева. Я откинула крышку и тут же сжала кулаки.

Передо мной, аккуратно сложенный, в складках упаковочной бумаги лежал мой собственный корсет, который накануне я забыла в комнате Ренельда де Ламьера. А из выреза декольте кокетливо торчал уголок записки.

– Что это? – озадаченно пробормотала экономка. – Это каким бесстыдством надо обладать...

– Вы совершенно правы! – подтвердила я, спешно прерывая уже хлынувший из неё поток возмущения. – Совершен-

но!

Гораздо большим бесстыдством, конечно, было оставить корсет в комнате мужчины, с которым провела весьма смутную ночь. Естественно, Ренельд не стал бы оставлять его себе на память: на страстного воздыхателя он походил так же, как я на гвардейца. Но он мог не обставлять возврат с такой помпой. Да и вообще – мог бы выбросить этот злосчастный корсет!

Я зло схватила записку и развернула её. Это послание оказалось гораздо короче предыдущего.

“Не мой фасон”.

Ни подписи, ни даже вензеля.

И я в очередной раз пожалела, что не обладаю уверенными навыками в магии перемещения – оказаться бы так в комнате Ренельда и наконец наградить его хорошей пощёчиной за все колкости и уничижительные слова, что успела от него услышать за тот короткий срок, что мы знакомы. А затем – гордо исчезнуть.

– Выбросите это, мадам Хибоу, будьте добры.

Я поднесла записку к свече, а когда она загорелась, бросила её в камин. Небольшой клочок бумаги прогорел быстро – осталась только щепотка пепла. От герцога осталась бы кучка побольше, обрушь я на него весь гнев, что сейчас тугими сгустками перетекал в груди. Но я всё же светлая магисса. Да к тому же та, что скрывает свои истинные умения. Потому тут вообще без вариантов. Только стерпеть и забыть. А когда

голова остынет, вспомнить и придумать достойный ответ.

– Простите, – озадаченно проговорила экономка, уже взяв коробку в руки. – Но этот корсет кажется мне знакомым...

– Корсеты вообще все похожи один на другой. Это же не платья, – резонно заметила я, располагаясь на диванчике и с лёгким злорадством поглядывая на то, что осталось от записки Ренельда. “Не мой фасон”. Хотела бы я посмотреть на эпатажный вид месье дознавателя, если бы фасон оказался его! Каков был бы компромат! Но, к сожалению, моя коварно потирающая ручки фантазия разбилась о подозрительный взгляд мадам Хибоу.

– Простите, что я лезу не в своё дело, ваше сиятельство... – начала она издалека. И обычно эта фраза означала, что экономка собирается запустить в это самое дело руки по локти. А возможно, и забраться с ногами.

– Говорите, мадам Хибоу, – вздохнула я.

Отбиваться от неё нет ни сил, ни желания.

– Вы же знаете, как я к вам отношусь! Как переживаю за вас, – тон экономки стал близок к пику тревожности. – Вы что же... Завели любовника?

Её голос трагически дрогнул, а глаза возделись к потолку – того и гляди закатятся в полуобмороке. Я едва не поперхнулась лимонадом, который в этот миг как раз отпивала из высокого стакана.

– Я очень ценю ваше беспокойство за меня, мадам Хибоу, – выдавила улыбку. – И если бы я завела любовника, по-

верьте, вы узнали бы об этом первой. Но я ещё дорожу своей репутацией.

От которой, конечно же, останутся только клочки, если месье де Ламьер не перестанет делать мне подобные намёки.

– Не подумайте, что я осуждаю вас, – поспешила уверить меня экономка, прижав коробку к себе крепче. – Вы молодая красивая женщина. И у вас могут быть определённые потребности. Да просто желание нравиться мужчинам, в конце концов! Просто я не хотела бы, чтобы вы ошиблись. Вам нужен достойнейший мужчина. Такой, каким был месье д’Амран.

Я вздохнула, глядя на добрейшую мадам Хибоу. Она и правда переживала за меня и желала мне лучшего. Но следовать по направлению её мыслей дальше мне вовсе не хотелось. Сама ото всей этой затеи с мужем не в восторге.

– Будьте уверены, если я вновь свяжу свою жизнь с мужчиной, он будет достойным.

– Месье де Ламьер младший просто чудо! – тут же с пылом продолжила экономка, вмиг утратив растроганные нотки в голосе. – Обходительный, знатный... А как красив! Истину говорят: мужчины королевской династии Таури всегда были неоспоримыми красавцами.

Пожалуй, со всем этим можно было согласиться. Но только от мысли о Ксавье у меня в груди ничего не замирало, ничего не трепетало в животе и других частях тела. Я не ощущала лёгкости в висках и желания танцевать или петь, хоть и

знала, что моими уловками или нет, он всё же мной увлёкся.

– Может, я просто мало с ним знакома?

– Завтра напишу ему письмо с благодарностью за цветы, – решила я успокоить Селину. – Не забудьте выбросить этот сомнительный подарок.

– Может, отдать его кому из служанок? – предложила бережливая экономка. – Он очень дорогой. Слегка вульгарный, конечно... – (вот уж спасибо!) – Но кому-то да сгодится. Да хотя бы вашей Аби.

– Нет! – Я взмахнула рукой. – Просто. Выбросьте.

Мадам Хибу пожала плечами и наконец оставила меня одну. Наконец-то! Наконец-то этот невыносимый день, наполненный самыми разнообразными мужскими вывертами, закончится. А ещё говорят, что от женщин много проблем! Надеюсь, хоть до собственной постели мне удастся добраться без приключений. Надо бы ещё раз проверить под одеялом: как бы там не притаилась парочка-другая герцогов.

Я ещё немного посидела неподвижно, скинув туфли и чувствуя, как тело понемногу расслабляется, освобождаясь от напряжения прошедшего дня. Скоро пришла Аби, поохала над благоухающим букетом от Ксавье, помогла переодеться к ужину в домашнее платье. Какое всё-таки счастье было поесть в одиночестве!

Я уже давно привыкла, что на противоположном конце стола никого нет. Вокруг было почти тихо, не считая приглушённых разговоров прислуги за дверью. Темнело, над гора-

ми восходила срезанная с одного края желтоватая луна.

Когда я поймала себя на том, что сижу неподвижно над тарелкой, в которой стремительно кособочится недоеденный кусочек мильфёя, решила, что всё же пора идти спать.

Но и книга, которую я хотела почитать перед сном, не смогла увлечь меня настолько, чтобы я позабыла о неожиданных и весьма неприятных проблемах на винограднике. Завтра с самого утра – в жандармерию. Для начала выяснить, почему они проигнорировали письмо Перетта. А там уж потребовать их явиться на место очевидного преступления. Потому что это даже не хулиганство!

И более того, кроме назревающих споров с жандармами, не мешало бы вызвать более сильного, чем Перетт, мага-садовника. Который точно сможет разобраться с тем, как снять вредоносное заклятие с винограда, пока не стало поздно. Мне же останется состроить непонимающий вид и подождать его вердикта. Да, придётся немало потратиться: знающие специалисты дерут за свои услуги непомерные деньги. Но гораздо больше я потеряю, если позволю лозам погибнуть.

Вновь возросшее беспокойство не позволило спокойно посидеть в кресле и дожидаться, когда меня начнёт клонить в сон. Было уже поздно, и дом почти совсем затих, даже слуги улеглись спать. Только я ещё таращилась в темноту за окном, слушая потрескивание свечи.

Пожалуй, выйду на террасу. А по дороге захвачу из по-

греба небольшую бутылку вина. Делить мне её не с кем. Но одного бокала будет вполне достаточно, чтобы успокоиться.

Я накинула поверх платья халат и, захватив с собой канделябр, неспешно спустилась на первый этаж. Здесь тоже пусто и тихо. Это ж надо было так засидеться!

Из гостиной я свернула в бытовую часть дома – и вниз, к погребу. Чем ниже я спускалась по чуть изогнутой лестнице, тем прохладнее становилось. Опутанная особым заклинанием дверь впереди бледно светилась магическими символами. Эту формулу зачарования придумал ещё Эдгар и подробно расписал мне: она помогала поддерживать внутри погреба необходимую температуру и влажность. Мой муж хранил в нём много самых различных вин. А я обычно туда редко заглядывала – только проверить, всё ли в порядке. Но сейчас казалось, что даже просто процесс выбора хоть немного меня успокоит.

Я прошла вдоль деревянных стеллажей с чуть припылёнными бутылками, потирая названия на этикетках. Некоторые Эдгар приобретал при мне и с воодушевлением рассказывал почему. В другой стороне погреба хранилось вино Шато д'Амран – при случае угощать важных гостей. В отдельной части – самые редкие, коллекционные напитки.

Нет, для них точно нужен особо торжественный случай. Возможно, когда меня наконец оставят в покое, когда я заживу без оглядки на мнение сводных родственников, откупорю одну из золотого запаса. Но что-то подсказывало мне,

что лежать ему нетронутым ещё очень и очень долго. Прислуге же Эдгар даже дышать запрещал в сторону драгоценных бутылей.

Не желая осквернять их своей полуночной печалью, я вытянула с полки вполне себе обычную – всё равно плохого вина мой муж не держал – и отправилась обратно. Правда, с каждым шагом всё больше сомневаясь, что всё это мне действительно необходимо.

Ладно, пройдуся и решу...

Но едва только я приблизилась к двери, взялась за прохладное кольцо, как меня словно пнули в живот. И попутно оторвали пальцы на руке. Все разом. Я отлетела назад, по воздуху миновав небольшую лестницу, ведущую наверх. Плашмя шлёпнулась на пол – бутылка с влажным треском разбилась где-то в стороне от меня. Свечи вылетели из покачившегося под стол канделябра и только чудом не устроили пожар – потухли все разом. Но почему-то даже без огня в погребке осталось светло. Я попыталась встать, но меня словно придавило утяжелённой сетью. Кожу жгло, мышцы натянулись до звона.

Я едва поднялась на локтях – и мгновенно вспотела, будто вкатила в гору неподъёмный валун. Нутром я ощущала силу неведомого заклинания, но толком не знала, как от него избавиться. С таким я ещё не сталкивалась. О таком мне не рассказывал Эдгар.

Я только чувствовала, словно из меня словно бы выкачи-

вают кровь. Перед глазами темнеет и плывёт, а на двери всё ярче разгорается зеленовато-голубой круг с символами по контуру. Какими – я уже толком и не могла разобрать: они размывались. Стоило только поймать очертания – и они снова терялись. Как и то, что они вообще могут означать.

Я всё же попыталась сосредоточиться. Зажмурилась, приподняв себя над полом ещё немного, и вновь открыла глаза. Теперь поднявшаяся буря в душе чуть успокоилась, всплеск паники от непонимания, что вообще происходит, прошёл. Я сумела всё же поднять руку и, не шадя завязки, сорвала с шеи бархатку. Стало легче. Освобождённая магия расплескалась вокруг меня, словно озеро. Теперь можно было бороться с убийственным колдовством гораздо эффективнее.

Так. Для начала – понять, что это вообще такое. Пригляделась: первый знак “нэт” – он горит ярче всего. Я дотянулась до осколка бутылки и, схватив его едва гнущимися пальцами, нацарапала символ на полу. Второй знак – “лигнум”, он связан с предыдущим чёткой линией. Его я тоже нанесла на доски рядом с собой. Третий знак...

Тут меня словно прихлопнуло огромной лапищей. В висках стукнула кровь. Но если я не пойму закономерность знаков, то не смогу избавиться от заклинания. И позвать кого-то нет сил, словно горло сдавило крепкими пальцами. Я только хлопала ресницами, ещё пытаюсь что-то уловить. Но быстро теряла силы, которые непомерно тратила на борьбу неведомо с чем.

Как бы то ни было, начертанная на двери схема была не просто пакостью, а явной попыткой хорошенько меня потрепать. Может, даже до смерти.

Я сумела накарябать на полу ещё один только знак – “флюмен”, прежде чем поняла, что уже не контролирую взбунтовавшиеся силы. Аура мощными толчками, словно стрелами в мишень, билась в круг зачарования. Пахло палёным деревом. Ну что ж, если по-другому никак...

Я вытянула руку перед собой и хрипло, точно ворона, выкрикнула заклинания призыва огня. Сокрушительный сгусток пламени врезался в дверь, подвывая и шипя на кольцах магической метки. Доски треснули, в стороны брызнули крупные щепки. Я только успела ещё поглотить выброс ауры, чтобы не поджечь здесь всё окончательно. А затем просто и с невероятным облегчением лишилась чувств.

Не знаю, сколько я пролежала на полу в погребке и кто нашёл меня. Но, к счастью, очнулась я, кажется, в мягкой и тёплой постели. Слабо смяла пальцами гладкую простыню, ещё не помня толком, что было до.

Только радость от пробуждения была недолгой. Потому что, судя по ощущениям, по моему телу потоптались древние давители винограда. Десятка два. Я медленно помотала головой, чувствуя, как в ней словно бы плещется что-то густое и очень тяжёлое. Попыталась открыть веки, но не смогла. На несколько мгновений, а может, и на сутки, я вновь провалилась в темноту. Но из неё меня выдернул смутный

гул разговора где-то поблизости.

– Пропустите! – донеслось до слуха раздражающим всплеском.

– Ну нельзя же! – ответил взволнованный женский голос. – Зачем вы вообще сюда врываетесь? Это, в конце концов, неприлично!

Мадам Хибоу – это могла быть только она. Аби не заступалась бы за меня так смело.

– Лучше уйдите с дороги. – Мужчину я всё никак не могла узнать. – Не препятствуйте...

Чему не должна была препятствовать мадам Хибоу, я не расслышала, потому что в висках глухо ударило – и конец фразы потонул под толщей кратковременной глухоты.

– Я позову охрану! – пригрозила экономка.

– Я вызову жандармов, – ответили ей в том же тоне. – Такая милая женщина, а ведёте себя...

Звуки тихой возни и топот по ковру прервали умозаклучение визитёра, от попыток распознать личность которого мой разжиженный мозг рисковал скончаться совсем.

– Я не позволю вам подойти к ней сейчас!

– Вы что-то скрываете? Я должен взглянуть!

Да чей же это голос! Глаза, открывайтесь! Но тело отказывалось слушаться, и впиваться ногтями в перину под собой – это всё, что я пока могла. Мужчина определённо был мне знаком – в этом я убеждалась всё больше. Кто же это такой? Неужто Фабрис примчался узнать, не протянула ли я ноги?

Так внезапно и так удачно. Для него, разумеется. Тогда гнев экономки вполне понятен.

А может, это Перетт? Он мог бросить всё и приехать, чтобы справиться о моём здоровье. Тогда почему мадам Хибоу его не пускает? Да и управляющий слишком уж смел и настойчив. Разволновался, бедный...

Я так неожиданно и сильно расчувствовалась, что даже показалось, что ресницы намокли.

Неведомый мне посетитель всё рвался вперёд и, кажется, собирался вступить с экономкой в открытый и, может быть, даже кровопролитный бой.

– Дождитесь, когда она придёт в себя! – не унималась Селина.

На этот раз ответили деликатно-угрожающим рычанием. Почему незванный гость рычит? У него закончились аргументы? Или терпение...

– Ещё и собакой! – взвизгнула Селина. – А ну, кыш!

И тут до меня дошло. Так сильно и резко дошло, что я едва не подпрыгнула на кровати. Опять Ренельд де Ламьер! Да каким же бездным ветром его сюда занесло?

Я наконец смогла поднять веки, вместе с тем садясь на постели. Наверное, со стороны это напоминало восстание зомби из могилы. Хоть “живых” умертвий я никогда не видела.

Судя по тому, как стало тихо, эффект вышел ошеломительный. Я устала взглянуть в мадам Хибоу, которая стояла теперь на опасливом расстоянии от хищно нюхающего воз-

дух Лабьета. А затем перевела на замершего в угрожающе уверенной позе герцога.

– Мадам Хибоу, – проговорила я хрипло. – Прошу вас, оставьте нас одних.

И как только у меня хватило сил на такую длинную фразу.

– Но, ваше сиятельство... – Селина возмущённо вскинула брови.

Однако, встретившись со мной взглядом, тихо фыркнула, напоследок покосилась на Ренельда и всё же вышла.

– Хорошо, что вы пришли в себя. – Месье де Ламьер натянуто улыбнулся. – Иначе ваша экономка разорвала бы меня на куски. Знаете, по тому, какая в доме прислуга, можно многое понять о его хозяине. Или хозяйке в данном случае.

– Мадам Хибоу не прислуга. – Я смирила его заносчивую светлость взглядом. – Вы, наверное, плохо без меня спали, раз примчались сюда? Прямо в мою спальню. Презрев все приличия.

– На вашем месте я помолчал бы о приличиях, мадам д'Амран. – Ренельд слегка одёрнул идеально сидящий на нём тонкий жилет и, подманив своего шинакорна взмахом руки, подошёл чуть ближе. – А вот о том, что с вами случилось, рассказали бы поподробнее.

Глава 7

Вдовушка похлопала глазами, явно ещё не до конца придя в себя. Ещё слегка бледная, растрёпанная, с тёмными кругами под глазами, янтарь которых заметно потускнел.

– Дайте немного... подумать, – растеряв первый запал, проговорила она.

Откинувшись на подушки, ёжась под одеялом, которое натянула по самые плечи, и опасливо покосилась на Лабьета, что так и норовил подобраться к ней поближе и обнюхать.

Хотя вряд ли сейчас он распознает хоть что-то полезное. Судя по всему, у Мариэтты случился такой огромный выплеск ауры, что отголоски его чувствовались ещё на подъезде к имению Эйл. А значит, тонкое чутьё шинакорна просто окажется сбито густой примесью светлой энергии, что буквально пронизывала всё, что находилось в комнате. Казалось, что от каждого предмета в ней в любой миг начнут сыпаться маленькие искры.

О том, что случилось с графиней, Ренельду доложили с самого раннего утра: он едва успел встать с постели. Из жандармерии прибыл взмыленный посыльный от месье Лимьера и передал письмо. Сам же старший следователь сразу отправился на место происшествия. Но он уже давно знал, что в таких случаях до прибытия королевского дознавателя трогать хоть что-то ему не позволено. Максимум – снять отпе-

чатки аур. А дальше – только следить за порядком, чтобы даже домашние слуги близко не подходили туда, где всё это случилось.

Однако, оставив спящих по двору родового замка Эйл жандармов под присмотром помощника Тибера де Кальма, Ренельд сразу поднялся в покои графини. Ему даже не нужно было спрашивать, где они находятся, настолько чётким был след её магии. Он, словно прозрачный водопад, струился сверху, то и дело заставляя вздрагивать и замирать в те мгновения, когда соприкасался с настроенной на расследование аурой. Так совершенно невозможно работать! Словно в непомерно надушенной комнате.

И в то же время это самый удобный случай, чтобы “прощупать” ауру вдовушки, пока она ещё не вернулась в нормальные рамки.

Но на пути следствия обнаружилось неожиданное препятствие в виде слегка дородной и начисто лишённой чувства субординации женщины средних лет. Ренельд подумал бы, что это матушка Мариэтты, но она – весьма, надо признать, недовольно – представилась экономкой мадам Хибоу. Собранные в пучок волосы с проседью, почти офицерская выправка – у такой дамы, наверное, слуги бегают на полусогнутых. Тёмно-синее платье с декорированным под Торридский кафтан лифом высоким воротником подпирало чуть оплывший подбородок женщины. Чем придавало ей ещё большую схожесть с гвардейцем на посту.

Собственно, так она себя и повела.

– Кто вы такой, месье?! – проговорила гневным шёпотом. – Я же уже сказала вашему старшему... чтобы миледи не беспокоили!

И даже объяснения Ренельда, обозначение титула и должности не умили её старания остановить его на подходе к постели Мариэтты. А от двери было видно только чуть растрёпанную макушку вдовушки, что утопала в пышной подушке, и мягкие очертания её фигурки под тонким одеялом.

“Я проверю!” – храбро решил Лабьет. Попытался прорваться к кровати графини, но явно недооценил прыть экономки.

Та успела преградить путь и ему. А шинакорн, несмотря на угрожающий вид, всё же не кровожадная тварь, чтобы кидаться даже на столь решительных женщин. Потому он только напугал её рыком, но отступил, когда мадам взвизгнула.

“Может, ну её? Подождём?” – прижал острые уши.

Ренельд уже готов был с ним согласиться, но вдовушка вовремя пришла в себя.

Теперь она хмурилась, словно пыталась вынуть из памяти какие-то подробности случившегося. А может, размышляла, о чём стоит умолчать. Как уже довелось понять, особа она довольно скрытная.

– Я просто спустилась в погреб, чтобы... – Мариэтта коротко и зло вздохнула. – Знаете, столько всего случилось. А я давно туда не ходила, не проверяла, всё ли в порядке. Эд-

гар очень строго следил за своими винами. И мне нужно делать то же... Теперь заклинание разрушено... И та бутылка разбилась...

В общем, те же симптомы, что и у магистра Ливра: ку-ча разрозненных подробностей, не относящихся к делу. Ренельд был у него накануне, соображал тот по-прежнему неважно.

– Давайте ближе к сути, – рассуждения вдовушки об убийствах пришлось прервать. – Меня не волнует, как именно вы проводите вечера и в компании какой из подружек: Бордо, Изабелла или Шардоне.

Резковатая колкость мгновенно взбодрила Мариэтту.

– Да я вообще не буду ничего вам рассказывать, если вы не перестанете!.. – Она гневно сверкнула глазами.

Ослепительные иголки её ауры вонзились в тело со всех сторон разом.

– Простите, мадам д'Амран, – вздохнул Ренельд, воздев глаза к потолку.

“Ну ты дура-ак, – проговорил Лабьет. – Ты сейчас кто, дознаватель или мальчишка, которому девица отказала в свидании?”

Замечание шинакорна было хоть и неприятным, зато досадно справедливым. И чего он злится на Мариэтту? Как будто их успело связать что-то, кроме недавней утренней нелепости. Ну, может, ещё того, что вдовушка опоила его неким зельем, по действию похожим на приворотное. Навер-

ное, оно виновато в том, что сейчас Ренельду хочется не слушать объяснения графини, а всем телом вдавить её в эту пещину и проверить, каковы же её губы на вкус?

Удивительно иррациональное желание. Словно рядом с мадам д'Амран разум перестаёт работать и превращается в бесполезную жидкую кашу, которая распирает голову.

– Так вот, – слегка обиженно продолжила графиня. – Я спустилась в погреб, осмотрелась там и собиралась уже возвращаться. Но на меня словно что-то напало. Нечто вроде ловушки. Она вытягивала из меня то ли магию, то ли жизнь. А дальше... Дальше я уже плохо помню, что было.

“Всё она помнит, – хмыкнул Лабьет. – Не знаю, как у тебя, а у меня сейчас слюна начнёт на ковёр капать. Какая же всё-таки Конфета эта твоя графинюшка! Так бы и сожр... Гхм. В хорошем смысле, конечно”.

Похоже, шинакорн поплыл тоже, а это совсем скверно.

Мариэтта покосилась на пса, будто вдруг заподозрила, что его мысли относительно неё носят слегка кровожадный характер. Пусть даже и в хорошем смысле. Она замолчала, ещё старательнее прикрываясь одеялом. Как успел заметить Ренельд, на ней сейчас была лишь лёгкая хлопковая сорочка. В таком виде можно появляться только перед доктором. Но, с другой стороны, дознаватель – почти доктор, верно?

– Что вы предприняли, когда поняли, что попали в ловушку? – Ренельд оперся плечом на витую колонну балдахина.

Месье Лимиер успел на ходу доложить ему о страшном

погроме в том самом погребке, а также рискнул предположить, что устроила его как раз хрупкая на вид вдовушка.

– Я... – Взгляд Мариэтты метнулся в сторону, но она быстро вернула себе чуть отрешённое выражение лица. – Я попыталась освободиться, конечно. Но, кажется, только потратила больше сил.

– И как вы сейчас себя чувствуете? – Пока Ренельд говорил, Лабьет подбирался к графине всё ближе, жадно втягивая воздух блестящим чёрным носом.

Он припадал на лапах, дёргал ушами – в общем, выражал глубочайшую заинтересованность тем, что чувствует.

– Вполне сносно, ваша светлость. – Мари окончательно совладала с собой и чуть приподняла подбородок. В тени ресниц её глаза снова стали медовыми. – Если это всё, я хотела бы отдохнуть.

– Нет, это не всё, уж простите. Будьте добры ответить на все вопросы, что я пожелаю вам задать. Дело очень серьёзное. И раз уж вы сносно себя чувствуете, прошу вас немного потерпеть моё присутствие. Я могу принести вам воды. Или позвать прислугу?

Но Мариэтта отчего-то лишь сильнее разозлилась.

– Вы спрашиваете так, словно я виновата! Да! Принесите мне воды, будьте так несказанно добры не уморить меня до смерти.

Пришлось выполнять, раз уж предложил. Вдовушкахватила стакан из руки так, что чуть не расплескала воду.

– Я только пытаюсь разобраться. То, что случилось с вами, за последнюю неделю произошло ещё с двумя магами. И, заметьте, о том, в чём вы и правда виноваты, я пока ещё не спрашивал! – Ренельд отошёл снова и оперся ладонью на резное изножье её роскошной постели.

Так лучше: хоть на небольшом расстоянии от неё. Но вот тёмная аура продолжала бороться с чем-то чужеродным, не желая принимать это и поддаваться. Такие ощущения вполне могут быть связаны с раздражающим действием замешанного на светлой магии зелья с эффектом подчинения. И усиливалось оно поблизости от той, что всё это и сотворила. Это же вполне логично объясняло долгий провал в памяти в день бала сразу после того, как снадобье попало в кровь Ренельда.

– Только не начинайте! Я не знаю, что вам там померещилось, – снова возмутилась графиня.

– Вы намеревались кого-то опоить. Зачарованный флакон, который вы попытались уничтожить, шепнул мне об этом на ушко.

И зельеце-то ядрёное! Прошло уже почти три дня, а оно и не думает ослабевать. Но какой же надо быть наивной, чтобы отважиться подлить его королевскому дознавателю! Потому-то Ренельд склонен был решить, что предназначалось волшебное снадобье не ему.

– Флакон разбит, а сказать вы мне можете что угодно. Кто подтвердит? – Мариэтта пожала плечами.

“Рен, она напрашивается, – предупредил Лабьет. –

Небольшой кусь. Можно?”

– Прекрати. Скажи лучше, что с её аурой.

“Её аура недавно была в очень активной фазе. Очень. Активной. Сейчас ослабевает. Я не чувствую никакого искажения или ущерба. Или Конфетка быстро отбилась, или её аура настолько сильная, что похищенное – просто капля в море. Я никогда такого не встречал, Рен”.

– Не держите меня за идиота, – сразу ответил Ренельд графинюшке, приняв сказанное шинкорном к сведению. К этому вопросу он вернётся чуть позже.

– Нет, что вы. – Мариэтта делано округлила глаза. Её голос дрогнул таким ехидством, что мгновенно захотелось шлёпнуть её по заду. Хорошенько впечататься ладонью в эту наглую, требующую порки округлость. – Просто многие мужчины склонны преувеличивать свою значимость, потому считают, что они нужны всем без исключения. И мир вообще вращается вокруг них. Вы мне вовек не сдались, чтобы ещё и опаивать вас! Чтобы потом постоянно видеть вашу самодовольную... Лицо.

“Ха-хах, Рен! А я говорил тебе, делай лицо попроще”, – радостно поддакнул Лабьет.

– На цепь посажу, – мысленно пригрозил Ренельд. А вслух продолжил спокойнее: – Если вам интересно, вчера я был у королевского архимага Илера Бэтона и сдал кровь на маг анализ. Он выявит постороннюю магию, которая наверняка ещё есть в ней.

Ни к какому архимагу он не ходил: с особенностями его ауры это верный способ раскрыться и породить дополнительные слухи.

– Мне неинтересно! – смело огрызнулась мадам Конфетка. Прозвище, данное ей Лабьетом, вклинилось в мысли невольно. – Надеюсь, когда архимаг будет работать с вашей кровью, он не отравится.

– А вы, гляжу, жаждете заплатить мне большую компенсацию? Рискнуть своей репутацией. Или, может, провести в тюрьме пару месяцев за неподобающее использование ауры? К тому же с мошенницей никто не станет вести дела. Может, вы и в вино своё что подмешиваете. Чтобы покупали лучше. Возможно, и его нужно сдать на маг анализ.

– Да вы!.. – так упоительно жарко вспыхнула Мариэтта. Именно это и было нужно! Её негодование.

Графиня даже приподнялась с подушек, позабыв об одеяле. Зато оно не забыло легко и плавно соскользнуть ей на колени. На стройную и в то же время выразительную в нужных местах фигурку мадам д'Амран мгновенно открылся самый красноречивый вид. Сорочка не мешала – скорее сохраняла будоражащую интригу.

– Успокойтесь. – Ренельд с трудом отвёл взгляд от её часто вздымающейся груди.

Пришлось спешно звать к собственному впавшему в кому благоразумию.

Да что же это такое! Надо было отправить на разговор с

ней Тибера. Он парень смышлённый, рвения хоть отбавляй: только в прошлом году выпустился из Санктура. Его светлая аура весьма сильна, потому он остался бы равнодушным к воздействию – может, и невольному – Мариэтты. Как раз и попрактиковался бы в допросах фигуристых вдовушек. Пошло бы на пользу.

“Держи себя в руках, Рен”, – посоветовал Лабьет.

Очень своевременно.

– Мы отклонились от более важной темы, – продолжил Ренельд, понемногу возвращая себе хладнокровие. – Мне нужен список всех ваших слуг, кто обладает магией. Даже бытового уровня.

– Заклинания такой сложности не доступны магам-бытовикам, – задумчиво возразила графиня, зябко обхватив себя за плечи.

– Неважно. Мало ли кто из них что скрывает, – снова не удалось удержаться от намёка. – Также мне нужны отчёты по всем визитам в ваше имение за... Когда вы в предыдущий раз спускались в тот погреб?

Мариэтта коротко задумалась.

– Пару недель назад. Всё было в порядке.

– Значит, все визиты в ваше имение за последние две недели.

– Список слуг вы сможете получить у мадам Хибоу, – деловито бросила вдовушка. – Как и отчёты обо всех, кто приезжал в имение в эти дни.

“А эта агрессивная дама не покрошит нас в салат? – с притворной озабоченностью поинтересовался Лабьет. – На вид вы шикарен, а вот на вкус не удался”.

– Вы же понимаете, что это должна быть достоверная информация? – добавил Ренельд, чуть понизив голос. – И если вы решите скрыть от следствия хоть что-то, то поставите под удар и других магов. На любого из них может быть совершенно нападение, подобное тому, что случилось в вашем доме. На вас.

– На что это вы мне намекаете? – мгновенно раскусила междустрочный смысл его слов вдовушка. – Что...

– Если вы не афишируете какие-то отношения, но они есть, лучше о таких визитах тоже рассказать. Для вашего же блага.

Мариэтта скрестила руки на груди и вопросительно изогнула бровь.

– Если вас интересует, свободен ли ещё четверг, спросили бы напрямую. Записаться на вакантное место вы тоже сможете у экономки. Я ей о-очень доверяю.

Она сжала подрагивающие губы, явно стараясь сдержать улыбку.

– Мадам д’Амран... – Ренельд возвёл очи горе, стараясь игнорировать утробный хохот шинакорна у себя в голове. – Давайте отнесёмся к этому серьёзно.

– Конечно, ваша светлость. – С лица вдовушки мгновенно сошло всё ехидство. – Если серьёзно, у меня все четверги

заняты. Но отнюдь не мужчинами.

Прямо страшное облегчение.

– Вы уверены, что больше ничего не запомнили? – Ренельд не стал дальше развивать эту тему. Похоже, Мариэтта и так поняла его превратно. – Может быть, вы видели какие-то символы, что составляли ту метку на двери?

– Символы... – повторила графиня и вдруг спешно села на постели. – Да, конечно, я видела символы! Даже записала несколько.

Она мгновенно впала в какое-то хлопотливое волнение. Все эти резкие перепады настроения и активности выглядели очень тревожно. Надо бы показать её тому самому королевскому архимагу. Он как раз должен был на днях вернуться из поездки к родителям на именины. Илер Бэтон хоть и не был первоклассным чтецом аур, зато своими методами мог разобраться в причинах их нарушения, если таковые случались.

Мариэтта суетливо заметалась взглядом по комнате, неведомо что выискивая.

– Ваша светлость, будьте добры, – она запнулась, сердито вздохнув. – Там за ширмой...

Шинакорн, даже не дослушав фразу мадам Конфетки, рысцой пробежал через комнату, завернул за ширму и вынес оттуда в зубах роскошный халат из расшитого цветочным узором синего бархата. Со всеми этими кружевами в несколько слоёв, оторочкой из серебристого шнура и даже,

кажется, с небольшим шлейфом. Обычно дамы надевали такие накидки поверх домашних платьев, но вдовушке, похоже, было не до подобных условностей.

– С каких пор ты стал комнатной собачкой? – Ренельд с укором глянул на пса.

“Я всего лишь ускоряю следствие, – невозмутимо отозвался шинкорн. – Потому что ещё немного – и мы застрянем в этой комнате на пару-другую ночей. И не для всех они будут приятными”.

– Спасибо, – рассеянно ответила Мари, забирая у него одежду.

Накинула халат на плечи и вдруг, чуть подумав, осторожно коснулась бугристой макушки Лабьета ладонью, но тут же отдернула её.

– Вы куда-то собрались? – наблюдая за тем, как Мариэта застёгивает бесчисленные пуговицы, поинтересовался Ренельд. – Кажется, вам лучше отдохнуть и восстанавливаться. Я могу записать с ваших слов.

– Нет... – Вдовушка затянула на выразительно узкой талии тяжёлый пояс и, схватив с трюмо пухлую щётку, принялась торопливо водить ею по волосам. – Я не позволю вашим жандармам разграбить мой погреб. Знаю-знаю. Только пусти их. Потом недосчитаешься с десятков бутылей. “Улики”, “необходимо для следствия”, “ой – разбилось”... И тому подобное.

Она слегка встряхнула мягкие локоны пальцами, явно не

догадываясь, что в тот миг, когда те рассыпались по её плечам, она стала какой-то особенно очаровательной. Но вдовушка безжалостно скрутила пышные пряди в жгут, завернула его в пучок и резким уверенным движением закрепила длинной острой шпилькой с навершием в виде серебристой розы.

“Вот так она однажды проткнёт и тебя, Рен, если ты не перестанешь её донимать. Просто имей в виду”, – заключил Лабьет.

Удивительно, но Ренельду представилось примерно то же. – Невысокого вы мнения о жандармах. – Он пропустил Мариэтту вперёд, когда та закончила со сборами.

Теперь она выглядела вполне подобающе для того, чтобы выйти под жадные взоры мужчин. А в том, что они будут жадными, даже сомневаться не приходилось.

– Конечно! Учитывая, кого сейчас туда набирают, – со знанием дела отозвалась вдовушка. – Они даже не соизволили ответить на письмо моего управляющего! Как раз сегодня я собиралась ехать в Жардин разбираться.

Ренельду даже нечего было возразить. Пожалуй, последние годы сильных магов-поисковиков в жандармерии появлялось не так много, как хотелось. Да и вообще выпускники Санктура и других Академий Гриффанружа не особо рвались на столь неблагодарную работу. Больше боевики, да и то с не слишком высоким потенциалом.

– И что же, вы считаете, что дело, о котором ваш управ-

ляющий написал в жандармерию, и правда серьезное?

– Более чем! – с пылом подтвердила Мариэтта. И, резко остановившись, повернулась к Ренельду – они едва не столкнулись. – Вы представляете! Кто-то отравил мои лозы. Это точно вредоносная магия! Кое-что я в этом смысле. Знаете, я подумала... Раз уж вы здесь. Может, вы могли бы взглянуть?

Однако у вдовушки немалые запросы!

“Опять у тебя такое лицо, Рен”, – хмуро буркнул Лабьет.

– Какое?

“Словно тебе подали на обед ножки гринуэлля. А у мадам Конфетки ножки гор-раздо симпатичнее. Ты бы подумал об этом”.

Прекрасно! Ему не хватало только мыслей о ножках мадам д’Амран!

– Его величество подкупил тебя стейком с кровью?

“Нет, что ты! Как ты мог подумать!.. Но стейк был что надо”.

Вот и понимай как хочешь.

– Думаю, с вашими лозами справится и чтец аур из жандармерии. – Ренельд с сомнением покачал головой, выдержав короткую паузу, во время которой вдовушка ожидающе смотрела на него снизу вверх. – Если там есть на что взглянуть. Старший следователь как раз тоже здесь, и вы можете попросить его лично уделить время вашей проблеме.

– Ах, да. Простите! – тут же едко отозвалась мадам д’А-

мран. И мёд её глаз мгновенно обратился острыми осколками янтаря. – Я забыла, что время месье дознавателя на вес золота. Я бы вам приплатила... Но боюсь, всего моего состояния не хватит, чтобы снискать хоть лишнюю каплю вашего внимания. Для этого по меньшей мере нужно почти умереть.

Она осеклась, скользнув взглядом вниз по лицу Ренельда, по шее – словно выжгла горячую дорожку на коже – и остановилась где-то на верхней пуговице жилета. А в следующий миг спохватилась и пошла дальше ещё быстрее.

Вот и как с ней разговаривать? Правильно однажды заметил Лабьет: от женщин, когда они считают, что им многое позволено, одни проблемы. Правда, Мариэтта кипятила Ренельду не только мозг, а это отдельный повод для беспокойства.

Как истинная хозяйка дома, графиня провела гостей за собой вниз, где было весьма шумно для такого часа. Тихо, словно перепуганные мыши, то и дело мимо пробежали слуги, кланяясь и бормоча приветствия. Где-то раздавался строгий голос экономки. Похоже, она отчитывала кого-то из жандармов за то, что тот ходит там, где не надо, да ещё и пачкает дорогой ковёр прилипшей к подошвам землёй из сада.

Тот даже что-то отвечал, но с каждым словом всё более неуверенно. Обошлось бы без порки: с мадам Хибоу станется.

– Ваше сиятельство! – тревожно воскликнула бойкая женщина, завидев Мариэтту издалека. – Зачем же вы встали?

Страсти Первородных! Да вам же ещё лежать надо!

Но та лишь махнула рукой, показывая, что всё в порядке, и прибавила шагу, чтобы экономка точно её не догнала. Благо идти осталось недолго.

У развороченных в щепки дверей погребца стоял сам месье Лимиер вместе с увлечённо слушающим его Тибером. Помощник только изредка кивал и вставлял короткие замечания. Завидев герцога и хозяйку с другого конца узкого коридора, мужчины сразу замолчали и выпрямили спины. Тибер с открытым любопытством оглядел Мариэтту и тут же коротким взмахом руки пригладил волосы. Следователь же засиял, словно кто-то сбрызнул и натёр ему лицо маслом.

– Ваше сиятельство, – бодро поприветствовал он вдовушку. – Как вы себя чувствуете?

– Просто отлично, – хмуро ответила та, проплывая мимо миниатюрным айсбергом. Остановилась и оглядела беспорядок кругом. – Мои вина... проклятье.

– Так было, когда мы пришли, – поспешил уверить её следователь.

Вдовушка тихо хмыкнула и пошла было дальше, но Ренельд остановил её.

– Вам на место происшествия проходить нельзя, мадам д'Амран.

– Почему? Это мой погреб!

– Не положено, – нарочито строго поддакнул Зелин. – Оставайтесь здесь. Если у месье де Ламьера появятся к вам

вопросы, он обязательно их задаст.

Мариэтта тихонько вздохнула, словно рассерженный ёж, но всё же не стала возражать. Здесь она не в своём будуаре, в конце-то концов.

Первым по невысокой лестнице спустился Лабьет и тут же принялся шариться кругом, обнюхивая всё, что попадалось ему на пути. Ренельд огляделся тоже: на полу осколки разбитой бутылки, бордовое пятно впитавшегося в доски вина. Канделябр под столом, вокруг него свечи. И повсюду обугленные щепки двери, от которой остались только петли и кольцо с куском дерева, что валялось ещё в коридоре. Похоже, разнесло её ударом просто невероятной силы. И вряд ли это было последствием самоуничтожения ловушки.

А вдовушка ещё хочет казаться магиссой средней руки. Да конечно! Она явно напрашивается на пристрастное считывание ауры. И если взяться за это со всей серьёзностью, то даже её согласие на то не понадобится. Однако полезнее будет для начала попытаться решить этот вопрос с ней наедине.

Ренельд заинтересованно склонился над неровно нацарапанными на полу знаками – похоже, мадам д'Амран и правда успела кое-что рассмотреть в формуле заклинания. Маловато, но хоть это. Тот же магистр Ливр, мужчина незаурядного ума, всегда хваткий и бодрый, вообще не смог пока ничем помочь. Словно кто-то стёр ему часть памяти. Хотя, казалось бы, сильнейший маг. К тому же при нём был защитный ар-

тефакт.

А на том месте, где ловушка ударила по Леоноре, и вовсе почти ничего нельзя было найти. Потому даже три знака из десяти – уже удача.

Ренельд махнул Тиберу, собираясь отдать приказ зафиксировать всё на бумаге, но буквально кожей ощутил проскользнувшую за спиной тень.

Мариэтта прошмыгнула мимо, видно рассчитывая, что её не заметят. Куда только смотрели остальные? Должны же были приглядывать за ней! Ренельд даже не стал показывать, что видел её торопливые перемещения. А вот Лабьет сразу наградил вдовушку угрожающим рыком.

“Она крадёт улики, Рен!”

Ну кто бы сомневался, что Мариэтта пожелает что-нибудь скрыть.

Ренельд не спеша подошёл к застывшим друг напротив друга Лабьету и Мари. Опустил взгляд: прижатая широкой лапой шинакорна, на полу лежала изящная бархатка, украшенная небольшим каплевидным камнем, который слегка отдавал в сирень.

– Что это?

– Это моё. Я потеряла вчера. Очень дорогая вещь! Вот, хотела поднять, а ваш... пёс едва не цапнул меня! – графиня щедро плеснула в тон праведного возмущения.

Почти идеально! Даже можно было бы поверить, если бы она ещё и пустила слезу. Мариэтта даже наклонилась за

украшением снова, решив, видно, что её маленького перформанса достаточно. Но Ренельд успел поднять бархатку быстрее.

– Тибер! – не сводя взгляда с гневно сжимающей кулачки вдовы, окликнул он помощника. – Подойди.

Помощник, слегка растерянно моргая, быстро скатился с лестницы и встал перед Ренельдом, словно солдатик. Тот обхватил его щёки пальцами и повертел голову из стороны в сторону, пристально всматриваясь в глубину глаз. Зрачки слегка расширены, выражение лица чуть отрешённое. Он даже не сопротивляется.

Ай да мадам Конфетка! Быстрое заклинание отвода глаз. Совершенно безвредное, но полезное в некоторых случаях. Сплетено хитро, растворяется быстро, не оставляет никаких следов. Их уже не чувствуется, но вот реакции организма Тибера ещё заметны. И на физиономии месье Лимиера сейчас цвело тоже слегка идиотское выражение. А когда всё пройдёт, он даже не осознает, что случилось.

“По-моему, её пора брать в плен, – отметил Лабьет. – Я одобрю любой способ наказания, который ты выберешь”.

Но лучше бы ему не знать, какой способ наказания пришёл в голову Ренельда первым.

– Нехорошо, мадам д’Амран, – он цокнул языком. – Неужели эта бархатка так вам дорога?

– Мне дорого многое, что связано с мужем, – ответила Мариэтта удивительно серьёзно. – А теперь вы схватили её

своей ручищей, и я вряд ли увижу её снова. Так ведь?

– Но вы же увидели снова свой корсет, – Ренельд криво усмехнулся, не без удовольствия отметив, как мгновенно вспыхнули щёки графини. А затем вновь повернулся к помощнику. – Тибер. Со всем вниманием зафиксируй знаки, что нацарапаны на полу. Месье Лимиер, вы сняли слепки аур?

– Да, ваша светлость! Я даже взглянул, с вашего позволения... Почти ничего нельзя разобрать. Всё заглушено одной-единственной аурой.

Нетрудно догадаться чьей. Аурой одной золотоглазой вдовушки. Но Ренельд был почти уверен, что если покопаться, то хоть что-то удастся отыскать. Другой вопрос, сколько времени придётся на это потратить.

– Прекрасно, – кивнул он. Хоть всё это выглядело весьма сомнительно. – Прекращайте гневить здешних хозяек и топтать ковры. Собирайте своих жандармов и возвращайтесь в Жардин. От вас к вечеру я жду отчёт по осмотру имения и возможным уликам. Ну и вас лично, разумеется.

– Конечно, ваша светлость!

Зелин уже было наклонил голову прощаться с графиней, но замер, когда Ренельд добавил:

– И ещё... Кажется, я уже просил вас обратить внимание на письмо управляющего Шато Д'Амран? И выяснить подробности этого дела.

– Да, ваша светлость, – уже не так уверенно согласился

месяе Лимиер.

Он стрельнул взглядом на Тибера, явно ища поддержки, но тот был увлечён исполнением важного поручения и его безмолвного призыва не заметил.

– Так почему же мадам д'Амран вынуждена принять решение лично обратиться в жандармерию, чтобы повторить всё то, что вам изложил месяе... – Ренельд вопросительно глянул на Мариэтту.

– Орм, – подсказала та, чуть просветлев лицом.

Но снова помрачнела, когда Ренельд нарочно для неё пропустил бархатку с камнем между пальцами, демонстративно покачал ею из стороны в сторону, а затем убрал руки за спину.

– Ваша светлость. – Зелин поправил воротник своего форменного сюртука. Его лоб мгновенно заблестел от испарины. – Вы же понимаете, сейчас такое творится... Но я сегодня же отправлю на виноградник мадам д'Амран самых лучших сыскарей. Они всё проверят!

– Будьте добры отправить их прямо сейчас. Всё равно половина из них слоняется без дела. И постарайтесь, чтобы мне не пришлось повторять вам в третий раз. Он будет последним. Дальше ваше непосредственное начальство узнает о том, что вы весьма халатно относитесь к своим обязанностям.

– Понял, ваша светлость, – кивнул Зелин. – Мадам.

Излишне бодрым шагом он спешно удалился. Похоже, что

с явным облегчением.

– Я всё зафиксировал, ваша светлость! – тут же подал голос Тибер.

Быстро справился. Хотя там и зарисовывать совсем немного. Возможно, удастся хотя бы по этим знакам вычислить какую-то закономерность. Хотя на первый взгляд она не прослеживалась.

– Отлично, я закончу сам. Потом обсудим. Можешь пойти выпить чаю. Если мадам Хибоу будет так добра им тебя угостить.

Секретарь задумчиво оглядел Ренельда и замершую перед ним в слегка напряжённой позе Мариэтту, но задерживаться не стал.

– Ваше сиятельство. – Он вежливо поклонился графине.

Та лишь рассеянно ему кивнула. Как только его шаги стихли, Ренельд вновь обратился к Мариэтте:

– Кажется, вас предупреждали, что сюда спускаться нельзя, пока я осматриваю место происшествия?

– Простите, я не сведуща в тонкостях подобных дел. – Вдовушка расправила плечи. – Подумала, что если я всего лишь подниму свою бархатку, то ничего страшного не случится. И всё ваше следствие не рассыплется. Я сняла её вчера, когда мне стало трудно дышать. Из-за этой ловушки, знаете ли...

– Вам не надоело прикидываться дурочкой? – Ренельд приподнял украшение и внимательно взгляделся в блеснув-

ший на свету камень. – Бархатка полежала бы на месте ещё немного. Думаю, вряд ли она пришлась бы к лицу кому-то из жандармов, которых вы пытались сегодня обвинить в тяге к воровству.

– Это подарок моего мужа! – с нажимом повторила графиня. – И я просто обрадовалась, что он не потерялся совсем.

“У нас не потеряется”, – хмыкнул Лабьет.

– Что это за камень? – Ренельд повертел его, взяв кончиками пальцев. – Похож на вайлет.

– Это он и есть, – недовольно буркнула вдовушка.

Даже удивительно, что не стала лгать.

– Вайлет хорошо впитывает магию и, если мне не изменяет память к лекциям месье Ливра, способен при определённом зачаровании сдерживать всплески аур. С самых древних времён его использовали для блокирующих артефактов. И пылью вайлета покрывали кандалы для особо опасных магов. Редкий камень.

– Благодарю за восполнение пробелов в моих знаниях по зачарованию и артефакторике. – Мариэтта опёрлась бедром о стол, словно вдруг устала. Может, это и было так. Всё же она только недавно пришла в себя. – Но это просто подарок моего мужа. Просто украшение с красивым и – да! – дорогим камнем. Эдгар порой любил подарить что-нибудь необычное.

– Я вынужден забрать этот “подарок”. На время, не беспокойтесь. Я всего лишь отдам его для вдумчивого изучения

уполномоченному на содействие следствию мастеру по зачарованию. А когда получу его заключение – обещаю! – сразу верну вам. Женские побрякушки мне без надобности.

Ренельд нарочито неспешно и аккуратно положил бархатку в нагрудный карман жилета.

“А я всё же оставил бы что-то на память от мадам Конфетки, – заговорщически проговорил Лабьет. – Приятный запах на всю комнату обеспечен”.

– Тоже мне, влюблённый в сладости!

“Рен...”

– Рядом с мадам д’Амран меня одолевает жуткое дежавю. Потому я не советовал бы тебе привыкать к её ауре.

“Только не начинай, Рен! – взмолился пёс. – Прошло столько лет!”

Ренельд и сам не знал, отчего Мариэтта вдруг навела его на мысль о схожести с другой женщиной. Которую он не видел с тех самых пор, как окончил Санктур. И с которой его связывали теперь только общие ошибки и недопонимание. И правда, не стоит вспоминать. Что за блажь?

– Почему меня не отпускает ощущение, что вы пытаетесь даже в таком деле свесить на меня некоторую вину? – Мадам д’Амран наконец оставила попытки забрать у Ренельда свою подвеску. И, кажется, то, что он отдаст ту для выяснения всех особенностей, вовсе её не обеспокоило.

Нарочитое безразличие? Или в том камне и правда нет ничего необычного, кроме солидной суммы, которую выло-

жил Эдгар при его покупке? Любопытно будет выяснить.

– Просто я давно уже не встречал магисс, способных даже в целях самозащиты разнести на кусочки дверь толщиной в два дюйма. Вы уничтожили любые следы ловушки. Хоть и записали несколько знаков, которые её якобы составляли. Я вынужден верить вашему слову, но это очень сложно. Маг, с которым случилось то же, что и с вами, только два дня назад, до сих пор не может прийти в себя. Он вынужден отказаться от проведения экзаменов в Санктуре, потому что едва способен соображать здраво. Та девушка, которую зацепило такой же ловушкой, почти лишилась магии. И будет восстанавливать её очень долго. – Ренельд чуть помолчал, подбирая слова, чтобы они не звучали слишком уж резко. – А вы после столь сильной атаки скачете по дому, словно детёныш тремьера. Ваша аура торчит из каждой щели в этом доме. Вам нужны ещё какие-то аргументы? Либо вы рассказываете мне всё, либо я не смогу вам помочь.

– Отойдите от меня, – отчего-то сдавленно попросила вдовушка. Её щёки заметно пылали, а обтянутая бархатом грудь часто-часто поднималась и опускалась.

“Ещё немного, Рен, и ты начнёшь её лапать, – добавил шинкорн. – Вот тогда-а она сможет хорошенько вмазать тебе за домогательства. И будет права”.

Проклятье Первородных, как это вообще случилось?! Мариэтта стояла, чуть неловко, но оттого не менее соблазнительно изогнувшись, упираясь ладонью в стол позади себя. А

Ренельд весьма и весьма тесно вжимал её бёдра в край толстой столешницы своими. Это чистое безумие!

Стараясь сохранить трещащую по швам невозмутимость, он сделал шаг назад. Отвернувшись, на мгновение прикрыл глаза, чтобы успокоить взбаламученную, словно тина на дне тёмного озера, ауру. Столько лет расследований самого разного рода. Это же обещает стать не только самым громким за последние годы, но и самым трудным для него лично. А всё из-за прыткости одной невыносимой вдовушки. Это же надо было так вляпаться!

– Может, вам нужно выспаться? – чуть придя в себя, поинтересовалась Мариэтта совершенно ледяным тоном. – Или, что ещё лучше, провести ночь с какой-нибудь приятной дамочкой.

“Что-то мне подсказывает, что она имеет в виду не себя”. Лабьет обречённо улёгся у её ног, словно и правда взял в плен.

– Попрошу вас не лезть в мою личную жизнь своими цепкими пальчиками. – Ренельд вновь повернулся к вдове.

– Но вы же лезете в мою своими здоровенными ручищами. – Она покрутила у него перед лицом своими изящными ладошками. – Боюсь, после этого я не смогу восстановить нанесённый ей вами ущерб.

– Я имею на это право. В целях следствия.

– Теперь следствием вы будете оправдывать любую попытку встряхнуть моё исподнее. Да, ваша светлость? Очень

удобно!

– Если понадобится. – Ренельд чуть подался к ней, стараясь вложить в голос побольше угрозы. – Кстати. В целях следствия. Завтра вам рекомендовано прибыть в королевскую резиденцию ко мне лично. Чтобы составить с ваших слов полную картину всего произошедшего. И запротоколировать. Сегодня, так уж и быть, я даю вам время восстановиться после случившегося. И обдумать всё то, что вы можете рассказать мне полезного. Тибер оставит вам официальное извещение.

Мариэтта возмущённо нахмурилась, но не успела подобрать достаточно колкие слова, прежде чем в погреб заглянула мадам Хибоу. Та озабоченно оглядела разруху кругом. А затем с плохо скрываемым негодованием уставилась на Ренельда, словно он всё это здесь и устроил.

– Ваше сиятельство... – начала она. – Все разъехались. Обед готов. На сколько персон прикажете накрывать на стол?

В её голосе прозвучала явственная надежда, что герцог вместе с помощником – а особенно с Лабьетом – тоже не станут задерживаться.

– Останетесь отобедать? – с елейным гостеприимством предложила Мариэтта. – Ваша светлость.

– Нет, благодарю.

Ренельд натянуто улыбнулся.

– Я настаиваю, – добавила вдовушка с придыханием, но в её тоне отчётливо угадывалось пожелание, чтобы он изволил

немедленно провалиться в Бездну.

“Я бы остался”, – беспечно бросил шинакорн, встряхиваясь.

– Да тебе лишь бы накормили, – огрызнулся Ренельд. А вслух повторил: – Благодарю за приглашение, но я всё же откажусь. У меня ещё уйма дел. А вы отдыхайте, миледи. Завтра жду вас в Марбре. Со списком слуг и визитов в имение. К тому же я оставляю с вами охрану.

– У меня в доме достаточно охраны, – подозрительно прищурившись, проговорила вдовушка.

– Беспольной охраны, – уточнил Ренельд. – Которая пропустила в дом того, кто устроил вам немалую гадость, верно?

Экономка, которая весьма внимательно следила за разговором, нарочито громко вздохнула, явно недовольная тем, что некоторое время им с хозяйкой придётся терпеть под боком у себя лишних людей.

– Будто от ваших соглядатаев будет прок. – Мариэтта безразлично пожала плечами. – Или вы пытаетесь так успокоить свою совесть?

– Моя совесть и так спокойна: для того, чтобы прекратить подобные нападения, я сделаю всё возможное. И вам советовал бы не пренебрегать помощью. – Ренельд опустил взгляд на Лабьета, который увлечённо чесал задней лапой за ухом. Прямо дворový пёс, а не шинакорн – гроза всех мелких тварей из Бездны, на которых он и охотился бы, останься жить в своей родной стихии. – Но я говорю не о жандармах. До ва-

шего завтрашнего визита в Марбр я оставлю с вами Лабьета. Лучшего стража сложно придумать.

“Э, Рен! Постой! – тот сел по стойке “смирно”. – Я согласен отведать здешней запечённой индейки. Но ночевать на коврике мадам Конфетки...”

– Не думаю, что вам стоит идти на такие жертвы, месье де Ламьер. Такой ценный помощник следствию. Вы ведь неразлучны! – Мариэтта, похоже, немало удивилась. Если не испугалась. – И ваш... друг наверняка будет без вас тосковать. Это жестоко!

Жалостливые нотки в конце речи плоховато ей удались. Видимо, от растерянности. А уж как расширились глаза её экономки – стало на миг страшно, что её прямо здесь хватит удар. Она беззвучно пошлѐпала побледневшими губами и даже чуть попятилась.

– Лабьет немало сегодня изучил остатки опасного заклинания. У него на это особый нюх. И если вдруг он почувствует похожую ауру, то обязательно даст знать. Это даже лучше жандармов. – Пришлось остаться глухим к возмущению шинакорна и явному обещанию страшного отмщения в глазах вдовушки.

“Если она повяжет мне на хвост ленточку, я тебе этого никогда не прощу!” – прорычал Лабьет.

– Ты же воспылил любовью к ауре мадам д’Амран. К тому же тебя здесь точно отменно накормят, чтобы ты никого не сожрал. Наслаждайся.

“Что же, прикажешь мне смотреть, как она переодевается или принимает ванну? Мне-то дела нет. Но я ведь потом расскажу тебе в красках, попомни моё слово!”

– Главное, понаблюдай за ней. И послушай. Вряд ли она при тебе станет что-то скрывать. – Ренельд с самым растроганным видом потрепал пса по макушке. А затем напоследок обратился к озадаченно разглядывающей его Мариэтте: – И да, мадам д’Амран... Не советую закрывать перед ним двери. Испортит.

Глава 8

Что это вообще было?! Что за совершенно нахальное посягательство на мою личную жизнь? Более того – на моё личное пространство!

Я зло запахнула гардину, проследив за тем, как экипаж месье дознавателя скрылся в глубинах подъездной аллеи. Отвернувшись от окна и вздрогнула: ужасающий пёс де Ламьера сидел прямо позади меня и неспешно мёл своим шипастым хвостом по полу.

– А ты чего смотришь? – Я слегка бочком проскочила мимо. – Хозяйские глаза и уши, да? Глаза у тебя точно как у него. И чем тебя кормить? Кабана с охоты сегодня никто не принёс. У, животное ты страшная.

Лабьет слегка наклонил голову набок, наострив острые уши. И на какой-то миг мне показалось, что он всё прекрасно понимает. Смысл каждого моего слова. Уж больно внимательный у него взгляд. Прямо по-человечески.

Мало мне было с утра его хозяина и его выходок. Прижал меня к столу своим... своей тушей. И смотрел так, как смотрят, наверное, на кусок мяса, решая, какую же его часть отделить первой. Подумаешь, зелье замешала! Оттого никто ни разу не умирал. По крайней мере, бабушка мне такого не рассказывала. Самое большее – у месье дознавателя могло случиться несварение.

Конечно, все его намёки и поведение ясно говорили о том, что моё волшебное снадобье попало не в те руки – вернее, не в тот желудок. Но это пусть он ещё попробует доказать! А через пару-тройку дней его и вовсе отпустит. Может, тогда попытки герцога расколоть меня, словно ореховую скорлупу, наконец станут не столь настойчивыми. В конце концов, сейчас у него есть дела и поважнее!

Одна приятная мелочь: если волей какого-то невероятно-го случая бабушкино зелье выпил не Ксавье – значит, его интерес ко мне самый что ни на есть натуральный.

Я зло подхватила со стола у окна “извещение”, что быстро и с явной сноровкой составил помощник герцога перед их отъездом. Как его там? Тибер. “Мадам д’Амран надлежит явиться...” – и далее несколько строчек сухих, пронизанных льдом распоряжений. Так и слышится, как своим густым, чуть раскатистым голосом всё это произносит сам герцог. Мурашки по спине.

Надо же! Напали на меня, а он пытается заставить чувствовать себя виноватой. Вот уж талант – не отнять.

А вообще, моё положение становилось всё более тяжёлым. Неприятности на винограднике. Теперь это странное нападение, словно тот, кто пытался вытянуть из меня светлую ауру, точно знал, где можно пожить. Оставалось только надеяться, что тот самый мастер зачарований окажется не настолько умелым, чтобы раскрыть формулу поглощающего заклинания на камне в бархатке. Иначе у месяе де

Ламьера доказательств необычности моей ауры станет более чем достаточно.

Но несмотря на это для собственной же безопасности придётся и правда помочь герцогу всем, чем смогу. И при этом попытаться ещё отвертеться от расспросов, что касались бы лично меня.

– Миледи, – окликнула меня Аби, проскользнув в комнату так осторожно и бесшумно, словно боялась меня разбудить. На самом же деле просто опасаясь моего клыкастого надзирателя. – Обед подан. Вы спуститесь или принести сюда?

Компания для дневной трапезы у меня сегодня случилась более чем экзотичная. Шинакорн, натрескавшись поданной ему на кухне крольчатины, лёг на ковёр рядом с моим креслом и, кажется, вполне себе мирно задремал.

И какой от него прок? Такой страж, что только спотыкаться об него: разлёгся на половину столовой! Словно услышав мои гневные мысли, Лабьет поднял голову и взглянул искося. Ещё и бровь приподнял – честное слово. Правду говорят, что питомцы похожи на своих хозяев. Этот – вылитый дознаватель.

– Ну что, наелся? – Я встряхнула только что принесённую мне служанкой утреннюю газету. – Надеюсь, все слуги к утру будут живы?

Пёс фыркнул и, помотав головой, снова опустил её на лапы. Что это значит? Нет? Всё, докатилась – разговариваю с собакой. Пусть и очень необычной. Странное чувство. Ре-

нельд, кажется, уехал, а словно бы и нет.

От похожих на лёгкое помешательство мыслей я попробовала отвлечься чтением новостей. Но ровные и сухие, словно вяленая рыба, колонки не сообщили мне ничего интересно-го. А может, я читала не настолько внимательно, чтобы уловить важное.

Всё потому, что меня не покидало ощущение нарастающего внутреннего жара.

В какой-то миг я даже отложила газету в сторону и прижала ладонь к груди.

Дышится тяжело, словно приходится втягивать в себя не воздух, а густой сироп. В висках то и дело постукивает кровь. А перед глазами пробегают бледные светляки. Так сильно меня потрепала ловушка, что до сих пор с аурой творится что-то неладное. Словно она никак не может найти баланс.

Впрочем, о каком балансе ауры в моём случае вообще можно говорить? Эдгар предупреждал меня, что любой резкий выплеск может привести к ещё большему притоку новой силы. Колдовать мне нужно очень осторожно, не использовать слишком мощных заклинаний. И по возможности не снимать амулет из вайлета: так справляться с всплесками проще.

Но вчера я нарушила все правила. И, похоже, когда перестала отвлекаться на герцога и его расспросы, вал светлой энергии всё же меня догнал. Теперь в мою кровь словно бы впрыснули жидкий огонь. Даже кожа казалась горячей.

Я вцепилась в край стола пальцами, ощутив, как меня как будто что-то плавит и размазывает по стулу. Лабьет вскочил на лапы и приблизился в несколько мягких, словно бы замедленных шагов.

“Мари...” – прозвучало очень далёким эхом.

Я вздрогнула и повернулась к нему. Но шинакорн просто смотрел на меня, прижимая уши. А затем вдруг зычно гавкнул. Честное слово, мне в грудь даже ударилась ощутимая воздушная волна! На столе звякнул фарфор. Я хотела было сказать псу, чтобы не шумел, но только открыла рот – и тут же закрыла, потому что в горле стало невероятно тесно. Кто бы подал воды – самой уже не дотянуться. Впервые со мной случился настолько сильный прилив. Раньше удавалось справляться почти безболезненно. А тут, похоже, слишком много обстоятельств сложилось против меня.

Шинакорн куда-то умчался. Его приглушённый лай бил по ушам, словно колотушки по плохо натянутому бубну. Затем он вернулся и, схватившись огромной челюстью за подлокотник моего стула, развернул меня к себе вместе с ним. У меня даже хватило сил поразиться такой мощи.

Огромные чёрные лапищи вдавились мне в колени. Какие тяжёлые! С ума сойти! Зелёные глаза Лабьета оказались невероятно близко от моих. Чёрный нос почти коснулся лица. Шинакорн как будто хотел от меня чего-то, только не мог сказать. И я, повинувшись необъяснимому призыву, обхватила его за широченную шею.

В тот же миг по мышцам потекла упоительная прохлада. Руки начали слабеть, но я ещё пыталась уцепиться пальцами за короткую шерсть Лабьета. Он дышал у меня над ухом жарко и чуть надрывно. Огромное сердце пса как будто стучало мне в щёку, которой я прижималась к его груди. Что-то давило мне на виски, я слышала голос, но не могла разобрать ни слова.

А когда опаляющая волна откатилась, оставляя за собой невероятную слабость, Лабьет, стряхнув меня со своей шеи, спрыгнул на пол. Неверными шагами он отделился, замер, низко опустив голову, а затем рухнул боком, словно его подкосило.

Гнев Первородных! Я что, убила пса месье дознавателя?! Но от сердца чуть отлегло, когда по столовой, словно далёкие раскаты грома, поплыл умиротворённый храп шинкорна. Его крутой бок мерно поднимался и опускался, ухо подрагивало. В общем, выглядел он как не дошедший до постели пьяница, которому вполне удобно и на ковре. Кажется, обошлось. Но на какой-то миг мне почудилось, что я просто выжгла Лабьету всё внутри.

– С вами всё в порядке, ваше сиятельство? – встревоженный голос мадам Хибоу вонзился в сгустившееся вокруг напряжение, словно копьё.

Я вздрогнула и неловким взмахом руки скинула со стола чашку. Та плеснула мне на колени остатками кофе и, жалобно хрустнув, разлетелась на осколки. Я выругалась сквозь

зубы, стараясь сделать это настолько тихо, чтобы не задеть тонких чувств экономки.

– Со мной всё хорошо, мадам Хибоу! – вышло чуть более раздражённо, чем нужно.

– А почему тогда этот пёс лаял, как бешеный? – Женщина с сомнением покосилась на спящего Лабьета.

– Кто же его знает. – Я пожала плечами.

Рассказывать об истинной причине взволнованности ши-накорна я не собиралась. Как бы ни доверяла мадам Хибоу, а об особенностях моей ауры даже она не знала. Но стоило признать, что теперь я обязана Лабьету если и не по гроб жизни, то очень и очень сильно. Придётся-таки доставать где-то кабанью тушу. Или что он там любит лопать больше всего?

– Вот же телёнок какой, – нахмурилась мадам Хибоу. – Попробуй с таким совладай, если дурить начнёт. Шума наделал...

Тут я была с ней полностью согласна. Как месье дознавателю вообще удалось сойтись характерами с таким существом, я и представить не могла. Наверное, у них очень много общего. Да хотя бы подавляющая аура, при соприкосновении с которой хочется ёжиться, как от мороза.

Скоро прибежала служанка и принялась убирать остатки дорогого фарфора, пока я салфеткой промакивала кофейное пятно на халате. Аппетит, каким бы скверным он у меня ни был, пропал совсем.

– Ничего, я закажу у мастера Мариэра новую чашку – и снова будет комплект, – мягко, словно маленькому ребёнку, втолковала мне мадам Хибоу.

Наверное, посчитала, что из-за неё я впала в столь подавленное состояние. На самом же деле я едва шевелилась. После такой-то встряски!

– В Бездну чашку. – Я бросила салфетку на стол. – Вы передали плотнику, чтобы он немедленно занялся новой дверью для погребца?

– Да, конечно, ваше сиятельство! Он уже приступил.

Хорошо бы поскорее всё восстановить. После обеда я собиралась запереть погреб необходимым заклинанием, которое сохранило бы там подходящую температуру до того, как закончится ремонт, но теперь не была уверена, что мне это под силу.

– Благодарю. – Я проследила за тем, как служанка парой простейших заклинаний убрала все до единого осколки чашки и удалилась. Всё это время мадам Хибоу стояла над душой, словно опасалась, что бешеный пёс вдруг вскочит и отхватит от меня здоровенный кусок.

– Миледи, – помолчав, вновь окликнула меня экономка. – Вы помните, что сегодня подъедет мистрисс Астер? Вы отправляли за ней вчера.

Точно! И правда, забыла. После того сумасшедшего утра, когда я проснулась в одной постели с месье дознавателем, меня одолевало такое смятение, что я всё же попросила ле-

карку приехать. Дабы, так сказать, убедиться окончательно, что между нами с де Ламьером ничего не случилось.

Казалось бы, я просто запаниковала и в визите Жеаны сейчас нет острой необходимости. Но случившийся вдруг всплеск магии вновь навёл меня на мысль, что проверка не будет лишней.

Кто его знает! Мы много говорили с Эдгаром о том, что ждёт меня дальше, если не удастся найти способ привести мою ауру к безопасному балансу. Обговаривали правила, которых мне нужно придерживаться, чтобы не навредить себе. И как бы неловко ни было рассуждать об этом, но пришлось уяснить для себя ещё один момент: как только я стану женщиной, нарастание уничтожающей мощи моей ауры может пойти гораздо быстрее. Граф не был в том уверен, но предполагал, что такое вполне возможно. И сколько тогда у меня останется времени до того мига, как меня выжжет дотла, никто не мог бы сказать точно.

Потому-то волей-неволей я вновь задумалась о том, что ещё могло послужить причиной нынешнего неожиданно сильного прилива. А что, если...

Я помотала головой, отгоняя нехорошие мысли.

– Да, я помню, мадам, – ответила экономке. – Распорядитесь приготовить полдник на дополнительную персону.

– Конечно, миледи. – Селина помолчала. – Вы точно хорошо себя чувствуете?

– Просто обычная проверка здоровья. – Я улыбнулась, да-

вая понять, что больше не хочу о том говорить. – Прошу вас сегодня подготовить список слуг-магов. И всех хозяйственных визитов в имение за последние две недели.

С личными я справлюсь и сама. Благо их было не так уж много. Дениза, Фабрис, чтоб ему спотыкаться на каждом шагу. Один раз заезжала сестра. Но после того, как она почти лишилась магии в результате несчастного случая в Санктуре, ей даже бытовые заклинания не всегда были под силу. Да и представить, что Оли хотела бы мне навредить, совершенно невозможно!

С немалым трудом мне всё же удалось выпроводить мадам Хибоу. Когда со стола убрали и вокруг стало тихо, я наконец смогла оторвать себя от стула и подошла к Лабьету. Присела рядом с ним и прислушалась к дыханию. Похоже, всё в порядке. Страшно подумать, что сделал бы со мной Ренельд, если бы я и правда навредила его любимцу.

“Мари...” – глухо рыкнуло в голове.

Лабьет громко чихнул. От неожиданности я качнулась назад и неловко шлёпнулась задом на пол. Это что ещё за галлюцинации? Второй раз, между прочим!

Шинакорн поднял голову. Но сколько я ни прислушивалась, ни пыталась сосредоточиться на его морде, больше ничего не услышала. Наверное, во всём виноват его проникновенный взгляд. И звуки, которые он порой издавал, словно ворчал, вздыхал или тихо порывивал.

– Ну, как ты? – Я не без опаски погладила Лабьета по

сильной спине, вдоль которой тянулся заметно выступающий гребень из особо жёсткой шерсти.

Пёс перевернулся с бока на живот и уставился на меня с явственным укором: ну да, хлопотная ему досталась подопечная! Не спорю. А затем Лабьет вдруг подался вперёд и подставил морду под мою ладонь.

– Спасибо. – Я не смогла сдержать улыбку, водя пальцами по неожиданно гладким и тёплым рожкам на его голове. – Я бы попросила тебя сохранить всё, что здесь случилось, в тайне. Но ты ведь всё равно не расскажешь своему хозяину...

Шинакорн посмотрел на меня исподлобья – и показалось, что выражение его морды стало хитроватым.

Тихий стук в дверь нарушил нашу идиллию и безмолвный – со стороны пса – диалог. Заглянула служанка и, с сомнением покосившись на Лабьета, доложила:

– Приехала мистрисс Астер.

Пёс заинтересованно приподнял уши.

– Ну нет, дорогой, – строго проговорила я. – Мою встречу с доктором тебе придётся пропустить.

Но, похоже, эта новость Лабьету не понравилась. Стоило только мне подняться, как он тоже вскочил на лапы. Покачнулся и, помотав головой, затрусил следом. Для своих размеров передвигался он удивительно бесшумно.

– Остайся здесь! – строго велела я, махнув рукой в сторону гостиной. – Ты и так едва ходишь.

И, кажется, этот довод всё-таки заставил шинакорна от-

ступиться. Напугав двух попавшихся навстречу служанок, он всё же повернул назад и скоро скрылся в конце недлинного коридора. Вот и хорошо! Возможно, с ним будет не так много забот, как я успела себе придумать.

Жеана уже ждала меня в комнате. Времени зря не теряла. Она вынимала из своего саквояжа всё необходимое для самого простейшего осмотра и расставляла на столике у окна. Даже напевала что-то себе под нос, словно повар во время подготовки пирога. За свой вид мне было даже слегка неловко перед всегда аккуратно и даже строго одетой лекаркой. Высокая, стройная, с гладко убранными в пучок волосами, она порой напоминала мне стеклянную колбу. Я же скорее была сейчас похожа на щётку для чистки обуви – наверняка бледная и измотанная, встрёпанная, а теперь ещё и с пятном от кофе на одежде.

– Добрый день, – не глядя поздоровалась Жеана, едва только услышала, что я вошла. – Ты меня прямо пугаешь. К чему такая срочность? Это хорошо, что я оказалась в городе!

– Я и сама толком не пойму.

Целительница защёлкнула свой саквояж, обернулась наконец – и тут же едва не отпрыгнула к противоположной стене.

– Надеюсь, ты не его собралась лечить? – Она указала взглядом мне за спину. – Я не ветеринар, если ты забыла.

Я даже не сразу сообразила, о чём речь, вернее, о ком. Но по страстному дыханию, что тут же раздалось позади, быстро

догадалась.

Вот же вездесущий Лабьет! Крался за мной так, что я даже не заметила. А ведь оборачивалась несколько раз. Однако хитроумная животина, видно, успевала спрятаться, а затем каким-то образом просочилась следом в комнату. И кто после такого скажет, что он просто среднестатистический пёс?

– Лабьет! Подожди за дверью! – Я попыталась вытолкать шинакорна, деликатно пошлѐпав его по боку.

А вдруг всё же решит цапнуть? Но скорее мне удалось бы сдвинуть с места скалу.

О чём-то таком предупреждал меня месье дознаватель? Не закрывать перед Лабьетом двери. Но тут дело весьма деликатное, и пусть он не человек, однако от мысли, что останется где-то поблизости, становилось неловко.

– Ты завела... гхм... собаку? – озадаченно спросила Жеана, наблюдая, как я борюсь с огромной чёрной тушей, которая словно выросла в пол всеми четырьмя лапами.

– Это не моя собака.

– А чья? – ещё больше заинтересовалась лекарка.

– Знаешь такого... Ренельда де Ламьера?

Глупый, конечно, вопрос. Кто ж его не знает! Я оставила попытки выдворить шинакорна и выпрямилась, опустив руки. Что же с ним делать?

– Это пёс королевского дознавателя? – Жеана, кажется, мгновенно позабыла, зачем я, собственно, её вызывала. – Я кое-что о нём слышала, но никогда не встречала. Какой кра-

савец!

Она торопливо приблизилась и склонилась к задравшему на меня голову Лабьету. Ещё гладить примется – я не удивлюсь. Тот на её комплимент лишь лениво качнул хвостом из стороны в сторону. Мол, он и так знает.

Но, закончив с любезностями, шинакорн вдруг двинулся к Жеане, вдумчиво принюхиваясь. Та опасливо замерла, позволяя изучить себя со всех сторон. Но Лабьет, не обнаружив, видно, ничего занимательного, быстро оставил её в покое и снова уселся передо мной, словно каменный страж.

Похоже, придётся скрываться от него за ширмой. Надеюсь, он достаточно смышлёный, чтобы не совать нос, куда не нужно. Хотя вряд ли такое понятие, как стыд, ему вообще известно.

Я попятилась, не сводя взгляда с шинакорна, который, удовлетворившись своим нынешним положением, не поспешил меня преследовать.

– И что же ты о нём слышала? – поинтересовалась у Жеаны.

Может, некоторые её знания о нём окажутся полезными и для меня. Мне ещё существовать с ним бок о бок до завтрашнего утра. А это, знаете ли, немало! Если учесть мой практически нулевой опыт общения с домашними животными вроде собак.

Наконец мы с лекаркой всё же спрятались за ширмой в дальнем углу моей спальни. Так стало немного спокойнее.

– Многие говорили, когда я ещё училась в Санктуре, – чуть подумав, ответила Жеана, замешивая в небольшой пилке особое снадобье, чтобы подготовить меня к магическому осмотру. – Слышала, месье де Ламьер призвал шинакорна из Бездны на одном из практических занятий по призыву. После этого ему нужно было его уничтожить, но он отказался. Кто его знает почему. Обычно существ из Бездны не жалеют ни для исследований, ни для тренировок боевиков. В общем, скандал был немалый. И если бы месье де Ламьер не был сыном герцога Энессийского, вполне возможно, его отчислили бы. Но каким-то образом им удалось это замять. Только ему ещё пришлось долго доказывать, что шинакорн не опасен для остальных. Были попытки отобрать у него пса, но со временем они прекратились.

– С чего бы месье де Ламьеру заступаться за существо из Бездны?

– Многих до сих пор мучает этот вопрос. – Жеана развела руками. – Но сейчас все привыкли. И многие даже не знают – кто не видел своими глазами, – что у королевского дознавателя не просто пёс, а шинакорн.

Как я, например.

Целительница подала мне хорошо знакомое на вкус питьё. Я, стараясь не думать о запахе, что сразу ударил в ноздри, выпила всё разом.

– Так что тебя беспокоит? – Жеана приготовилась слушать, ожидая, когда зелье подействует и можно будет при-

ступить к исследованию моих возможных недугов.

Пришлось рассказать ей о том, что приключилось со мной на балу у герцогини. Правда, имена я решила не называть – всё же это к делу не относится. Но даже услышанного хватило, чтобы привести лекарку в слегка взбудораженное состояние.

– И ты переживаешь, что между вами что-то могло быть? – Она “понимающе” улыбнулась. – Ты уверена, что это и правда так уж страшно? Может быть, даже пошло бы на пользу.

Вот совсем не это хотелось от неё услышать! Да и она, кажется, пропустила некоторые обстоятельства случившегося мимо ушей.

– Твои представления о пользе “для женского организма” мне понятны, – проворчала я, расстёгивая пуговицы халата. – Но меня больше беспокоит то, что я ничего не помню. А значит, всё это было кем-то подстроено.

Зачем – это, как говорится, совсем другой вопрос.

– Думаю, так и было, – серьёзно кивнула целительница. – Но что я скажу тебе. Сложно всё проверить так, чтобы ты всё забыла и в то же время была способна на... близость с мужчиной. Тут либо какая-то неизвестная мне формула заклинания, либо побочный эффект, на который не рассчитывал тот, кто это устроил. Но есть ещё один вариант.

– Не томи, – вздохнула я, отбрасывая испачканный халат на кушетку. Надо бы срочно отдать его в чистку. К счастью, с

помощью несложных заклинаний сделать это довольно просто.

Жеана подошла ко мне и, осторожно обхватив щёки ладонями, вдумчиво посмотрела в глаза.

– Дело в том, что при обычном составе наших аур это практически невозможно. – Она коротко задумалась. – При резком вливании большого количества тёмной энергии в чистую светлую может случиться немалая встряска и временное нарушение ауры. Тогда возможны провалы в памяти. Но мы все носим в себе часть тёмной энергии – кто-то больше, кто-то меньше, – потому подобное почти нереально устроить.

Это то, над чем я успела поразмыслить и сама. Но не была уверена, потому как не изучала ауры и свойства различных заклинаний так детально, как это делают adeпты академий. Теперь же я лишь убедилась в правильности своих предположений. Довольно сильного тёмного заклинания могло оказаться достаточно, чтобы моя аура отреагировала на такое вторжение подобным вывертом.

– Как бы то ни было, а всё случилось явно против моей воли. Теперь бы узнать, что именно.

Жеана совсем помрачнела, осознав, что я имею в виду.

– Ну что ж... Сейчас взглянем. – Она потёрла ладонями друг о друга, словно бы разогревая, хотя касаться меня больше не собиралась, и медленно подняла их на уровень плеч.

Даже хлопковое домашнее платье не было значительной

преградой для её воздействия. Тёплая волна лекарской силы ударилась в моё тело, просочилась сквозь кожу и заполнила всё внутри. Несколько томительных мгновений, когда я просто слушала стук собственного сердца, и целительница продолжила:

– Вижу пару ушибов. Ты что, недавно падала? – Она непонимающе наморщила лоб. Ах да, о моём ночном приключении с ловушкой ей ещё не известно. Надо бы пояснить, а то ещё подумает, что я начала страдать припадками или куриной слепотой. – Небольшое искажение контура ауры. Как после сильной встряски... Заметный упадок сил, но это исправит хороший сон за пару-тройку ночей. Можно с мужчиной. – Жеана провокационно прищурилась, зная, как я не люблю эту тему.

Наверное, она не совсем понимала, отчего после смерти мужа я до сих пор не нашла себе умелого любовника. Нежелание Эдгара делить со мной постель она всегда списывала на его личные причуды. А может быть, он в том её убедил. Сама же лекарка уже давно была замужем и даже воспитывала – когда у неё было свободное время – пятилетнего сына. По полунамёкам-рассказам я осторожно догадывалась, что любовник у Жеаны тоже имеется. Потому тревоги почти переспелой девицы, которая всех пытается убедить, что такой не является, она вряд ли воспринимала всерьёз.

– Обойдусь без мужчин. – Я вздохнула. – Они только мешают.

– По-моему, рядом с одним из них ты недавно неплохо выспалась, – парировала Жеана, но снова посерьёзнала. – Так... Пстой-пстой... – Она приблизила ладонь к моей груди. – Что-то... Я не сильна в заклитиях, но, кажется, нашла. Обрывки заклинания, которым на тебя хотели воздействовать. Ещё свежее. И довольно гадкое.

– Жить буду? – обречённо осведомилась я.

Чем дальше, тем всё больше сомнений на этот счёт у меня появлялось.

– Будешь, – бодро подтвердила Жеана. – И может, даже очень хорошо. Если избавишься от него. Потому что это... Да, точно! Привязка. А значит, можешь не волноваться: с тем загадочным мужчиной у вас ничего не было. В другом случае ты уже никуда от него не делась бы. Очень грязный приём! За такое можно загреметь в тюрьму, а то и лишиться разрешения заниматься магией, – в её голосе прорезался совершенно искренний гнев. – Но заклинание не замкнуто. Для того чтобы его завершить, как раз нужна близость.

Только этого мне ещё не хватало... Привязка! Да кто сподобился вообще? Это гораздо хуже, чем моё почти безобидное зельице. Вот правильно говорят: не рой другому яму.

– Ты можешь его снять? – Я едва удержалась от того, чтобы разорвать соприкосновение с аурой лекарки, до того стало не по себе.

Это сродни визиту к ворожее – неприятно узнавать о себе

нечто подобное. Жил себе, жил, и тут словно удар под дых. Хотя, если взглянуть рационально, это весьма полезно.

– Нет. – Жеана с сожалением вздохнула. – Моя специализация не в этом. Конечно, я изучала что-то в Академии, но без практики навык притупляется. И вообще... Я подозреваю, что его может снять только создатель. Но можно попробовать обратиться к очень сильному магу. Который знает о заклятиях больше моего и способен вычислить формулу.

И я хотела уже было расспросить Жеану, не знает ли она подобных специалистов по заклятиям, как моё внимание привлёк почти неразличимый шорох за ширмой. А в следующий миг из-за её края высунулась нагло-любопытная морда Лабьета. Ах ты ж шпион мохнатый!

Я схватила с кушетки пояс от халата и замахнулась. Шинакорн тут же испарился – и по радостному топоту стало понятно, что решил спастись бегством.

– А ну, стой! – Я бросилась за ним. – Бесстыжая ты морда.

– Ри, это всего лишь пёс, – окликнула меня лекарка.

Да конечно! Я громко фыркнула, загоня Лабьета в угол, чтобы хорошенько отходить по спине тяжёлым поясом с кистями на концах. Пусть он и не человек, а при одном только взгляде на него можно было догадаться, что понимает он гораздо больше обычной псины. Может, ещё и писать умеет? Или у них с де Ламьером особая система общения?

Я замерла с поднятой рукой, оглушённая внезапным озарением. Вот же дознаватель подлый. Герцог с большой доро-

ги! Не зря он оставил рядом со мной своего хвостатого сообщника. Собственное произнесённое незнакомым голосом имя, что пару раз дотягивалось до моего разума, вовсе не галлюцинации или обман слуха. И то внимание, с которым Ренельд порой смотрел на Лабьета, словно прислушивался... Всё сходится!

Неизвестно, насколько полное общение сложилось между герцогом и его псом, но что оно на некотором ментальном уровне явно есть – это несомненно. Теперь не выдать бы эту мысль шинакорну. Пусть считает, что я по-прежнему ни о чём не догадываюсь. Просто сотрясаю воздух.

– Да оставь ты его! – очень своевременно возмутилась Желана. – Он, наверное, даже не понимает, чего ты так разозлилась.

Не понимает, как же!

Я всё же опустила руку с зажатым в ней поясом, и Лабьет, решив, что его помиловали, тут же расслабился. Шлёпнулся задом на пол и завилял хвостом. Это выглядело бы совсем умильно, если бы каждый раз, как он ударял им по ножке стула, тот не сдвигался бы с места. Пожалуй, этим хвостом он при желании мог бы легко меня прикончить. Вопрос о том, ядовитые ли на нём шипы, по-прежнему оставался для меня животрепещущим.

– Иди, – сурово велела я, указав Лабьету на дверь.

Но тот, похоже, решил изображать дурачка до последнего. А над больными людьми, то есть шинакорнами, как извест-

но, даже смеяться грешно. Потому он и не шелохнулся. И что с таким делать? Как теперь вообще находиться с ним рядом? Придётся следить за каждым словом. На всякий случай.

– Нет, тебе точно нужно отдохнуть. – Целительница подошла и осторожно дотронулась до моего плеча. – Ты какая-то перенапряжённая. Потому и срываешься на бедном животном.

Бедный, ну да! Вон от съеденного сегодня кролика и самодовольства у него сейчас морда треснет!

– Да, ты права. – Я развернулась и пошла обратно. – Просто неприятности валяются на меня одна за другой. То этот бал. То виноградник... То ночью на меня напали... Хотели вытянуть светлую ауру – или что-то вроде того. Возможно, я не понимаю всех тонкостей.

– С ума сойти! – Глаза Жеаны округлились. – Почему ты? Как? А я ещё хотела спросить, почему пёс Ренельда де Ламьера вдруг оказался у тебя. Вот почему.

– Да-да, – разом подтвердила я все её возможные предположения. – Но, думаю, сейчас уже можно не беспокоиться.

– Это очень мило со стороны его светлости – отдать тебе в охрану не кого-нибудь, а собственного драгоценного шинкорна, – с ироничной подозрительностью заметила целительница. – Так что за тебя и правда можно не волноваться. Но знаешь, я всё-таки оставляю тебе адрес хорошего ауроправа. – Она вынула из саквояжа блокнот и быстро написала в нём пару строк – совершенно неразборчивым почерком. Чтобы

понять записи одного врача, всегда нужен другой врач. – Но в общем с тобой всё хорошо. Так сказать, в целости и...

– Я поняла. Спасибо, – прервала я её нарочито бодрые заключения о моём здоровье и “целости”. – Выпьешь чаю?

– Нет-нет! Мне уже пора. У меня сегодня весь день забит. Но я не могла не выделить время для тебя.

– Пусть твой секретарь вышлет счёт.

– Перестань! – Целительница закатила глаза. – У тебя особый случай. Держи меня в курсе. А насчёт того загадочного мужчины, с которым ты проснулась после бала... – Она коротко прикусила губу и дёрнула бровями. – Он хоть красавчик?

Настал мой черёд изображать гримасу мучения.

– Так себе, – нарочито громко произнесла я. – Очень неприятный тип.

Жеана скептически хмыкнула.

– Главное, избавься от спящего заклятия. Иначе оно может сыграть с тобой злую шутку, – строго напомнила она.

И, проворно собравшись, скоро уехала, вновь оставив меня наедине с соглядатаем месье дознавателя. Того самого, который “так себе”.

Я до самого вечера ждала, что с виноградника придут какие-то вести о том, как прошла проверка его жандармами. Но либо те не пожелали меня тревожить, либо решили сначала доложить старшему следователю, а затем уже что-то предпринимать. На сорванном листочке винограда я не

заметила ровным счётом никаких изменений. Главное – не стало хуже. И раз уж завтра мне всё равно предстоит ехать в Жардин, то не лишним будет наведаться и в Санктур. Может, кто-то из преподавателей магической ботаники сможет чем-то мне помочь. А я, так уж и быть, рассмотрю кандидатуры адептов их кафедры на стипендию чуть внимательнее остальных.

Может, к счастью, Первородные решили дать мне небольшую передышку перед встречей с дознавателем. Мне даже хватило сил под вечер вернуться в погреб и всё же наложить сберегающее заклинание, после чего я почти окончательно успокоилась.

Лабьет постоянно вертелся где-то поблизости, отвоевав эту прерогативу у мадам Хибоу. Он без конца что-то вынюхивал, исследовал каждый уголок дома, неведомо что пытаюсь отыскать. Уж в этом деле я безотчётно ему доверяла. Но теперь предпочитала помалкивать. Может, мои предположения о его связи с месье дознавателем всего лишь ошибочное преувеличение, но с ним я скоро начну вздрагивать от собственной тени, честное слово.

Тот миг, когда я наконец добралась до постели, показался мне самым прекрасным за все последние дни. Ауру до сих пор ощутимо лихорадило. Меня то и дело бросало в жар, и тогда Лабьет смотрел на меня особенно внимательно, оставлял все свои очень важные дела и ходил за мной по пятам. Вот и сейчас – бесшумно, словно огромная чёрная тень, он

проскользнул по спальне и встал у края постели, словно хотел пожелать доброй ночи. Однако я вполне явственно ощутила, как его аура вновь коснулась меня.

После чего шинакорн совершенно невозмутимо втащил свою громадную тушу на кровать и рухнул рядом со мной. Я даже подпрыгнула на спружинившей перине.

– Эй! – возмутилась, толкая пса кулаком в бок. – Я не разрешала...

Но Лабьет посмотрел на меня с таким снисхождением, что я мигом позабыла все слова, что ещё вертелись на языке. Убедившись, что мой запал закончился, Лабьет уместил голову на сложенных лапах и, кажется, мгновенно уснул.

Похоже, тяга оказываться со мной в одной постели что у хозяина, что у пса одинаковы. Но Лабьет хотя бы защитит в случае чего. В то время как от де Ламьера самой хотелось защищаться.

Например, завтра при встрече, к которой я, кажется, и подготовилась, а по ощущениям – была совершенно не готова.

Глава 9

– Ваша светлость, к вам мадам д’Амран, – ровный голос Тибера прорвался сквозь глухоту размышлений над слепками аур.

Одной – из подворотни, где напали на магистра Ливра. Другой – из винного погреба вдовушки. Полночи Ренельд разбирал их по кусочкам, отбрасывал лишнее, пытался найти схожие элементы, но дело шло туго. Мариэтта удружила – своим невообразимо ярким светом она почти начисто уничтожила следы других аур. И сейчас найти что-то среди переплетения её потоков было всё равно что шарить руками в мутной болотной воде.

Ренельд вздохнул, свернул сферы фиксирующих артефактов и глянул на каминные часы. А мадам д’Амран удивительно пунктуальна. И явно не любит откладывать дела в долгий ящик.

– Пригласи. – Ренельд размял шею пальцами, глядя в ярко сияющее дневным светом окно.

Так скоро можно позабыть, сколько дней подряд просидел за этим столом.

Через миг после того, как Тибер скрылся за дверью, за ней же послышался какой-то грохот, возмущённый женский голос, а затем в кабинет ввалился шиначорн, явно силясь обогнать задержавшуюся где-то Мариэтту. Такое игривое на-

строение Лабьета неспроста. Либо они очень плохо поладили с мадам Конфеткой, либо очень хорошо.

“Это ты, – довольно рыкнул пёс, остановившись напротив Ренельда. – А я подумал было, пыльная статуя”.

– Очень смешно. Ты хоть знаешь, сколько я тут просидел? Был бы ещё осязаемый толк.

“А я пр-рекрасно выпался. Чего и тебе советую”.

– Советчик, тоже мне. Лучше бы сказал что полезное.

“Потом! Всё потом. – Казалось, что шинкорн сейчас начнёт петь. Разумеется, нещадно фальшивя. – Сначала разберись с мадам Конфеткой. Но только приготовься. Она сегодня ослепительно хороша”.

Заинтригованный, Ренельд не удержался от того, чтобы повернуться к двери ровно в тот миг, когда в кабинет вошла Мариэтта. И что самое досадное, Лабьет несколько не преувеличил. Она и правда выглядела прекрасно.

Графиня небрежным жестом развязала ленты соломенного капора и с облегчением сдёрнула его с головы.

– Доброе утро, ваша светлость, – кивнула весьма вежливо. – Простите... Очень жарко.

Ренельд был, в общем-то, не против. Так её лицо не скрывала тень от шляпки. А значит, на нём можно будет разглядеть гораздо больше мимолётных эмоций, которые мало кто умеет безупречно контролировать. Похоже, ночь у вдовушки прошла весьма спокойно: со вчерашнего дня она заметно посвежела, в её ауре как будто кто-то навёл порядок. Ни од-

ного лишнего всплеска – так недолго решить, что перед тобой и правда затрапезная магисса, способности которой вряд ли могут представлять для кого-то интерес.

– Как вы себя чувствуете? – Ренельд снова уставил взгляд в отчёт старшего следователя, который лежал перед ним всё это время.

Совершенно бестолковая бумажка. От той, в которую заворачивают рыбу на рынке, и то больше пользы.

– Сегодня уже лучше, благодарю. – Усаживаясь в кресло напротив, Мариэтта огляделась в кабинете с лёгким любопытством. – Так это обиталище королевского дознавателя...

По её губам скользнула задумчивая улыбка.

– Вы представляли его как-то иначе?

– Знаете, нет. – Графиня неспешно стянула шёлковую перчатку с одной руки, а затем с другой. – Это логово вполне вам подходит. Здесь всё устроено так, чтобы все, кто приходит к вам, чувствовали себя наиболее неловко. словно в тюремной камере.

– Думаю, вряд ли вы когда-то бывали в тюремных камерах, мадам д'Амран, – заметил Ренельд. – Но в целом вы, наверное, правы. И надеюсь, чувствуете себя достаточно неудобно, чтобы поскорее закончить с нашими делами и вернуться в своё имение?

– Максимально, – холодно подтвердила Мариэта, доставая из солидной кожаной папки исписанные ровным почерком листки.

– Вот и хорошо. На пустые разговоры у меня, к сожалению, нет времени.

“Рен!” – пользуясь небольшой заминкой, привлёк к себе внимание Лабьет. Он уже устроился в своём любимом углу, из которого открывался самый полный вид на весь кабинет.

– Что? – огрызнулся тот, наблюдая за резковатыми движениями вдовушки.

“Она сегодня во сне называла твоё имя, – заговорщически шепнул пёс, словно кто-то мог их услышать. – И дышала так... жарко. Ну, ты понимаешь”.

Ренельд кашлянул.

– Что ты вообще?.. Ты серьёзно?

Отчего-то внимание тут же переместилось с рук Мариэтты на её сосредоточенное лицо, шею, обхваченную кружевным воротом-стойкой, а затем на часто вздымающуюся грудь.

“Нет, – безжалостно бросил Лабьет. – Но мне нравится твоя реакция на мысль о том, что ты мог ей сниться. Да ещё и во сне пикантного содержания. Любопытство лучше раздражения”.

Опять корчит из себя духовного наставника! Будто существу из Бездны может быть видно тёмные уголки души хозяйина лучше, чем ему самому.

– К чему ты тогда вообще мне сейчас это сказал, если это неправда? – Ренельд взял в руки список слуг имения Эйл с подробным указанием, кто из них какими магическими уме-

ниями обладает.

А список-то не такой короткий, как представлялось! Похоже, граф любил привечать в доме магов. Их оказалось удивительно много. Но в обычное время для мага такого уровня, каким был Эдгар, они не представляют никакой опасности.

И, судя по спокойствию графини, она считала так же.

“Я это сказал, чтобы ты наиболее быстро перестал видеть в мадам Конфетке врага, – удивительно хладнокровно проговорил Лабьет. – Потому что всё, что с вами случилось на балу твоей матушки, было довольно цинично кем-то подстроено. И если бы вы с ней не лаялись утром, а занялись тем, чем положено, ты и правда мог бы сниться ей этой ночью. А так графинюшке, кажется, нет до тебя дела. Ни во сне, ни наяву”.

– Насчёт “подстроено” – поясни. В остальном – плевать, как мадам д’Амран ко мне относится. Потому что это не относится к делу. – Ренельд продолжил нарочито неспешно изучать имена в списке, словно каждого мага знал лично.

“На ней заклятие привязки. Но не активированное. И ей об этом известно. Потому не удивляйся, если она будет шараться от тебя как от огня”.

– Но я-то тут ни при чём.

“Но она-то этого не знает”.

Справедливо. Конечно, Ренельд предполагал, что они с Мариэттой жертвы чьего-то смутного плана. С другой стороны, для графини это не очевидно. Наверное, поэтому она

пытается хранить невозмутимость, но иголки её пытливого взгляда то и дело впиваются Ренельду куда-то в переносицу.

– Это все слуги? – прервал он затянувшееся молчание. – Никого за эти две недели не увольняли?

– Слуги подобраны так, чтобы не приходилось никого увольнять. В обозримые сроки, – в тоне графини прорезались деловые нотки.

Что ж, похоже, придётся пройти по этому списку более детально. И вызвать мадам Хибоу для разговора. О каждом из слуг нужно выяснить подробности, кто откуда появился. У кого какие связи, родственники, интересы.

– Ни с кем из слуг у вас не случилось конфликтов? Никто из них не вёл себя подозрительно или нетипично? – проговорил Ренельд, откладывая список в сторону.

“Ой, да они все там такие пугливые. Чихнуть нельзя, как подпрыгивают, – вставил Лабьет. – Хоть каждого подозревай”.

– Я такого не замечала. – Мариэтта задумалась. – Совершенно точно.

– Хорошо... – Ренельд взял другой листок – с хронологическим перечнем визитов посторонних или не совсем посторонних людей в имение.

С детьми Эдгара, которые после смерти матери постепенно испортили с ним отношения, было всё понятно. Благо Ренельд и сам был неплохо с ними знаком.

Дениза – амбициозная и сухая, словно куриная лапка в

зелье ведьмы, женщина. Да, женщина, хоть ни разу и не бывала замужем. А в её возрасте даже старую деву девой уже никто не назовёт.

Для неё на первом месте всегда была магия. Когда Ренльд поступал в Санктур, о ней как раз гремела вся Академия. Лучшая выпускница за многие десятки лет! Дочь, поддерживавшая славу одного из самых старых магических родов Гриффанружа! Но её головокружительно быстро взлетевшая карьера так же быстро застряла в кресле декана. Думается, оттуда же и произросла её злость на всех мужчин, которые, как ей наверняка казалось, несправедливо зажимают женщину.

Гораздо прозаичнее своей довольно известной сестры Фабрис д'Амран. Инфантильный маменькин сынок, который до самого совершеннолетия крепко держался за её юбку. Женился по её указке, к делам отца приближался с неохотой. Куда как бодрее он просаживал вместе с жёнушкой едва ли не все деньги, что они получали с выделенной им Эдгаром сеньории. Магии Фабрис был лишён начисто, за что, кажется, всю жизнь злился на отца. Как будто тот при зачатии чем-то его обделил.

Хотя что бы с той магией он делал? Прикуривал бы трубку от пальца?

В общем, отпрыски графа среди первых подозреваемых в желании досадить мачехе, которая получила в наследство самую лучшую и обширную часть состояния графа. Однако

всё, скорей всего, не настолько поверхностно.

Далее в списке значилось несколько деловых визитов по поставкам вина и закупке продовольствия. Арендаторы...

– Ксавье де Ламьер? – Ренельд поднял на Мариэтту вопрошительный взгляд, а та слегка победно улыбнулась.

Словно такого эффекта и ожидала.

“Ого-го-о! – протянул Лабьет, приподняв голову. – Знаешь, иногда я думаю, что тебе стоит поучиться у братца тому, как располагать к себе женщин. А не заставлять их тебя ненавидеть сразу после того, как окажешься с ними в постели”.

– Да. – Мариэтта легонько ударила о ладонь снятыми перчатками. – Он приезжал, как вы можете видеть, в день происшествия.

– Зачем?

Проклятье, что за излишний вопрос? И так понятно зачем. Явно не прикупить ящик-другой вина Шато д’Амран. Но хотелось услышать, что сама вдовушка об этом скажет.

– Для randevu. Как вы однажды весьма точно назвали визиты подобного рода, – вскинув подбородок, ответила графиня. – Но, к сожалению, я в это время выезжала на винодельню. И мы не встретились.

– Печально. – Ренельд усмехнулся, отчего-то почувствовав облегчение.

– Не то слово. Мы с месье де Ламьером так приятно провели время на балу. Ваш брат исключительно интересный

собеседник, – оттенок умиления в голосе Мариэтты снова ошутимо вскипятил кровь.

К чему эта демонстративность пополам с неожиданной откровенностью? Да ещё и при том, что взгляд графини остался совершенно бесстрастным.

Однако братец решил проявить немалую прыть, чтобы приударить за ней. Это польстит любой женщине. Оказывается, все слова, сказанные им утром после бала, были правдивыми. Ксавье действительно увлёкся. Насколько серьёзно – уже можно было судить по тому, что он проехал немало миль для того, чтобы просто встретиться с Мари. Похоже, тот букет пионов, который так навязчиво пах в приёмной части покоев вдовушки, привёз именно Ксавье. Стандартно, но действительно с большинством женщин.

“Я уронил ту вазу. Сегодня утром, – лениво заметил Лабьет. – Пришлось убежать от мадам Конфетки”.

– Почему? – едва не взвыл Ренельд вслух, перестав видеть, что ещё написано в списке посещений.

Что Лабьет вообще там творил? Неудивительно, что Мариэтта сегодня в весьма скверном расположении духа.

“Нет, сначала я уронил тарелку с пирожными. Ей на платье, – принялся задумчиво перечислять шинакорн. – Хотел съесть одно. Она мне не давала, а просить словами я не умею. Потом я уронил ширму, за которой она переодевалась. Случайно! Кстати, я был прав, ножки у неё что надо! И она, оказывается, знает такие слова... Стыдно сказать. А вот по-

то-ом уже пришлось убежать. Ну, занесло на повороте, зацепил стол, на котором стояла та ваза с цветами. Я не знал, что они от Ксавье”.

– Кстати, ваша светлость. Ваш пёс разбил вазу, – вторила Мариэтта мыслям шинакорна. Как будто вдруг их услышала. Но такого просто не может быть. – Ваза антикварная. Кому прислать счёт?

Она нарочно... Ренельд вновь поднял на неё взгляд.

– Можете оставить у Тибера. Я возьму, – процедил скупой и вновь вернулся к списку.

Но когда прочитал ещё одно имя, что в нём значилось совершенно обыденно – среди остальных, – в висках коротко стукнула кровь.

– Оли Паграйс, – повторил он вслух. И на языке тут же осела горечь. – Откуда вы знакомы?

Мариэтта наморщила лоб, явно не понимая, в чём вообще заключается вопрос Ренельда. Даже переглянулась с Лабьетом, который при звуке этого имени тоже насторожился.

“Тебе точно не мерещится, Рен? – осведомился он на всякий случай. – Бессонная ночь и всё такое...”

– Оли моя сестра, – осторожно проговорила графиня.

Словно уже приготовилась к чему-то плохому.

– Но ваша девичья фамилия, кажется, не Паграйс, – дойдя до конца списка, Ренельд и его отложил в сторону.

– Я думала, вы знаете это лучше меня самой, – усмехнулась вдовушка. – Неужели до сих пор не собрали на меня до-

сье, которое под силу поднять только портовому грузчику?
– Я на пути к этому. Ещё пара килограммов бумаг – и будет готово.

Мариэтта тихо усмехнулась и явно неосознанно скользнула взглядом по столу Ренельда, будто хотела отыскать на нём посвящённую ей пухлую папку.

“Дашь почитать? – буркнул шинакорн. – А то я что-то упустил”.

На самом же деле в мнимом досье на вдовушку пока не скопилось ни листочка. Казалось, её жизнь на поверхности – самая значимая её часть. Прибыльное дело, управление фондом мужа, имением. Борьба с родственниками за право быть полновластной хозяйкой своей жизни... Но, как это обычно бывает, копнёшь чуть глубже – и, словно муравьи из потревоженного муравейника, начинают выползать скрытые подробности. Порой весьма неожиданные. И, может даже, неприятные.

– Оли взяла фамилию матери, – оставив очередные колкости, пояснила Мариэтта. – Мать была более знатной, чем отец. Но её род обеднел, и потому она согласилась на мезальянс. Оли всегда немного... стеснялась отцовской фамилии. Некрупный земледелец, торговец овчиной. Чем тут гордиться? А Оли собиралась поступать в Санктур, где сплошь аристократы. Поэтому и... – но тут она замолчала, как будто вдруг наконец поняла, что интерес Ренельда выглядит подозрительно. – Вы знаете Оли?

“Я порой сомневаюсь, что ты и правда её знал, – совсем уж разозлился Лабьет. – Такое выкинуть... Кто бы мог подумать! Подставила тебя по полной”.

Ренельд угрожающе на него глянул – и тот сразу сник. Прижал уши и демонстративно отвернулся. В том, что случилось между ним и Оли, Лабьет безоговорочно считал виноватой её. Но если бы всё было так однозначно... Редко когда бывает виноват кто-то один.

– Я слышал о том, что с мадемуазель Паграйс случилась одна крупная неприятность во время учёбы в Санктуре, – туманно ответил Ренельд. – Светлая часть её ауры была разрушена. И она потеряла способность заниматься магией. Это было довольно известное происшествие. О нём много говорили.

Графиня, всё больше хмурясь, разглядывала его лицо, словно пыталась отыскать на нём отражение того, что он не собирался ей рассказывать. Более того – сам не хотел лишней раз вспоминать.

– Да, всё так и было. – Она немного помолчала, явно что-то прикидывая в голове. – Вы же учились, кажется, в одно время? Или я путаю...

– Нет, не путаете. – Ренельд сомкнул перед собой пальцы в замок, выстраивая между ними незримую стену. – Мы учились ровно в одно время. Но на разных факультетах, как можно догадаться.

– И вы не знали её лично? Только по слухам? – Мариэтта

так сильно сжала в кулаке перчатки, что они, кажется, безнадежно помялись.

“Эй, кто тут дознаватель, я не пойму! – возмутился шинкорн, вновь приподнимая голову. – Рен, пора шлёпнуть мадам Конфетку по попе. Чтобы не зазнавалась”.

– Лабьет... – мысленно вздохнул Ренельд.

Что хуже всего, почти каждое подобное замечание шинкорна немедленно вызывало у него мысли о самых различных частях ладной фигурки Мариэтты. Порой мысли довольно навязчивые и нескромные.

“Ладно. Ладно! – сдался пёс. – Можно шлёпнуть по рукам, чтобы не тянула их в зловонные глубины твоей личной жизни”.

Но, кажется, уже поздно было переходить к лёгкому терапевтическому рукоприкладству. На лице вдовушки во всей красе проявилось это опасное выражение – острого интереса и подозрительности. словно она пыталась уличить супруга в измене и вдруг нащупала верную дорожку. В таком состоянии доводы благоразумия отступают под натиском жажды выведать всё немедленно. Желательно в подробностях.

– Мадам д’Амран, – Ренельд улыбнулся, выдержав интригующую паузу, во время которой Мариэтта даже заёрзала на месте, – я просто увидел знакомое имя. А затем вспомнил, что с ним был связан некий скандал. Даже в газетах, кажется, писали. А вы уже пытаетесь встряхнуть меня, как ридикюль в поисках потерянной шпильки. В вас умер следователь – это

точно.

– Сочту за комплимент, – весьма условно улыбнулась графиня.

– Попробуйте. – Ренельд дёрнул уголком рта. – Но сдаётся мне, тот следователь умирал в муках. И я, возможно, обсудил бы с его величеством вашу кандидатуру на место месье Лимиера... Он в последнее время не слишком продуктивен. Но у вас и так много забот.

– Какая исключительная забота с вашей стороны, – ядовито проговорила Мариэтта. – Жаль, веер не захватила, а то обмахнулась бы.

“А я взял бы Конфетку в следователи. А что? – развеселился Лабьет. – От одного её вида злоумышленники теряли бы бдительность. А уж если аурой зарядит хорошенько... У любого кишки спекутся. Недавно испробовал на себе”.

– Ты же понимаешь, что я жду подробностей? Позже. – Ренельд коротко глянул на шинакорна, а затем вновь на Мариэтту. – Что ж, надеюсь, ваша сестра хоть немного восстановилась после того случая.

– Ничуть, – отрезала графиня. – Она по-прежнему не способна заниматься магией. И надеюсь, в связи с этим вы понимаете, ваша светлость, что я указала её имя, только чтобы у вас не было сомнений в моей открытости перед следствием. И искренне надеюсь, что Оли даже не будет числиться в списке ваших подозреваемых.

– Кто будет числиться в этом списке, решать мне. – Ре-

нельд чуть качнулся вперёд. – Ваше дело на данный момент только изложить мне ту информацию, которую я посчитаю полезной. Потому сейчас я позову Тибера, и мы составим протокол опроса. После чего вы можете быть временно свободны.

– Что значит временно? – Мариэтта подалась ему навстречу, оперевшись локотком на край стола.

– Будьте готовы к тому, что я могу ещё не раз вызвать вас для уточнения необходимых деталей, – пояснил Ренельд.

И знала бы вдовушка, каких усилий стоило ему сохранить спокойствие.

– Уф, – преувеличенно облегчённо вздохнула несносная мадам д’Амран. – А то я подумала было, что вы собрались звать меня замуж.

“Я тоже, – вставил Лабьет. – Но, похоже, праздничная бууженина откладывается”.

– Дайте руку. – Ренельд протянул графине свою.

– Что? – забавно растерялась та, посмотрев на его ладонь, как на нечто опасное. – Зачем?

– Надену вам на палец кольцо.

Мариэтта фыркнула, закатив глаза, и всё же подала ему руку. Храня на губах нарочито вежливую улыбку, Ренельд мягко размял хрупкую ладошку вдовушки, с необъяснимым удовольствием наблюдая, как её лицо слегка вытягивается от изумления. Пользуясь её мгновенным замешательством, он взял из специальной коробочки иглу, больше похожую

на миниатюрный кинжал. А затем быстрым точным жестом ткнул ею в палец графини. Та ойкнула, мгновенно приложила раненую подушечку к губам и уставилась на него с гневным недоумением.

– Что вы творите? С ума сошли?

– Если вы пробудете здесь ещё немного, то я и правда начну опасаться за своё здравомыслие. Но пока нет. – Ренельд убрал испачканную в крови вдовушки иглу в крошечную стеклянную колбу. – Это мне необходимо, чтобы как следует изучить вашу ауру.

– Я не давала своего согласия! – От Мариэтты в такой ситуации можно было ожидать чего угодно, но только не подобного ледяного тона, с которым она это произнесла.

Словно пообещала Ренельду самое страшное проклятие на свете. Такое, с которым не сталкивались даже Первородные на заре времён. А что? Кажется, её бабка была довольно сильной ведьмой, за что не раз оказывалась под следствием. Но её вина так ни разу и не была доказана. А значит, вполне вероятно, что от неё внучке достался какой-нибудь гримуар с весьма подленькими заклинаниями и рецептами зелий вроде того, что довелось выпить Ренельду.

– Как вы уже верно заметили, я не замуж вас позвал, – он невольно чуть повысил голос. – Потому ваше согласие в данном случае мне не нужно. А вот тратить лишнее время на препирательства и преодоление вашего бестолкового сопротивления мне вовсе не хотелось.

Собственные слова пронесли в голове раздражающим гулом. Нет, всё же нужно хорошенько выспаться этой ночью.

– Бестолкового сопротивления? – Вдовушка привстала, упираясь обеими ладонями в стол. – А кто не будет сопротивляться, если его постоянно пытаются уличить в чём-то незаслуженно?

“А я всё ждал, когда до этого дойдёт. – Лабьет вальяжно поднялся на лапы, словно собирался в случае чего защищать хозяина. Но так – не слишком-то охотно. – Смотри, как бы в ход не пошла та самая шпилька”.

Но вот Ренельд явственно исходящую от Мариэтты угрозу расценивал несколько по-другому, если вспомнить, в каком состоянии он пребывал после того, как их ауры только слегка соприкоснулись. Сейчас он тоже ощущал пекущий жар, что нарастал даже сквозь преграду, которой Мариэтта снова окружила себя. И чем ближе она находилась, тем сильнее хотелось сунуть руку в этот огонь.

– Вы препятствуете следствию. Мне нужно понять, чем ваша аура так заинтересовала тех, кто пытался с неё поживиться. Вы же отбрыкиваетесь всеми силами, хоть для этого как будто не должно быть причин. Или они есть? Ведь иначе логика действий тех, кто всё это устроил, от меня ускользает. Получается, магистр Санктур, сильная магисса, которая была одной из лучших на своём курсе, и вы – в разных весовых категориях. – Ренельд смерил наклонившуюся к нему Мариэтту взглядом. – А уж со мной тем более.

– Да уж куда мне до вашей весовой категории, – мстительно процедила графиня. – Ваша светлость.

Он тоже встал и застыл напротив в зеркальной позе.

– Прошу вас вернуться на место. И мы очень скоро избавим друг друга от необходимости находиться рядом.

– Очень заманчивое предложение, – голос Мариэтты, кажется, чуть сел.

Лицо графини было сейчас так близко, что можно было разглядеть отражение ресниц в её глазах цвета старого янтаря. В ушах нарастал гул взбесившейся крови, разогнанной быстрыми толчками сердца. Проклятье, почему мадам д'Амран так скоро выводит его из себя? Что это за феномен такой? Привлекательный, едва ощутимо пахнувший цветочными духами и очень злой феномен. Сейчас Ренельд мог бы поклясться, что даже ощущает кожей тепло, что исходит от чуть приоткрытых губ вдовушки.

Треклятое зелье! Когда же оно отпустит? Так ведь и рехнуться недолго.

“Рен, – оклик Лабьета, как и всегда, оказался очень кстати. – Ты тут?”

– Да, – ответил он, поймав себя на том, что уже качнулся навстречу Мариэтте.

“Это хорошо, – скабречно хмыкнул шинакорн. – Потому что я успел озадачиться тем, как буду лиять из кабинета, если вы вдруг... Знаешь, вам и правда противопоказано находиться рядом друг с другом. Особенно ближе, чем на рас-

стоянии вытянутой руки”.

Ренельд выпрямился, одёргивая жилет, невольно отмечая, что с доводами Лабьета трудно спорить, когда творится подобное. Графиня тоже, кажется, очнулась. Хлопнула ресницами и поспешно опустила обратно в кресло, сосредоточенно разглаживая юбку ладонями.

Пришлось срочно вызывать Тибера для составления протокола опроса пострадавшей, чтобы встреча тет-а-тет и правда не завершилась чем-нибудь непоправимым.

Секретарь прилежно и аккуратно всё зафиксировал. Графиня неспешно и вдумчиво ознакомилась с документом, после чего с явной неохотой подписала, соглашаясь с тем, что всё верно. Её росчерк оказался на удивление размашистым и твёрдым. Если бы Ренельд не знал, что его оставила Мариэтта, решил бы, что он принадлежит по меньшей мере её мужу.

Забрав протокол, чтобы сделать с помощью дублирующего артефакта несколько копий, Тибер удалился. Графиня же задержалась, явно делая вид, что сосредоточенно надевает перчатки.

Ренельд ждал, что скажет ещё что-нибудь, но она, похоже, передумала. Осталось только гадать, что же творилось теперь в её мыслях. Лишь бы там не формировалась идея, как избежать проверки ауры. Думается, вдовушка может пойти на любые отчаянные шаги.

– Я провожу вас, – окликнул её Ренельд, когда она, холодно попрощавшись, уже повернулась уходить.

– Не стоит, ваша светлость, – бросила мадам д’Амран.

– Мне уже давно стоит размяться. Но, если желаете, я могу свернуть к другой лестнице и выйти во двор отдельно от вас.

Мариэтта взялась за ручку двери и посмотрела на него через плечо.

– Что вы, ваша светлость. Вы не настолько меня трогаете, чтобы нарочно ходить с вами разными дорогами.

“Это верно, потрогать ты её не успел. – Лабьет, встряхнувшись, деловито потрусил следом за Мариэттой. – Иначе она сейчас была бы иного мнения”.

Ренельд только покачал головой и, взяв со спинки кресла фрак, вышел из кабинета сразу за ними. Со стороны графиня с шинкорном выглядели вполне дружественно друг другу. Громадный пёс удивительным образом дополнял изящную вдовушку, следуя за ней огромной устрашающей тенью.

– Я скоро вернусь, – бросил Ренельд Тиберу и поравнялся с мадам д’Амран.

Она же сохранила ровно такое же выражение лица, как если бы его рядом вовсе не было.

– Как обстоят дела на вашем винограднике? – сияясь хоть немного разбавить напряжённое молчание, поинтересовался Ренельд.

– Я не знаю. Думаю, пока без изменений. – Графиня дёрнула плечом. – Из жандармерии не приходило никаких известий. Может быть, старший следователь посчитает нужным отчитаться перед вами, ваша светлость. У него к вам навер-

няка особое отношение. Но... я всё равно собираюсь заехать к нему сама. Раз уж месье Лимиер упорно меня игнорирует.

“У-у, – протянул Лабьет. – Да мы бесконечно обиделись... Нет, не на Зелина. На тебя. Могу поклясться, мадам Конфетка хотела попросить об одолжении. У неё в сумочке лежит любопытная коробочка, в которую она сегодня с утра очень озадаченно смотрела. Но после твоих выпадов, похоже, передумала обременять тебя личными просьбами”.

– Это её дело, – ответил Ренельд. – Ехать на виноградник я всё равно не собираюсь.

“Смотри, как бы не поехал кто другой, – туманно пригрозил шинакорн. – Тот, кто очень любит дарить цветы привлекательным вдовушкам. Страсть к ботанике налицо”.

Но Ренельд уже мало его слушал, вглядываясь в свиту, которая шла навстречу с противоположной стороны длинной открытой галереи, что тянулась вдоль всего южного крыла Марбра.

Все, кто проходил мимо, кланялись шествующему впереди мужчине, глухо бормоча приветствия. И Ренельд в очередной раз пожалел, что поспешил спуститься во двор вместе с графиней.

– Ваше величество, – донеслось издалека.

Ивен кивнул очередному придворному и сразу вперил взгляд в идущих навстречу Ренельда и Мари. Несколько мгновений на его лице отражалось задумчивое любопытство, а затем он сдержанно, но весьма приветливо улыбнулся.

ся.

– Это король? – шепнула графиня, кажется ещё не веря своим глазам.

– Именно, – подтвердил Ренельд.

Мариэтта заметно разволновалась и коснулась завязанных под подбородком лент капора, словно в какой-то миг решила его снять. Но быстро взяла себя в руки. Похоже, раньше с Ивеном она никогда не встречалась.

– Ваше величество. – Графиня присела в почтительном, но не излишне заискивающем книксене.

Ренельд же понадеялся, что Ивен последует по своим делам дальше, удовлетворившись коротким приветствием. Но он, явно заинтригованный вдовушкой, остановился, а значит, избежать разговора не удастся.

– Позвольте представить, ваше величество, – отвечая на явный вопрос в его взгляде, проговорил Ренельд. – Графиня Эйская – Мариэтта д’Амран.

– Очень приятно, миледи. Поразительно, – вполне себе открыто оглядывая её, протянул Ивен. – Не раз слышал о том, что однажды граф Эйский взял в жёны прелестную девицу. Но не представлял насколько.

Мариэтта, кажется, не нашлась, что ответить на столь открытый комплимент. Только улыбнулась и слегка беспомощно глянула на Ренельда. Поддержки ей сейчас искать больше не у кого. А при виде Ивена даже самая прожжённая кокетка смутится. Или сделает такой вид.

– Мой муж не слишком любил обширное общество и выезды.

– Да, Эдгар был столь же скрытен, сколько и умён. Я на его месте тоже поостерёгся бы направо и налево показывать очаровательную супругу. – Король многозначительно взглянул на Ренельда, а тот едва удержался, чтобы не возвести очи горе. – И особенно печально, что вы приехали в Марбр по такому неприятному поводу. О том, что с вами случилось, я уже слышал.

– Мы как раз разбираемся в произошедшем вместе с месье де Ламьером, – ответила Мариэтта таким тоном, что лишь глухому не стало бы понятно, что всё это доставляет ей крайне мало удовольствия.

Король уверенно кивнул не её слова.

– Ренельд обязательно выйдет на след преступника.

“Если не запнётся о подол мадам Конфетки, – вставил шинкорн. – Да, Рен?”

Тот лишь натянуто улыбнулся, мысленно обещая псу оставить его без мозговой косточки на ужин.

– О, я в этом не сомневаюсь. – Графиня взмахнула рукой. – Надеюсь только, что жертв больше не будет.

“У нас тут уже намечается одна жертва, – язвительно заметил Лабьет, почёсывая задней лапой за ухом, словно весь этот разговор вовсе его не интересовал. – Возможно, слабоеумие после травмы головы останется у него на всю жизнь”.

– В наших реалиях, когда многие сталкиваются с недо-

статочной подпиткой светлой ауры, подобные преступления могут стать гораздо более частым явлением, – проговорил король. – Но выход из трудной ситуации обязательно найдётся. Маги снова будут в безопасности. Пока же я искренне советую вам довериться Ренельду и всем, кто помогает ему в расследовании.

– Да, это было бы нелишним, – заметил тот. – А вот любое препятствие следствию может оказаться решающим. В отрицательном смысле.

Судя по тому, как улыбка на губах Мариэтты погасла, а глаза чуть сощурились, она ясно расслышала направленный в её сторону намёк. И, кажется, его распознал и король тоже. Но, к счастью, пришла пора заканчивать со взаимными любезностями. Мариэтта, присев напоследок в реверансе, неспешно пошла дальше по галерее, а король придержал Ренельда за локоть.

– Я, конечно, рад видеть тебя в компании приятной женщины... Но надеюсь, ты не собираешься заключить её под стражу?

Похоже, чего-то подобного он вполне ожидал.

– Время покажет. – Ренельд пожал плечами.

– Я уж подумал было, что ты внял моему приказу. И что представишь мне свою будущую невесту.

“Король, а всё ещё верит в чудеса”. Лабьет разочарованно цыкнул.

– Мадам д’Амран? – Ренельд коротко рассмеялся. – Ну

уж нет. Ты же сам советовал мне присмотреться к адепткам Академии. И я со всем тщанием собираюсь перетрясти все хорошенькие подолы Санктура. Разумеется, как только закончу с делом похищения аур.

– Я бы поспорил, что для тебя сейчас важнее, – раздражённо заметил король. – И советовал бы пересмотреть подход к поиску жены. С “перетряхиванием подолов” ты и раньше справлялся неплохо.

Они напряжённо попрощались уже тогда, как Мариэтта скрылась из вида. Ренельд прибавил шаг, спустился в залитый беспощадным светом двор, пытаясь отыскать украшенную сиреневыми цветами шляпку графини среди зелени аллеи. Всё же так расставаться невежливо, как бы они друг к другу ни относились.

И вдовушка всё же отыскалась, но отчего-то была она уже не одна. Щурясь от яркого дневного света, Ренельд не сразу узнал мужчину, который увлечённо разговаривал с ней, стоя в тени огромного клёна.

“Вот и любитель ботаники, – вздохнул Лабьет. – А я предупреждал”.

Ксавье махнул Ренельду рукой, не торопясь отрываться от вдовушки, которая даже не повернулась, любопытствуя, кого приветствует собеседник. Братец внимательно её выслушал, покивал и совершенно неожиданно пошёл вместе с ней обратно. Вот так легко отказался от дел, что привели его в Марбр. Даже слова брату не сказал. И всё ради того, чтобы

провести время с Мариэттой?

“Ну что, мой незадачливый друг, – вздохнул пёс, поворачиваясь носом обратно к замку. – Пора возвращаться в пыльное нутро чудовища, которое именуется твоим кабинетом”.

Он рысцой побежал по мощёной дорожке, словно и сам раздосадовался от увиденного. Ренельд проводил графиню и брата взглядом, пытаясь понять, отчего ощутимо печёт в груди. Как будто от жары. Что ж, может, и хорошо, если Мариэтта останется под присмотром Ксавье. Он всё же боевой маг...

А Ренельду и правда пора возвращаться к делам. К тому же стоит обратиться к ещё одной пострадавшей в надежде, что она сумеет рассказать ещё что-то полезное.

Сразу же после визита к королевскому архимагу он собирался отправиться к Леоноре.

Глава 10

– Это очень мило с вашей стороны, милорд, что вы решили поехать со мной в жандармерию. – Я уселась на чуть скрипучее сиденье экипажа и ослабила ленты капора.

Прохлада от охлаждающего артефакта, который реагировал на движение в карете, приятно заструилась по открытой шее.

– Раз месье Лимиер имеет наглость молчать на прямое распоряжение королевского дознавателя, значит, нужно вмешаться. – Ксавье сел напротив. – Возможно, стоит переходить и к более жестким мерам.

Его голос мгновенно затвердел и стал чуть похож на голос брата. Всё же есть в них что-то общее, несмотря на различия во внешности. Однако отчего-то я сомневалась, что слово маркиза значит для старшего следователя больше, чем Ренельда. Однако раз уж я собралась идти до конца в деле замужества именно с этим мужчиной, то пусть проявит себя. На фоне снисходительного безразличия герцога его рвение в любом случае выглядело более привлекательно.

– Мне так неловко отвлекать вас от дел, месье де Ламьер. Ведь вы приехали в Марбр наверняка по какому-то важному вопросу.

Как всё же хорошо, когда рядом с мужчиной не приходится постоянно находиться в напряжении и ждать подвоха.

Можно позволить себе просто любезность без опасности, что тебя поймут не так.

Ксавье сдержанно улыбнулся и загадочно посмотрел в оконце кареты, за которым проплывали плотно теснящиеся друг к другу дома Жардина. В голубых глазах маркиза блеснул отражённый от случайной витрины свет.

– Нет, в Марбре я нашёл всё, что хотел. И даже больше. – Он помолчал. – Потому что я приезжал туда из-за вас. С утра до меня дошли слухи о том, что с вами случилось. Тревожить вас дома я не посмел. Потому и отправился к Ренельду, чтобы разузнать всё подробнее. Ведь он лично занялся расследованием этого случая.

Показалось, в его тоне проскользнуло лёгкое недовольство.

– Да, его светлость весьма требовательно подошёл к делу. – Я поймала себя на том, что раздражённо сдёргиваю с руки перчатку.

Одна только мысль о месяе дознавателе – и в груди словно бы что-то закипает. Так и клоочет, толкая на самые колкие выражения и на самые резкие поступки. Как вообще можно было уродиться таким несносным, упрямым и в то же время притягательным, как портал в Бездну?

Я что, подумала “притягательным”? Гнев Первородных... А это заклятие привязки точно не сработало? От соприкосновения, например, или взаимодействия наших аур... Иначе откуда у меня такие мысли?

Собственные рассуждения о герцоге разозлили ещё больше. Как бы теперь не досталось Ксавье.

– Да, Ренельд всегда относится требовательно к себе самому и к окружающим. – Ксавье вновь покосился на меня. – Но, стоит признать, он последнее время ведёт себя немного странно.

– Вот уж не знаю, в чём может быть причина!

Видимо, побочное действие зелья. Кто знает, какие неудобства оно ему доставляет. Может, у него непроходящая изжога на фоне повышенной мужской силы. Гремучая смесь! По крайней мере, когда он оказывался так вопиюще близко от меня, это особое напряжение на грани срыва я чувствовала всей кожей. И, что самое скверное, в этот миг мой разум точно проваливался в темноту.

Словно распознав истинный смысл моих слов, Ксавье как-то подозрительно хмыкнул. А не рановато ли для ревности, ваше сиятельство?

– Всё же надеюсь, что он не доставил вам слишком больших неудобств. Вам ведь сейчас нужно восстанавливаться после нападения. А он заставляет вас выезжать так далеко от имения!

– Не стоит беспокоиться. – Я качнулась вперёд и коротко пожала его руку. Маркиз изумлённо вскинул брови, попытался перехватить мою кисть, чтобы задержать в своей, но я ловко ускользнула. – К сожалению, дела за меня решить никто не может. Потому так или иначе я всё равно отправилась

бы сегодня в Жардин... Кстати, спасибо вам за цветы. Они просто чудесны.

Если не учитывать того, что Лабьет сегодня с утра растоптал пионы своими огромными лапищами так, что они согдились бы лишь в салат. Получил по загривку тяжелой вазой – и хоть бы что! Умчался от меня прочь ещё быстрее, весь мокрый, в ошмётках цветов. Этот громила, кажется, твёрдо вознамерился разрушить ту часть дома, которую не разрушила я сама. Потому хорошо, что он остался со мной всего на день. Мадам Хибоу, наверное, до сих пор пьёт успокоительные капли.

– К сожалению, они не могут передать и десятой части моего восхищения вами, – ответил его голубоглазое сиятельство. – И уж никак не могут сравниться с вами в красоте.

И замолчал, кажется, вполне довольный собой. Признаться, за всю мою жизнь мне не отвешивали столько комплиментов за такой короткий промежуток времени. Робкие попытки Перетта и похвалы Эдгара, когда я достигала очередной поставленной им задачи, и сравнивать глупо.

– Не боитесь обмануться на мой счёт? – Мне и правда стало слегка неловко. Щёки загорелись, но скорее от какой-то смутной досады. Как будто что-то в этом было не то. Не то, чего я хотела.

– Знаете, я больше опасаясь упустить случай. Не думайте, я не глухой. И слышал, что о вас говорили мужчины на балу в Энесси. Едва не все через одного они так или иначе

рассуждали о том, что неплохо было бы захомутать такую “хорошенькую куколку”. Уж простите за подробности. – Он хитро улыбнулся. Думается, в этих подробностях есть весьма чёткий расчёт. – Знаете, при такой потенциальной конкуренции любой встревожится. И когда я проснулся утром после бала, понял, что для меня будет огромной ошибкой уповать на изменчивую фортуна.

– Значит, вы решили проявить упорство... – Я прямо посмотрела на него, пытаюсь понять, насколько он искренен.

– Наше с вами общение даёт мне повод думать, что оно может быть весьма плодотворным.

– Скорее я назвала бы это надеждой.

– Не суть. – Ксавье беззвучно рассмеялся, словно моя наивность его вдруг развеселила.

Как будто я уже в ловушке и он намерен лишь дать мне немного потрепыхаться, прежде чем вынуть меня из силков и сделать со мной всё, что вздумается.

За, казалось бы, лёгкой и приятной, а на самом деле весьма полезной для меня беседой мы доехали и до Головного отделения Жардинской жандармерии по делам магических правонарушений.

Но едва карета приблизилась к подъездной площадке, как с бокового переулка нам наперерез выкатился другой экипаж. Мой кучер едва успел остановить лошадей, чтобы не случилось столкновения. Я невольно выглянула в оконце: похоже на служебный фургон. И отчего-то сразу в голову за-

кралась нехорошая мысль: а не случилось ли очередного нападения на кого-то из магов?

Ксавье помог мне выйти из блаженной прохлады экипажа на жаркую полуденную улицу. Благо тень от внушительно строгого здания Жандармерии укрывала значительную её часть. Да и вообще оно производило довольно подавляющее впечатление всеми этими колоннами, небольшими окнами, словно в какой-то крепости, и чуть подрагивающими на ветру полотнищами с гербом Гриффанружа – на стене у входа.

Раньше здесь располагался какой-то банк, название которого никто теперь и не вспоминал.

Во время затяжной войны с соседним королевством таких контор появилось несметное множество. Многие поднялись на торговле оружием и магическими артефактами. И раз они имели средства, то могли пускать их в оборот, выдавать ссуды, в том числе и государству. Однако когда всё стихло и в Гриффанруж наконец вернулся мир, то стали открываться самые неприглядные детали многих сделок. И магических тоже.

Конечно же, полетели головы неугодных.

Владельца этого банка отправили отбывать наказание в одной из тюрем. А в удобном и большом здании, словно в назидание остальным, расположили Управление.

Мы с Ксавье поднялись на высокое крыльцо. А в холле нас встретил дежурный – за деревянной стойкой, заваленной бумагами и письмами так, что едва можно было понять, есть

ли там кто-нибудь.

– Добрый день, месье! – привлекла я к себе внимание жандарма. – Мне бы встретиться с месье Лимиером.

– Старший следователь только что уехал, – ответили мне не слишком вежливо.

Невысокий мужчина поднял на меня лишь короткий незаинтересованный взгляд, а затем снова уставился в раскрытый перед ним журнал с перечнем фамилий.

– А когда вернётся? – без особой надежды уточнила я.

Не то чтобы собиралась его ждать... Но хотя бы можно оставить запрос.

– Простите, а вы кто? – поинтересовались вдруг откуда-то из-за спины.

Я повернулась, и в глазах другого жандарма тут же отразилось узнавание. Да и мне он показался знакомым. Кажется, из тех, кто приезжал со старшим следователем ко мне в имение.

– Мадам д’Амран... – Мужчина поклонился, а затем перевёл взгляд на Ксавье. – Ваше сиятельство.

Однако либо у него отличная память на лица, либо младшего де Ламьера он знает довольно хорошо.

– Так куда отлучился месье Лимиер? – строго спросил Ксавье, даже не кивнув на приветствие жандарма. – И когда будет?

– Вообще-то, я не должен разглашать информацию, – прикинув, заупрямился мужчина, но явно прогнулся под весом

титула и происхождения моего спутника. – Но раз вы прибыли лично, миледи... И милорд... Он как раз уехал на виллодельню Шато Д'Амран.

Да неужели решил лично всё проверить? Значит, всё-таки побаивается Ренельда. Хотелось бы поскорее, но и так уже неплохо.

– Зачем, позвольте узнать? – Я даже улыбнулась, довольная этой мыслью.

Но жандарм не проникся моей приветливостью, оставшись крайне серьёзным.

– На вашего управляющего поступило заявление о нанесении вреда здоровью. К тому же с применением магии. От виконта Фабриса д'Амрана, – степенно пояснил он. – Его милость представил весьма веские доказательства. И свидетели с ним были. Потому...

Какие такие свидетели?! Я не стала дослушивать всю эту чушь и поспешила обратно к выходу. Нужно срочно догнать старшего следователя и не допустить, чтобы Перетта арестовали.

Кажется, Ксавье едва поспевал за мной, так быстро я шла обратно до кареты. Хотелось разорвать кого-нибудь на кусочки. Например, месье Лимиера – на кучу маленьких старших следователей. Вот уж не думала, что он доберётся до моего виноградника таким витиеватым и неожиданным способом.

– Мадам д'Амран, – наконец окликнул меня маркиз, ко-

гда я уже открыла дверцу экипажа, не дожидаясь, что кто-то поухаживает. – Мари... Может, стоило ещё что-нибудь выяснить? Прежде чем кидаться в погоню.

Он всё же перехватил инициативу и помог мне сесть в карету.

– Пока я выясняю подробности, которые мне и так известны, Перетта возьмут под стражу. А это значит... Да как вообще я буду без него обходиться? Да и он не виноват! Это всё Фабрис, сожри его душу бездний червь.

Ксавье едко усмехнулся, выслушав мои гневные излияния.

– Если бы ваш управляющий совсем не был виноват, такого не случилось бы.

– Фабрис меня оскорблял, – процедила я. – Перетт заступился. Но ни о каком вреде здоровью тут и речи не может идти!

На этом я решила прекратить разговор, а маркиз не стал настаивать, позволяя мне остыть как раз к тому мигу, как мы всё же добрались до Пайета, а там и до винодельни. Первое, что я заметила, когда мы заехали на двор, это уже знакомый чёрный фургон, на козлах которого скучал унылый кучер. Возле него толклись двое жандармов, явно страдаая от жары в плотной форме. И они заметно переполошились, когда увидели меня, решительно идущую к главному зданию винодельни. Да ещё и в сопровождении высокого, весьма внушительного на вид, как и многие боевые маги, Ксавье.

– Где ваш старший? – только и бросила я на ходу оробевшим жандармам.

– Мадам д’Амран... – попытался пискнуть один.

Второй же, видно решив не связываться, махнул рукой как раз в ту сторону, куда я и направлялась.

Внутри было шумно, на лестнице кто-то топал и громко бубнил. А что ещё хуже, явно тянуло напряжением аур. Как бы Перетт не натворил глупостей!

– Месье Лимиер боевик? – на всякий случай уточнила я у маркиза.

Все оклики и приветствия попавшихся навстречу подручных старшего следователя проигнорировала. Они здесь чужие! Беспольный раздражающий фактор, который из надежды на справедливость превратился в очередную проблему.

– Да, боевик. С весьма неплохими способностями, – предупредительно подтвердил Ксавье, явно надеясь, что я проявлю как можно больше благоразумия.

В Бездну благоразумие, когда одного из самых ценных моих специалистов пытаются оболгать, да ещё и устранить! Точно – устранить.

Потому я влетела в кабинет Перетта, едва не разнеся в щепки ещё одну дверь. Хорошо, что с утра надела кольцо с вайлетом – последний на сегодняшний день мой защитный артефакт, который помогал сдерживать всплески. Иначе сожгла бы здесь всё в золу, четное слово!

Все мужчины, кто был внутри, тут же замерли, как на гравюре, что повествует о покарании Первородными неугодных. Перетт в магических наручниках со съехавшим набок узлом шейного платка. Взмыленный месье Лимиер, которому, похоже, пришлось всё же преодолеть некоторое сопротивление. И двое жандармов, что держали моего драгоценного управляющего под локти.

– Что здесь происходит?! – я едва успела успокоить собственный голос.

Холодное недоумение – и только.

– Мадам д’Амран, – начал было следователь с выражением мягкого снисхождения на лице. Но его весьма безвольная челюсть тут же обидчиво оттопырилась, когда он перевёл взгляд на вышедшего вперёд Ксавье. – Ваше сиятельство...

– Будьте добры ответить на вопрос, – подогнал тот его, проходя дальше.

А когда он поравнялся с пленителями Перетта, те, кажется, уже готовы были его отпустить прямо так, без приказа старшего.

Пришлось месье Лимиеру со всей стойкостью, на которую он был способен, пересказывать события этого утра. И визит Фабриса, и его гневные заявления, и документы от лекаря, подтверждающие “побои”. Гнев Первородных! Перетт и побои вообще где-то по разные стороны огромной пропасти. Всё, что он сделал, – это хорошенько припугнул моего папы. То, что тот испугался едва не до сердечного удара, –

совсем другой вопрос!

– Знаете, большей чуши я давно не слышала, месье Лимиер! – проговорила я, усаживаясь в обитое бордовой кожей кресло управляющего. Ксавье встал у окна за моей спиной и облокотился на спинку. – Я видела всё своими глазами. Да, был конфликт. Но он не составлял и десятой доли тех ужасов, что вам нарассказывал Фабрис.

– Я не могу быть уверен до выяснения всех обстоятельств, – недоверчиво скривился Зелин.

– А вы не желаете выяснить те обстоятельства, которые привели к этим? – Я взмахом руки обвела всю мизансцену, что сложилась вокруг. – Кажется, к ним вы не проявили ровным счётом никакого интереса. Несмотря неоднократные указания королевского дознавателя.

– Во-первых, его светлость мне не начальник, – запальчиво уточнил Лимиер. – Я лишь могу прислушиваться к его рекомендациям, но решаю, исходя из целесообразности. Во-вторых, жандармы были на вашем винограднике вчера. Но никаких следов магии не обнаружили.

– Тогда лично у меня есть повод сомневаться в способностях ваших людей, – заметил маркиз. – Или в вашей честности. Кажется, вы желаете, чтобы я, к примеру, привлёк свои знакомства к прояснению столь мутных событий?

– Ваше сиятельство, – Зелин чуть заискивающе улыбнулся, – здесь нечего прояснять. Всё и так ясно. Двое мужчин повздорили. Прошу прощения, на почве чести женщины. Та-

кое часто бывает. Но я собственными глазами видел следы на шее виконта. И свидетели... Между прочим, из охраны вашей винодельни.

– Уволю, – буркнула я себе под нос.

Словно мало им плачу! Словно Перетт чем-то им досадил! Да он со всеми всегда старался быть предельно вежливым.

Слушая нас, управляющий молчал, но складка между его аккуратными чёрными бровями становилась всё глубже, а губы – белее.

– Ваше сиятельство, – наконец проговорил он. – Не стоит. В итоге всё встанет на свои места.

– Уж будь уверен, Перетт, – я кивнула, – я расставлю.

Ксавье коротко коснулся моего плеча. Его тепло просочилось сквозь ткань и растеклось вниз по руке и груди, чуть успокаивая.

– Вы можете сколько угодно оправдывать вашего работника, – совсем осмелел следователь и вынул из-за пазухи аккуратно сложенный вчетверо листок. – Но сейчас у меня есть ордер. И я вынужден забрать месье Орма под стражу.

Он встряхнул у меня перед лицом исписанной ровными строчками бумагой с печатью Управления внизу. А затем махнул жандармам, веля уводить Перетта. Я дёрнулась было встать и помешать им ещё чем-то, но Ксавье удержал меня за локоть.

– Не торопитесь, – проговорил тихо, склонившись ко

мне. – Сейчас бесполезно спорить. Вы можете сделать только хуже. К вам и вашим словам начнут относиться предвзято. Мы пойдём к другим людям. Тем, что гораздо влиятельнее какого-то старшего следователя.

Мы. Он уже говорит “мы” – каков же всё-таки хитрец! Но сейчас я готова была согласиться с тем, что его доводы вполне разумны. И всё же мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы прекратить пререкания с представителями сурового закона. Которому на данный момент было всё равно, справедливо ли обвинили кого-то в его нарушении.

– Всего доброго, мадам д’Амран, – весьма ехидно бросил Зелин напоследок и кивнул Ксавье: – Ваше сиятельство.

Я же почувствовала себя невероятно глупо. Словно была на самом деле пустым местом, к мнению которого никто не желал прислушиваться. Конечно! Куда мне против бумажки с ордером на арест собственного управляющего! Тут даже графский титул не помогает. И на фоне болезни моих самых важных лоз это всё превращалось в натуральную катастрофу.

Наверное, я выглядела достаточно задумчивой и подавленной для того, чтобы Ксавье, уже сделав попытку уверить меня, что всё образуется, вновь встревожился.

– Что же... С вашими лозами всё так плохо?

– Скоро станет хуже. Если я не смогу их излечить. Но с таким наплевательским подходом жандармов к моей проблеме...

Я бездумно вынула из сумочки коробку с листом винограда и подала её маркизу. Тот поднял крышку и несколько мгновений неподвижно смотрел внутрь.

– Я, конечно, мало в этом разбираюсь. Магическая ботаника проходила в курсе обучения боевиков только косвенно. Чтобы мы знали лечебные травы или те, что подходят для снятия некоторых заклятий... Но выглядит это скверно.

– Не то слово. – Я потёрла переносицу, судорожно сообщая, куда же мне податься за справедливостью.

И вдруг ощутила, как уверенные и в то же время бережные ладони маркиза ложатся мне на плечи. Он ощутимо и при этом мягко разминает их. Заставляет замереть в ожидании того, что будет дальше. А это приятно! Немного интимно – тем более когда мы в этом кабинете только вдвоём – и, несомненно, волнующе.

– Это тоже входило в курс обучения боевых магов? – бормочу я слегка хрипло.

Похоже, мой тон месье де Ламьер младший расценит не совсем так, как нужно...

– Конечно, – усмехается тот. – Знали бы вы, какое напряжение порой в мышцах после применения самых сильных и сложных заклинаний. После того, как пытался управлять огнём или силовыми волнами так, чтобы они не уничтожили тебя самого. Особенно вот здесь. – Он, надавливая, ведёт вниз по моей шее большим пальцем и останавливается у её основания. – Или тут. – Вдруг склоняется и кладёт ладони

мне на живот чуть ниже рёбер.

И тут я прихожу в себя. Вот же прожжённый нахал!

– Вы не много ли позволяете себе, ваше сиятельство? – Я постаралась встать с кресла не слишком резко.

Но находиться с Ксавье настолько близко было теперь совершенно невозможно.

– Простите! – Маркиз сразу поднял руки в виноватом жесте. – Сам не знаю, как это случилось! Я не должен был. И не хотел вас оскорбить.

Что ж, его брат точно не стал бы извиняться. При известных обстоятельствах он даже зад себе не удосужился прикрыть.

– Хорошо. – Я вздохнула, не торопясь окончательно менять гнев на милость. – Впредь попрошу вас...

– Только с вашего согласия, – плутовато улыбнувшись, закончил Ксавье мою мысль.

Совсем не так, как планировала я, разумеется. И откуда же в братьях де Ламьер столько вопиющей наглости! Которая порой просто застаёт врасплох и даже обезоруживает. Мы несколько мгновений смотрели друг на друга прямо и неподвижно. Ксавье, кажется, ждал от меня очередной колкости, а у меня на это после разговора с Ренельдом и всего, что случилось позже, уже не было сил.

– Если позволите, миледи, – вновь заговорил Ксавье. – В имении Энесси работает просто невероятного умения мажордан. В своё время матери стоило немалых усилий за-

получить его. Я могу показать лист ему. Думаю, он сможет что-то понять лучше нас с вами.

Да, если вспомнить сады имения Энесси, можно представить, сколько работы у того садовника. Конечно же, и подручных у него немало, но только диву даваться, как можно поддерживать такие угодья в столь ухоженном состоянии.

– И что же, он разбирается в винограде? – позволила я себе каплю сомнения.

Садовник – это вовсе не то же самое, что виноградарь.

– Я, конечно, не слишком интересуюсь этими вопросами, но мне кажется, он разбирается во всём, – усмехнулся Ксавье, явно довольный тем, что полезным разговором удалось замять неловкость с распусканием им рук. – Сегодня я как раз с ним и поговорю.

– Благодарю. – Я вымученно улыбнулась. – Но всё же... Пока всё это не уладится, мои виноградники останутся без управляющего. Придётся ездить сюда самой каждый день, а у меня...

Я замолчала, не желая вываливать на маркиза весь перечень своих каждодневных обязанностей.

– Не волнуйтесь, я постараюсь уладить этот вопрос.

– Стоит ли утруждать, милорд...

Его забота была очень кстати и приятно облегчала душу. Конечно, Ксавье я знала мало, не представляла, чего стоит его слово. Судя по тому, что о нём говорили, он не слишком-то любил себя обременять. Но сейчас в его глазах я как

будто видела неподдельный интерес к тому, что происходит. И желание... угодить?

Любопытно...

– Мне совершенно не трудно. – Ксавье взмахнул рукой, убирая плоскую коробочку с виноградным листом во внутренний карман фрака. – И мне будет приятно помочь вам хоть в чём-то, учитывая то, в каком неприятном положении вы оказались.

Ну хоть кто-то готов мне помогать, а не подсовывать под бок псов-шпионов.

– Я буду очень вам обязана. – Касаться маркиза ещё раз я не рискнула. И без того мои мимолётные проявления симпатии он расценил слишком серьёзно.

– Конечно же, – с притворной строгостью проговорил Ксавье. – Я попрошу с вас плату за услугу. Думаю, ужина в ресторане Бланш будет достаточно. Для начала.

Я покачала головой, вновь надевая перчатки и размышляя, как будет ответить правильнее, чтобы не давать ему лишних авансов.

– Я посмотрю... На ваше поведение, – вышло слегка игриво.

Ровно настолько, насколько нужно.

– Разумеется, – кивнул маркиз. – Я постараюсь держать руки при себе. Хотя это, признаться, очень трудно.

Вот и как прикажете реагировать? Оскорбляться недвусмысленным намёком на влечение? Или принять как ком-

плимент со всей невозмутимостью?

– Придётся мне брать на ужин компаньонку поостроже, – назидательно парировала я.

– В этой роли я готов вытерпеть даже мистрисс Денизу д'Амран. Если это будет гарантировать мне проведённое с вами время.

А у него явно неплохой опыт в склонении девиц к свиданиям. Переговорить его почти так же трудно, как его старшего брата. К счастью, темы у нас другие, более приятные для женского слуха и настроения.

Прежде чем отправляться в обратную дорогу, пришлось оставить немало распоряжений слегка растерянным работникам винодельни. Назначить старших до тех пор, пока не вернётся Перетт, а ещё порыться в журнале учёта работников, выискивая, кто же из охранников работал в тот день, когда произошло фатальное недоразумение между Фабрисом и месье Орма.

Немного успокоившись за привычными хлопотами, я решила, что снова ехать в Жардин и ломиться в кабинет непосредственного начальства месье Лимиера сейчас крайне неразумно. Дело уже к вечеру. Да и голове нужно дать остыть окончательно, обдумать все шаги, которые ещё придётся предпринять, чтобы освободить Перетта как можно скорее.

Придётся обратить внимание на то, что Фабрис меня оскорблял, запросить независимую проверку из Санктура

для подтверждения факта порчи лоз. Правда, свидетелей тому – только помощник Перетта. Мальчишка, который даже за свои поступки несёт не самую строгую ответственность. Теперь ещё и на охрану положиться нельзя.

О том, чтобы тем, кто меня предал, теперь жилось несладко, я хорошенько позабочусь. А ещё – подниму бумаги по небольшой сеньории, что досталась “пасынку” от отца в наследство. Разведаю, как там идут дела. Вряд ли хорошо. Фабрис никогда не умел стяжать деньги, скорее – растрачивать. И велика вероятность того, что со своей безалаберной супругой они медленно, но верно погружаются в долги.

Если Фабрис желает лишить меня любимого дела, я должна быть готова лишить его того, что он имеет. Или хотя бы иметь веские основания для того, чтобы пригрозить.

Меньше всего на свете я хотела ввязываться в эту грязную игру. Но, похоже, выхода у меня не оставалось.

Сразу после того, как я решила, что со всеми делами в Шато покончено, мы с Ксавье отправились в сторону имения Эйл. Конечно, гостить маркиз не собирался, но мне хотя бы нужно было предоставить ему экипаж, чтобы он мог добраться домой. Свою карету де Ламьер оставил в Марбре, да ещё и с распоряжением, чтобы кучер возвращался в Энесси без него.

– Мадам, – прежде чем распрощаться со мной, Ксавье проводил меня до крыльца и всё же позволил себе взять за руку, – я прошу вас не изводить себя тревогами. Поверьте, я

привлеку все свои знакомства для того, чтобы помочь оправдать месье Орма как можно скорее.

– Боюсь, для этого нужны знакомые самого высокого положения. – Я вздохнула.

В суде, Управлении или даже при королевском дворе – кто угодно, кто мог повлиять на ход этих абсурдных событий. Конечно, у Эдгара они тоже были. В своё время. Но за тот год, что его не было со мной, я слегка утратила подобные связи. Да и не все рвались иметь дела с женщиной, которую многие считали выскочкой, взявшей на себя слишком много.

– Не буду лгать, что все знакомства, о которых я говорю, лично мои. Однако я постараюсь сделать всё возможное, – всё же предупредил меня маркиз.

Видно, чтобы я не питала уж слишком больших надежд.

– В который раз за сегодня я благодарю вас, милорд?

Мы подошли почти к самой парадной двери, когда вдалеке послышался стук копыт и экипажных колёс по гравии. Небольшая, но удобная повозка остановилась чуть в стороне, и кучер ожидающе устался в нашу сторону.

– Знаете, несмотря на все неприятные события этого дня, я был рад провести его с вами. – Ксавье мягко пожал мои пальцы и отпустил, словно ещё памятуя о своём обещании держать руки за спиной.

– Вы уверены, что не можете остаться на ужин?

Мысленно я всё же понадеялась, что он не передумает уезжать. Нет, не потому, что мне было неприятно его общество.

Просто всё случившееся немало утомило меня и для любезностей за ужином уже не было ровным счётом никакого настроения.

– Нет, я поеду. Пока доберусь, будет почти ночь. А мне хотелось бы решить некоторые вопросы поскорее.

Ксавье приложил ладонь к груди там, где сейчас лежала коробочка с поражённым хворью виноградным листом. А затем уехал, пообещав, что садовник из Энесси прибудет ко мне в самые кратчайшие сроки.

Хотелось бы верить...

В холле меня встретила мадам Хибоу, чем-то крайне встревоженная и даже расстроенная. Показалось, что она и всплакнуть успела: уж больно подозрительно покрасневшими были её глаза.

– Вы, наверное, очень голодны, ваше сиятельство, – проговорила она трагично.

Словно я вернулась из опаснейшего путешествия, где меня могли убить или по крайней мере покалечить. А тут приходится сохранять лицо и спрашивать о чём-то столь незначительном.

– Да, прошу, распорядитесь подать мне ужин в комнату. – Я прошла дальше, на ходу снимая шляпку. – Что-то случилось?

Селина тяжело вздохнула и, немного пошелестев какой-то бумажкой, протянула мне вскрытое послание. Я прочитала его два раза, всё больше закипая, хоть и понимала, что это

необходимо.

Его светлость, королевский дознаватель, вызывал мадам Хибоу для дачи необходимых показаний через два дня. Почему именно тогда, а не, к примеру, завтра – кто знает.

– Мадам Хибоу, – проговорила я, возвращая ей извещение. – Вас ни в чём не обвиняют. Это просто протокольная необходимость. Вы ответите на вопросы и поедете домой. Вот и всё.

– Хотелось бы, чтобы это было так. Его светлость... Он очень тяжёлый мужчина. Одно слово – дознаватель. Как глянет – у меня, признаться, душа в пятки. И глаза у него такого цвета. Вы замечали?

Ещё бы! Такой необычно яркий цвет сложно не заметить. Особенно если эти глаза находятся очень близко. Ровно в тот миг, когда по губам уже скользит почти обжигающее дыхание месье очень-сурового-дознавателя. И ты вполне ясно осознаёшь, что происходит нечто непозволительное, но уже, кажется, ничего не можешь с этим сделать.

Так. И о чём я снова думаю?

– Кажется, вы очень смело выступали против него недавно.

– А что мне ещё оставалось делать? – вздохнула экономка. – Мужчина в вашей спальне...

Да, случай и правда из ряда вон. Если вспомнить, что в моей спальне не появлялся даже муж. А тут целый герцог не худосочного десятка! Да ещё и со своим гигантским псом.

Тесновато...

– Надеюсь, кроме извещения, в моё отсутствие ничего больше не произошло?

– Вам тоже пришло послание, миледи, – торопливо ответила Селина, слегка успокоившись.

Аккуратный конверт, скреплённый малой печатью дома Энесси, и правда ждал меня на столе в комнате. Я почти безразлично развернула его, уже отчаявшись предположить, что может быть внутри. Но это оказалось всего лишь безобидное приглашение на пикник в воскресенье – лично от вдовствующей герцогини.

И раз уж я уверила её, что постараюсь приехать, придётся-таки постараться.

Глава 11

“Рен, я говорю тебе, что это не нужно. Все эти флакончики, катализаторы... – недовольно ворчал Лабьет, лёжа сбоку от кресла Ренельда. – Пойдём спать, а? Я совершенно точно уверен, что светлая аура мадам Конфетки не имеет границ”.

– А если ты просто пережрал света? – с сомнением отозвался тот. – И не успел понять толком. Даже валялся вон в бессознательном состоянии неизвестно сколько.

“Не в бессознательном, а спал. – Шинакорн тут же приподнял голову. – Это разные вещи”.

– Вещи разные, итог один. Я должен проверить.

Пёс шумно вздохнул, а Ренельд открыл узкий короб с небольшими – примерно в палец – флаконами внутри. Сегодня после довольно въедливых пререканий удалось раздобыть его у архимага Илера Бэттона. Тот предпочитал проводить исследования лично, если уж до этого доходило дело. Но позволить ему взглянуть на ауру Мариэтты вперёд себя Ренельд не мог.

Потому пришлось уговаривать, приводить самые веские доводы, льстить и даже немного угрожать.

– Хорошо! – наконец сдался упрямый брюзга, встряхивая широкими рукавами своей хламиды. – Но только за последствия я отказываюсь нести ответственность, ваша светлость! Надеюсь, вы и правда знаете, как обращаться с такими сна-

добьями.

– Не беспокойтесь, – ответил Ренельд, быстро, пока архимаг не передумал, выхватывая из его рук заветный короб. – Я не прогуливал лекции по алхимии.

Но теория – это одно, а вот практика, как водится, – совсем другое. И Ренельду раньше всего один раз довелось воспользоваться подобными катализаторами. Повод был прескверный – вспоминать и не хочется.

Вот настал и второй. И кто бы мог подумать, что он снова будет связан с женщиной. Тем более – с несносной вдовушкой, которая слишком строго блюдёт свои секреты.

Ренельд провёл пальцем вдоль ровной шеренги флаконов. В каждом – весьма опасное зелье. Если использовать их в неположенных количествах. Зато чувства обостряются до предела – и даже по капле крови вдовушки можно будет считать её ауру. Раз уж она сама отказывалась от подобной проверки всё это время.

Строго говоря, Мариэтта права. Без обвинений никто не мог этого потребовать. Другое дело, что, нащупав некую ниточку, Ренельд уже готов был пойти до конца, чтобы выяснить, куда она ведёт.

Да, ночью будет нехорошо. Но к утру все последствия должны пройти.

Потому Ренельд выбрал нужную склянку, откупорил и выплеснул её содержимое, весьма ядовитое на вид, в рот. По языку тут же растеклась невыносимая горечь – будто и прав-

да отравя. Но вместе с тем, как снадобье проникало глубже, все чувства, кроме нужных, начали притупляться.

Ренельд взял крохотный кинжал, лишь едва испачканный в крови Мариэтты, и осторожно провёл им по впадине ладони. Главное – чётко попасть вдоль линии ауры, тогда восприятие будет наиболее острым.

“Смотри не расплавь себе мозг, – буркнул шинакорн, явно уязвлённый тем, что его слова не были восприняты достаточно серьёзно. – А то придётся сдавать тебя в дом скорби. Там тоска смертная. И наверняка кормят паршиво”.

– А ты и рад бы меня сдать, – усмехнулся Ренельд.

“Да кому я, кроме тебя, нужен”.

Стоило только опустить расслабленные руки на стол, как всё вокруг начало меняться. Кабинет исчез, словно его выжгло неистовым пламенем огненного эсприта из Бездны. Ещё мгновение слепоты – и Ренельд как будто оказался внутри сферы фиксирующего артефакта. Посреди переплетения нитей чужой силы, которые порой так трудно разобрать на составляющие, чтобы отделить нужное от ненужного. От фона и помех, от следов недавних заклинаний. Сейчас же всё виделось совершенно по-другому, предельно ясно и чётко.

Ренельд будто бы шёл по наполненной светом комнате и не видел ни одной стены. Ни одной тени, пятнышка тьмы, по которой можно было бы понять, что аура вдовушки такая же, как и у других магов. Совершенно обычной структуры. Может быть, сильнее, да, но более ничем не примечательная.

Но сколько бы Ренельд ни продирался вперёд, шурясь от невыносимого обжигающего света, задыхаясь от нарастающего по всему телу жара, а не мог даже обозначить для себя конец этого странного пути. Ноги словно проваливались в песок, в висках мелко бились раскалённые иголки. В горле становилось всё суше.

“Рен, хватит! – прорвался голос Лабьета сквозь гудение крови в ушах. – Ты меня слышишь? Эй! Ещё не хватало, чтобы ты тут ноги протянул. Тебе-то хорошо, спокойно. Ни забот, ни хлопот. А мне какво? Эгоист”.

Нарочито резкие слова шинакорна и правда заставили вновь ощутить хотя бы границы себя. Свою ауру, сейчас до краёв затопленную чужой, но это лишь визуальная иллюзия. На самом деле ауры Мариэтты здесь нет. Нет...

Голова разламывалась всё сильнее. Ренельд, едва владея собственными руками, которые даже не видел, нащупал другой флакон особой формы – как раз на такой случай. Чтобы распознать не глядя. В нём снадобье, ослабляющее катализацию. Теперь не промахнуться мимо рта... Кажется, выпил – сейчас это было сложно понять.

И, к счастью, рвущее мышцы в ключья напряжение начало спадать, оставляя за собой только неподъёмную слабость. Главное, не упасть головой на стол – это чревато ушибами и неприглядным следами на лице. Едва найдя равновесие в собственном теле, Ренельд сумел-таки откинуться на спинку кресла. Теперь замереть, не шевелиться и позволить всему

вернуться на свои места.

“Кажется, пускать слюни в беспамятстве после встреч с мадам Конфеткой становится для тебя доброй традицией. – Лабьет положил голову на колени Ренельда. – И я почти уверен, что Ксавье сейчас занят примерно тем же”.

– Лежит в беспамятстве? – больше для того, чтобы зацепиться за реальность, поинтересовался Ренельд, опуская ладонь на бугристую макушку шинакорна.

“Пускает слюни на подол графинюшки. Возможно, целует ей ручки. Или не только их. Смотря как близко она его допустила”.

В особо восприимчивом, почти воспалённом сейчас воображении сразу же возникли картины, одна другой ярче. Ксавье вполне способен задурить голову почти любой женщине. Он тренировался на адептках Санкура несколько лет, доводя свои умения до совершенства. Хотя бы в этом. Помнится, его возлюбленные менялись каждые три месяца – Ренельд не успевал запоминать ни них лица, ни их имена. Наверняка истосковавшаяся по мужскому вниманию вдовушка – вполне себе лёгкая добыча.

Словно уколотый этой мыслью, Ренельд вздрогнул и сел прямо. Часто заморгал, пытаясь взглянуть в обстановку кабинета, уже почти полностью погружённого во мрак. Закат розоватым заревом догорал на витражах окон. На улице становилось всё тише.

“О! Живой таки! – довольно выдал Лабьет. – А я так и

знал, что мысль о Конфетке и Ксавье вместе тебе не понравится”.

– Откуда бы тебе это знать? – Ренельд опустил на шинкорна ещё чуть заторможенный взгляд.

Тот повиливал хвостом, показывая, что злиться на него нет смысла.

“Потому что ты не доверяешь ни братцу, ни ей”.

– Зато я доверяю себе. И тебе. Немного. – Ренельд едко улыбнулся. – В общем, ты прав. Я никогда ещё такого не видел. Такую ауру. Она...

“Ужасающая?” – подсказал пёс нужное слово.

– Да. Казалось бы, свет – это хорошо. Но я как будто побывал в пустыне. Как она живёт с этим?

Только представить, как внутри женственного и хрупкого на вид тела Мариэтты бьётся этакая всежигающая мощь, сразу становится не по себе. Можно было бы сказать, что Ренельд в таком же положении – только по другую сторону стены. Но нет. Его аура хоть и тёмная, но не полностью. Просто светлая часть гораздо... гораздо слабее. Кто-то может подумать, что её и вовсе нет, но это не так.

А тут...

“А как ты думаешь, зачем ей эти камушки? – хмыкнул пёс. – Вайлеты. Да ещё и с запасом. Уж явно не для красоты”.

Да уж, порой казалось, что чем меньше на вдовушке одежды и разного рода украшений, тем лучше. Бывает же такая красота – яркая, словно нарисованная тушью. Ей не нужны

лишние детали, она сама по себе цельная.

– Значит, с их помощью она маскировала ауру. Как я и предполагал...

“Да ты вообще молодец, когда не злишься и соображаешь трезво”.

Ренельд взял со стола бархатку Мариэтты, встряхнул, заставляя вайлет качнуться, блеснуть, ловя скупой свет из окна. Уже то, что вдовушка выбрала для себя украшение с таким непростым камнем, многое говорило о том, в какой опасности она находится. Не только потому, что аура такой силы может разрушить её тело гораздо раньше старости. Но ещё и потому, что почти каждый, кто узнает о её возможностях, захочет присвоить себе хотя бы часть их.

Не поэтому ли Эдгар заинтересовался не слишком знатной девушкой, взял её в жёны и отдал в наследство ей практически всё, что у него было? Не поэтому ли научил её не выпячивать свою силу, более того – скрывать её? Чего же он хотел на самом деле... Не только ведь облагодетельствовать столь одарённую магиссу? У человека такого ума и возможностей, как граф Эйский, должны были быть ещё какие-то мотивы, чем просто желание делить постель с молоденькой, благодарной ему за покровительство девицей. И тешить своё самолюбие.

“Нужно вернуть ей камень, Рен, – вдруг серьёзно проговорил Лабьет. – Я видел, как её выжигает, когда она долго остаётся без защиты. У неё есть ещё камни. Но забирать этот

весьма подло. Рен...”

– Да, я понимаю. Я отправлю ей его прямо сейчас.

“Отправишь? – недоуменно дёрнул ушами шинакорн. – Эй! Честно говоря, я лучше бы съездил к мадам Конфетке, чем к этой твоей Леоноре. Объяснился бы... Извинился”.

Ренельд взглянул на его, приподняв брови.

– За что это я, позволь узнать, должен извиняться?

“За то, что ты порой редкостный гад”.

– Это не имеет отношения к текущему делу. Если я не буду гадом, всякие графинюшки начнут спотыкаться, потому что у них слишком высоко задран нос. – Ренельд встал, покачнулся, но, подержавшись за спинку кресла, всё же вновь сдвинул себя с места и подошёл к окну. – Я отправлю ей камень с надёжным посыльным. И приложу записку. Это ты сочтёшь достаточным, чтобы она поняла, что я не задумывал зла?

“Ну, не зна-аю, – протянул пёс, явно издеваясь. – Записка не передаст всех красок твоего раскаяния”.

– Скорее всех красок моего негодования от её самоуверенности. И заносчивости.

“В кои-то веки кто-то переплюнул в этом тебя”.

– Ты, вообще, на чьей стороне? – Ренельд вновь повернулся к шинакорну, устав разглядывать пустой двор резиденции.

“Я на той стороне, где тебе будет лучше”.

– Мне станет лучше, если я поскорее разберусь с этим де-

лом и отыщу того, кто ворует чужие ауры.

“Я обшарил весь дом графинюшки, весь двор, обнюхал всех слуг. Хоть это грозило мне ударом сковородкой по голове. И почти уверен, что тот, кто установил ловушку, не живёт там. Мне показалось, что я нашёл слабый след, что тянулся за пределы имения. Но могу ошибаться”.

– Значит, это не слуги?

Лабьет задумался, чуть задрал голову к потолку.

“Похоже, нет”.

– Да и это было бы слишком очевидно, – согласился Ренельд. – Вряд ли кто-то, кто хотел ограбить мадам д’Амран...

“Конфетку”.

Ренельд гневно покосился на пса, который, как водится, соорил самый невинный вид.

– Д’Амран. Так вот, вряд ли он стал бы оставлять такую очевидную связь. Скорей всего, это был тот, кто не обитает в доме постоянно. Или вообще появился там только один раз.

“Но почему тогда ловушку не поставили по дороге к её дому? – озадачился шинакорн. – Так отыскать следы было бы ещё сложнее”.

– Думаю, этот кто-то знал, что в доме графини много магов, она сотрудничает с Академией Санктур. А значит, ловушка может сработать зря. Это вообще может обернуться убийством, если маг окажется не слишком силён, чтобы справиться с такой атакой. А убийство – это совсем другая ответственность.

Ренельд поймал себя на том, что, рассуждая, перебирает пальцами кружевную бархатку Мариэтты. Спohватившись, он вновь отложил её на стол.

“Но ловушки, в которые попали Леонора и тот магистр... Они как раз были установлены на дороге”.

– Верно. Но, думаю, тот, кто это устроил, просто был уверен в том, что поймает там нужного человека. В Санктуре много преподавателей – и все сильные маги. Многие живут в окрестностях Академии.

“А на дороге за городом?” – не унимался шинакорн.

Но порой он наталкивал на очень верные вопросы. Всё же научен долгой жизнью рядом с королевским дознавателем.

– На том повороте путь один – до имения графа де Берга. Леонора должна была возвращаться домой совершенно точно.

“Значит, кто-то знал о её планах? Ну, о том, что она решит после бала отправиться домой на неделю”.

– Об этом знали все в свите матери. А значит, и все в доме. К тому же она могла поделиться этим с сокурсниками. Да с кем угодно. Это не тайна.

“М-да...”

– Значит, будем искать другие пути. Но Леонору я должен проведать. Расспросить, составить протокол. Раз это не удалось сделать до меня.

“Думаешь, она сгодится тебе в жёны? – казалось бы, не-попад спросил Лабьет. – Приказ короля ещё никто не отме-

нял. Да и кто его отменит, кроме самого короля. А значит, жениться всё же придётся. Да, Рен?”

– Почему нет? – Тот пожал плечами. – Леонора сильная магисса. Одна из лучших на своём курсе. Она красивая девушка...

“И к тебе явно равнодушна, – добавил пёс. – Мало хлопот. Она и так сделает для тебя всё. Даже отбелит твою ауру. Разумеется, когда её восстановится”.

– Дело не в этом. Вернее, не только в этом. Мне приятно находиться рядом с ней.

“Да, прости, забыл, что платонические глупости важнее всего, – голос Лабьета в голове так и источал ядовитые миазмы. – Цветочки, прогулки под луной, держание за руку. Тебе самому не смешно?”

– В этом всё вообще мало смешного, если ты не заметил! – вскипел Ренельд. – Если нужно, буду дарить цветы и держать за руку. Но решать это как-то придётся.

“У меня есть другой вариант... Получше”.

Шинакорн многозначительно замолчал. Но Ренельд и так чувствовал, как испытующе тот на него смотрит. Ждёт, зная, что его намёк ударит точно в цель.

– Не-ет. – Он отрицательно взмахнул рукой. – Нет. Нет. Нет. Да мы убьём друг друга!

“Ха! Ты тоже об этом думал!”

– Замолчи!

“Но думал ведь! – Лабьет обежал Ренельда и уставился

прямо на него. – Мадам Конфетка! Ну, соображай, Рен! Да, придётся трудно. Но это же интересно! Она такая хорошенькая, когда злится. Ты замечал?”

– Закрыли тему!

Похоже, Ренельд рывкнул вслух и достаточно громко, потому что через миг в дверь деликатно постучали и внутрь заглянул Тибер.

– Ты ещё здесь?! – Ренельд взглянул на часы.

Время уже почти полночь.

– Я подумал, раз вы здесь, то вам что-то ещё может понадобиться. Ваша светлость. – Тибер потёр глаза – видно, только что дремал.

Что ж, его рвение не может не радовать. Однако порой оно даже чрезмерно. Услужливость вовсе не то же самое, что эффективность.

– Да. Вот. – Ренельд взял со стола бархатку Мариэтты и положил её в плотный конверт. – Запечатай и отправь с посыльным в имение Эйл. Графине д’Амран. Как можно скорее. И до того, как мы отбудем к графу де Бергу. А сейчас, ради света Первородных, иди спать. Мне завтра нужен помощник, а не варёная рыбина.

– Понял, ваша светлость! Доброй ночи! – бодро рапортовал Тибер и вновь скрылся за дверью.

“Ты забыл записку с извинениями”, – заметил Лабьет.

Проклятье! Точно. Но, думается, она только приведёт графинюшку в ещё большее раздражение. Лучше уж встретить-

ся с ней лично и всё объяснить. При случае. Интересно, через сколько встреч с Мариэттой у Ренельда начнёт дёргаться глаз? Не хотелось бы дойти до такого. Но поведение мадам д'Амран могло оставить спокойным только тысячелетний утёс.

Подготовив всё в дорогу, Ренельд всё же отправился спать. Ему обычно не нужно было много времени, чтобы отдохнуть. Спал он почти всегда глубоко и спокойно. Не раз приходилось слышать, что обычно магов, особенно сильных, часто посещают очень яркие сновидения. И причиной тому как раз светлая аура, которая насыщается извне, а значит, впитывает много фоновых энергий. Ренельд же имел совсем другие силы. Наверное, потому его сон был похож на чёрный провал.

Но сегодня что-то пошло не так. Потому что Ренельд видел во сне Мариэтту. Она сидела в ярко освещённой комнате, у вычурного трюмо, в возмутительно соблазнительном виде – в одних только чулках и том самом злосчастном корсете. С кружавчиками. Пыталась сомкнуть сзади крючок безумно дорогого ожерелья из вайлетов, но постоянно промахивалась.

– Рен, помоги, – проговорила она, чуть повернув голову. По её оголённому плечу скользнул невесомый локон.

И Ренельд наконец увидел себя в отражении, стоящим за её спиной. Подошёл, не в силах противиться воле сна и сумасшедшей притягательности Мариэтты, которая сейчас ка-

залась такой открытой и незащищённой. Он забрал у неё концы ожерелья, но только хотел застегнуть, едва лишь коснулся кожи графини, как невольно отдёргнул руки. Потому что та оказалась невероятно горячей – словно брошенная в огонь стальная пластина.

Ожерелье соскользнуло по приподнятой корсетом груди Мариэтты, с колен и на пол. Ренельд посмотрел на свои ладони: от кончиков пальцев по ним расползлся пепельный след. Яркая полоса тлеющего пламени поднималась всё выше и выше по рукам – и жжение было просто невыносимым, точно он сунул руки в печь.

Развернулся в поисках хоть чего-то, чем можно было бы охладить горящую кожу, и замер, потому что позади стоял ещё один мужчина. Его лицо не было знакомо, он ничего не делал, просто смотрел. И от незнакомца веяло холодом привычной силы из Бездны – как такое возможно? Ренельд не знал других магов, кто обладал похожей аурой. Наконец незванный гость сдвинулся с места и подошёл к Мариэтте, ступая чуть крадучись, неспешно. Просто облепляя её фигурку взглядом. А та словно только этого и ждала – замерла, взволнованно дыша и словно бы опасаясь обернуться. Мужчина поднял с пола ожерелье и быстро застегнул его на стройной шее графини. Та поймала его руку, задержав на своём плече.

– Ты просто не хочешь принимать то, что поможет тебе. А значит, проиграешь, – проговорил незнакомец, мягко по-

глаживая костяшками пальцев нежную кожу Мариэтты.

Спустил ладонь ниже и кончиками пальцев скользнул по выразительным округлостям её груди.

– Не трогай! – Ренельд даже не узнал свой голос.

Дёрнулся было остановить незнакомца, но, едва сделав шаг, рассыпался пеплом.

Проснулся, еле дыша. Резко сел под грохот мебели, что опрокинулась во всей комнате разом от страшного удара воздушной волны, замешанной на тёмной силе. Что-то треснуло, разлетевшись в щепки. Звякнул умывальник, когда на него упала ширма.

“Эй! – возмутился Лабьет из своего угла. – Ты чуть меня не пришиб! Что случилось?”

– Просто скверный сон.

“Да ну?”

– Видимо, из-за катализации чутья. Бывает.

За окном уже светало, а значит, можно было не ложиться снова. Позавтракав и собравшись, Ренельд спустился во двор, где его уже ждала повозка, а в ней – Тибер. Правда, не собранный и бодрый, каким хотелось бы его видеть. Он спал, привалившись виском к стенке кареты, а та даже слегка подрагивала от его храпа.

Ренельд не стал будить его, велел кучеру трогать. В дороге ассистенту ещё хватит времени выспаться.

“Ты какой-то слишком задумчивый сегодня, Рен, – проговорил Лабьет, устраиваясь на сиденье рядом. – Точно всё

в порядке? Что тебе снилось?”

– Благодаря тебе мне снилась мадам д’Амран.

“Оу! – оживился шинакорн, но быстро сник. – Хотя... Если ты проснулся ночью, на ходу грома комнату, значит, и правда сон был неприятным”.

– Кажется, я видел похитителя аур.

“Газетчики зовут его “Собиратель”, – как бы невзначай упомянул пёс. – Они уже обо всё пронюхали”.

Да, Ренельд успел заглянуть в утреннюю газету перед выходом. На первой полосе и правда красовалась статья о нескольких случаях похищения аур, которые, впрочем, пока не обрели опасного размаха.

– Им лишь бы подобрать звучное словцо. – Ренельд уставился в окно. – Но я вовсе не уверен, что видел настоящее лицо этого Собирателя. Может, это только моя фантазия. Примерный образ...

“Да, и мы ещё не знаем, мужчина ли это”.

– Верно.

“А Конфетка тут при чём? Ну, ты сказал, что видел её тоже”.

– Он как будто знал её. Знал, что она скрывает.

“Может, это и правда только фантазия, Рен? Сны... они часто просто сны. Отражение переживаний, впечатлений... желаний”.

– Вот только не начинай!

“Как хочешь”.

Лабьет опустил голову на лапы и демонстративно прикрыл глаза. Может, хоть по дороге не будет донимать своими сводническими разговорами о Мариэтте. Как вообще перестать постоянно о ней думать?

Однако, прежде чем свернуть на дорогу, ведущую прямоком из города, Ренельд велел кучеру заехать в Санктур. Как раз по ещё одному делу, связанному с вдовушкой. А возможно, и со всем расследованием в целом. Если повезёт.

Летняя сессия в Академии подходила к концу, поэтому во дворе было уже не таклюдно, как в прошлый раз, когда Ренельд приезжал сюда вместе с Ксавье. Только между колоннами у входа в тени прятались несколько адептов, о чём-то яростно споря.

“Эй, ты чего?” – Лабьет наострил уши, озираясь, когда перед ним открылась дверца кареты.

– Нужно сделать одно дело. Быстро.

Ренельд вышел под палящее солнце, невольно глянул в выжженное небо, не замаранное даже обрывком какого-нибудь залётного облачка. Если так и дальше пойдёт, земледельцы начнут тревожиться. Цены на услуги магов-погодников взлетят до небес. Только из-за того, что они единственные, кто может сотворить хоть каплю дождя. В отдельно взятой местности, разумеется. Такие уловки по карману только зажиточным фермерам.

На посту охраны Ренельда встретили только кивками и приветствиями, никто не задержал его даже на мгновение:

все знали в лицо.

Хорошо знакомыми переходами он поднялся до кафедры магической ботаники. Пустые по летнему времени коридоры встретили тишиной и ощутимым запахом земли и листвы. Леса. Здесь, если неосторожно заглянуть в одну из лабораторий, вполне можно натолкнуться на голодное хищное растение, которое выращивает кто-нибудь из аспирантов для получения первой учёной степени.

“Мрачновато, – заметил Лабьет, тихо труся следом за Ренельдом. – Так и не скажешь, что здесь изучают пестики-тычинки”.

– Здесь изучают гораздо более опасные растения, чем ты вообще можешь себе представить. Впрочем, как и способы увеличения урожайности тыкв.

За дверью кафедры кто-то разговаривал – на довольно повышенных тонах. И не успел ещё Ренельд постучать, как в коридор вылетела чуть встрёпанная рыжая девушка в ярко-зелёном клетчатом платье. Она обиженно шмыгнула носом, хорошенько саданула створкой о косяк и, едва взглянув на необычных посетителей, умчалась к лестнице.

“Нервное это дело... Цветочки культивировать”, – вздохнул шинакорн, проводив её взглядом.

– Профессор Селери? – Войдя, Ренельд кивнул мужчине, который сразу повернул к нему седоватую голову. – Можно?

Кроме него, здесь никого не было. Почти все аккуратно убранные столы пустовали, но некоторые были завалены тол-

стыми папками. Похоже, значительная часть преподавателей либо занята экзаменами, либо уже прохлаждается в отпусках.

– Ваша светлость! – заметно обрадовался Жак. – Не ожидал... Какими судьбами вы, да ещё на нашей кафедре?

Он отложил в сторону пухлую связку листов – похоже, как раз ту, по поводу которой спорил с рассерженной адепткой.

– Простите, что я не с праздным визитом. – Ренельд развёл руками. – Но, может так статься, что по весьма важному и загадочному делу.

– Я весь внимание, милорд. – Профессор нашарил на столе пенсне и водрузил на нос, словно хотел лучше видеть его лицо.

Присутствие шинакорна ничуть не смутило Жака. Впрочем, мастер Селери был одним из тех, кто в своё время поддержал Ренельда в защите Лабьета и нежелании его уничтожать. Уж кому, как не ему, знать, что порой даже что-то устрашающее и опасное на вид может оказаться полезнее и разумнее некоторых людей.

– У одной моей знакомой, весьма известной особы, возникли некоторые проблемы на винограднике. Она подозревает, что кто-то вредит её лозам с помощью магии.

– Так... – кивнул Селери. – Вы хотите, чтобы я разобрался?

– Было бы неплохо. Если это и правда вредоносное колдовство, то за это следует вполне серьёзная ответственность.

Тем более на фоне такой засухи, которая может превратиться в большую неприятность, если и дальше не будет дождя.

– Понимаю. – Профессор задумчиво поправил пенсне. – Но может статься так, что данный вред не относится напрямую к сфере ботаники. Может быть, это проклятие.

– Может быть. Но ваши специалисты должны распознать, в чём дело. А после уже можно было бы передать это дело подходящим учёным. Однако на ум в первую очередь приходит именно ваша кафедра.

– Со всем уважением, ваша светлость... – вздохнул Жак. – Мне ведь придётся отрывать кого-то из магистров от текущей работы. Или выдёргивать из отдыха. Я могу отправить аспирантов, но тогда не гарантирую эффективность результатов. Хотя...

Он задумался, уставившись на дверь, затем перевёл взгляд на стопку лежащих перед ним бумаг.

– Только не говорите, что та истеричная девица... – Ренельд покачал головой.

– Это вы зря, ваша светлость. Она очень умелая магисса. С хорошим потенциалом и пытливым умом. И как раз, представьте, пишет кандидатскую по борьбе с быстро прогрессирующими болезнями садовых растений. Предполагает, к слову, что многие из них могут быть родом из Бездны. Потому от них не избавиться обычными средствами. Такие случаи, к сожалению, становятся всё чаще после войны. Необъяснимые явления. Истощения аур... Это касается всего. И

растений в том числе.

– И вы считаете, что это всерьёз?

– Ей уже удалось кое-что доказать. Но по многим вопросам мы ещё не сходимся.

“Ещё как не сходятся, судя по тому, как сыпалась штука-турка со стен, когда она выходила отсюда”.

– Я заметил. – Ренельд улыбнулся. – Но не хотелось бы, чтобы за счёт проблем других людей вы ставили эксперименты на своих адептах. И помогали им самоутверждаться.

– Нет, ваша светлость. Что вы! – округлил глаза Жак. – Если бы я не был уверен в том, что Ивлина сумеет разобраться, то не стал бы даже предлагать. Да, она бывает вздорной... Но когда берётся за дело, это абсолютно не мешает.

“У мадам Конфетки тоже непростой нрав, – заметил Лабьет. – Думаю, они либо подружатся, либо месье Лимиеру придётся расследовать дело о нанесении этой аспиранточке тяжких телесных повреждений”.

– Хорошо, – согласился Ренельд, чуть поразмыслив. – Если ей удастся разобраться, я переведу в фонд Академии средства для лично её исследований. Ну а в случае ещё большего вреда... Сами понимаете.

– Разумеется, ваша светлость, – серьёзно кивнул Селери.

– Тогда отправьте мадемуазель...

– Дю Пойр.

– Да, отправьте мадемуазель дю Пойр на виноградник Шато д'Амран. Но прежде не забудьте предупредить графиню.

Письмом с описанием всей ситуации и вашего глубочайшего желания помочь ей в беде, слухи о которой дошли до вас буквально сегодня. И к которой вы, конечно же, не смогли остаться равнодушным.

“Стройно излагаешь, Рен. Я прямо иногда поражаюсь”, – довольно выдал Лабьет.

– Сейчас же этим и займусь, – торопливо подтвердил профессор.

– Прекрасно. – Ренельд кивнул и уже повернулся уходить, но вспомнил об одной немаловажной детали. – И ещё. Пусть моя просьба к вам останется в тайне. И прошу отчёт о проведённых на винограднике исследованиях отправить лично мне. Конечно, этим делом должна была заняться жандармерия, но пока я не вижу подвижек.

“Что, кстати, весьма подозрительно, – буркнул шинкорн. – Ты не считаешь?”

– Считаю, – не стал спорить Ренельд и вновь обратился к профессору: – К слову, меня не будет в Жардине ближайшие сутки. Всего доброго, месье Селери.

– Прекрасного дня, ваша светлость.

“Сомневаюсь, что несколько часов в дороге по жаре и под храп Тибера сделают этот день прекрасным, – проворчал пёс, рысцой следуя за Ренельдом по коридору. – Кстати, а чего это ты решил остаться инкогнито? По-моему, твоя забота благотворно сказалась бы на ваших с Конфеткой отношениях”.

Ренельд резко остановился, едва сдерживая закипающий

в груди гнев.

– А если я не хочу отношений с мадам Конфеткой? Проклятье... Д'Амран! Ты об этом не подумал? Может, она вообще не интересуется меня как женщина.

“Молодая, привлекательная, умная и магически одарённая женщина... Я почти поверил, Рен!”

Вот же несносная заноза!

– Моё желание узнать, что происходит у неё на винограднике, связано исключительно с расследованием. Возможно, между нападением на графиню и порчей лоз есть связь.

Похоже, действие зелья после принятия катализаторов накануне резко прошло. Теперь обо всём, что было связано с Мариэттой, можно было рассуждать гораздо более трезво. Но не всегда получалось.

“Согласен! – покладисто буркнул шинкорн. – Однако заниматься этим делом лично тебе вроде как не к лицу... Но ты всё равно за неё беспокоишься”.

Ренельд только вдохнул, возведя очи горе. Если Лабьет в чём-то убеждён, переговорить его не сможет даже торговец на рынке.

Глава 12

Конечно же, в Управлении насчёт судьбы Перетта ничего утешительного мне не сказали. Кажется, я даже пробилась к главе Жардинского отделения, виконту Томелю де Чейсу. Сумела уговорить его секретаря, чтобы меня пропустили к нему прямо сейчас, а не “по записи через неделю”. Правда, пришлось расстаться с весьма приятной суммой в качестве поощрения симпатии. Приятной для этого алчного прощельги, разумеется!

Но зато глава принял меня довольно легко и без возмущений. И это навело на мысль, что со своим помощником он в доле. Однако это не помешало ему в ответ на мою просьбу соорудить сочувствующий вид и бессильно развести руками.

– Я бы и рад вам помочь, миледи. Но, к сожалению, я не могу изменить порядок процесса правосудия. Сначала будет следствие, – он оттопырил один палец, – затем суд и принятие решения. Но судья не подчиняется мне напрямую. Судья... Это судья! И воздействие на него может выйти себе дороже.

Его глубокомысленные заключения никоим образом меня не успокоили.

– А воздействовать на вашего старшего тугодума... простите, следователя вы можете? – Я чуть наклонилась вперёд над столом.

И взгляд Томеля, очень может быть, против его воли переместился с моего лица на грудь. А ведь довольно закрытое платье для визитов вовсе к тому не располагало.

– У нас есть показания виконта, – попытался строго ответить мне глава, осознав свою оплошность. – Есть показания свидетелей...

– Которые лгут! – не выдержала я. – Не случилось ничего такого, о чём говорит Фабрис д'Амран! И уж никакого вреда его здоровью – тем более!

Как же меня утомило разговаривать с этими столбами мужского пола. Которые старательно делают вид, что слушают меня, а на самом деле, наверное, уже подумывают о том, как будут попить бренди за ужином после тяжёлого рабочего дня.

– Вы можете оставить свои показания у месье Лимиера, – с ожидаемой усталостью в голосе повторил Томель то, что я уже слышала сегодня раз двадцать. И это только с утра! – И он обязательно их учтёт. В свою очередь я обязательно лично ознакомлюсь с делом и дам свои рекомендации по тому, как представить материалы суду.

Он уставился на меня с вопросительным ожиданием. Словно хотел на что-то намекнуть, но опасался сделать это открыто.

– Надеюсь, это будут положительные рекомендации, – с настойчивой надеждой в голосе проговорила я. – Я могу поручиться за своего управляющего со всей ответственностью!

Я знаю его уже не первый год. И гораздо больше он работал у моего покойного мужа. Без единого нарекания.

– Вот это всё вы можете изложить под запись старшему следователю, – растягивая губы в дежурной улыбке, напомнил Томель. – Прошу вас, миледи. У меня куча дел! Не менее важных, чем ваше.

Вот же конторский червь! Дела у него.

Я, едва сдерживаясь, легонько хлопнула ладонью по столу и встала. Под моим взглядом довольно солидный, уже приблизившийся к перезрелому возрасту мужчина дёргано поправил стоячий воротник сюртука. Но несмотря на то, что я ещё пыталась соорудить грозный вид, в моих мыслях территорию всё больше отвоёвывало отчаяние.

Куда пойти ещё? Да не в Магдепартамент же, в самом-то деле. Префект даже слушать меня не станет. Если уж этот заплётённый, словно старое кресло, глава лишь изобразил вежливость и заинтересованность.

Весьма раздражённая неудачной поездкой, я вернулась домой. Немного перевести дух – и на винодельню. Надо бы окончательно разобраться с нерадивой охраной.

– Вас ожидают, миледи, – слегка растерянно предупредила меня Селина, когда я только вошла в холл.

Признаться, сейчас я даже Ксавье не была бы рада. И вообще приятных визитов не ждала.

– Кто? – Я отдала подоспевшей служанке шляпку и перчатки.

– Какая-то девушка, – пожалала плечами мадам Хибоу. – Говорит, приехала из Санктура по поручению своего научного руководителя.

Очень странно: пока что я не готова была обсуждать какие-либо вопросы по стипендиям из Фонда. Хотя порой случалось, что адепты пытались пробиться ко мне лично. Правда, чаще всего они пытались поймать меня где-то в переходах Академии. Самые смелые. Другие же смотрели издали, наверное надеясь, что я должна проникнуться их вопрошающими взглядами.

Нет, хорошо было бы одарить всех адептов. Я была бы вовсе не против. Но цель Фонда, который создал мой муж, была вовсе не во всеобъемлющей благотворительности. А в поощрении самых острых и пытливых умов.

Потому, весьма заинтригованная, я прошла в гостиную – и едва не ослепла от насыщенно-зелёного платья гостыи. Как раз его я и увидела в первую очередь. Затем только над ним нарисовалась рыжеволосая голова, сложенные на коленях руки, весьма уродливая пухлая сумка на диване рядом и носки удобных, чуть запылённых туфель, что выглядывали из-под подола.

– Мадам д’Амран. – Ослепительно-зелёное платье, которое в моих глазах отказывалось существовать совместно с одетой в него девушкой, встало. – Добрый день! Меня зовут Ивлина дю Пойр.

Она протянула мне небольшой конверт, видно рассчиты-

вая, что я всё пойму, прочитав послание.

– Очень приятно, мадемуазель дю Пойр. – Я присмотрелась к девушке внимательнее. Нет, точно не видела её раньше. Хоть фамилия кажется знакомой.

Я быстро пробежалась взглядом по строчкам письма, чувствуя, как брови сами ползут вверх. Однако хорошо знакомый мне профессор Селери оказался весьма заботлив. Возможно, даже излишне. Да и все эти слухи, которые до него якобы дошли, выглядели довольно подозрительно. Кто донёс?

– И что же, всё это, – я встряхнула листком, садясь в кресло напротив, – инициатива вашего руководителя?

– Ну, – Ивлина пожалала плечами, – он уверен, что я могу помочь вам вылечить лозы. Хотя его решение показалось мне слегка неожиданным.

– Отчего же?

– Ничто не предвещало. К тому же перед этим мы повздорили. На научной почве, конечно. А тут он вызвал меня к себе и сказал, что я немедленно должна отправиться в имение Эйл. И отдал письмо.

Всё любопытнее и любопытнее. Сдаётся мне, здесь может быть совсем другой благодетель. Русоволосый, с пронзительно-голубыми глазами и родинкой на щеке. Хотя... Он обещал мне садовника, а это явно не садовник. И даже не мужчина. Другое дело, что Ксавье вряд ли умолчал бы о подобной милости. Да ещё и приложил бы к ней букет цветов по-

пышнее.

– Может, к профессору кто-то приходил? – Похоже, моё общение со следователями даёт о себе знать.

Отчего-то остро захотелось выведать об этом всё что можно. Даже ладони зачесались потереть ими друг о друга в предвкушении.

А девушка, словно почувствовав смену моего настроения, вдруг загадочно усмехнулась.

– Думаю, да.

– И вы знаете кто? – Я заглянула в её лицо. Между прочим, очень даже симпатичное, когда она не хмурится.

– Видела первый раз в жизни. – Ивлина встряхнула рыжими локонами, смелея всё больше. – Высокий, красивый мужчина. Только и всего.

Красивый, значит... Похоже, очень и очень, раз способен вызвать на губах этой серьёзной и наверняка увлечённой науками аспирантки улыбку.

– Светловолосый?

Она загадочно возвела глаза к потолку.

– Я не разглядела в полумраке. У нас в коридорах часто темновато.

Её взгляд стал ещё чуть хитрее. Так-так... Решила меня помучить.

– С ним был такой огромный чёрный пёс? Шинакорн, – спросила я быстрее, чем успела подумать, что этого просто быть не может.

– Не заметила. – Ивлина пожалала плечами. Да как Лабьета можно не заметить?! Или не заметить его отсутствие. – Или постойте... Возможно, эта огромная тень рядом с ним была похожа на шинакорна. Я, знаете, не сильна в породах существ из Бездны.

Сердце дёрнулось было вверх, а затем ухнуло в живот. Как будто я раньше времени обнаружила в тайном месте подарок на именины. Странное чувство. Смесь радости оттого, что это большее, на что вообще можно было рассчитывать. И разочарования оттого, что волнующая интрига разрушена. И ещё более странно было чувствовать это по отношению к месье я-ничего-не-делал дознавателю.

Надо же, какой скрытный! И всё это похоже на очередную попытку хорошенько покопаться в моей жизни. Когда же вы уймётесь, ваша светлость?

– Что ж, – я встала, разглаживая юбку, – я очень надеюсь на вашу помощь, мадемуазель...

– Прошу вас, зовите меня Ивлина, – поморщилась девушка.

– Хорошо, – не стала я спорить. Так даже удобнее. – Надеюсь, вы не откажетесь пообедать, Ивлина?

И гостя облегчённо улыбнулась: похоже, за всеми утренними происшествиями, спорами и разъездами она немало проголодалась. А от мадам Хибоу вряд ли дождалась чего-то, кроме вежливого чая или стакана воды.

За обедом мне удалось хотя бы немного ввести её в курс

дела. И вообще всей этой неприятной ситуации, что сложилась вокруг самого известного в Жардине и его окрестностях виноградника.

– То, о чём вы говорите, очень похоже на явление, изучением которого я как раз занимаюсь, – заметила Ивлина, задумчиво наблюдая за тем, как над её чашкой вьются ниточки пара. – Но чтобы быть уверенной, мне нужно взглянуть своими глазами.

– Тогда не будем терять время. Его у моих лоз, кажется, осталось слишком мало. Они уже зацветают, и если болезнь коснётся соцветий...

– Урожай будет погублен, – закончила за меня аспирантка. – Это наверняка для вас очень большая неприятность.

– Не то слово. – Я покачала головой. – Это самый ценный сорт. Раздобыть его, а уж тем более вырастить из семян, невероятно трудно.

Мы спешно закончили обед и тотчас выехали в Шато. Сейчас мне казалось, что без Перетта там гораздо меньше порядка. Работники передвигаются не так проворно, а то и вовсе слишком надолго задерживаются для праздной болтовни. Завидев меня, они тут же принимались за дела с гораздо большим усердием. Однако то, что произошло с управляющим, похоже, немало волновало их и вгоняло в растерянность.

Месье Расин, один из подчинённых Перетту работников, которого я временно назначила старшим, проводил нас с Ив-

линой на виноградник, после чего оставил вдвоём.

Девушка, едва шагнув вдоль рядов лоз, остановилась и склонилась над одной из них. Перевернула пострадавший лист, потёрла, а затем сунула руку в свою бесформенную сумку, что болталась у бедра.

– Это сдерживающее заклинание... – проговорила чуть рассеянно, шаря в её бездонном нутре. – Кто его создал?

Конечно, признаваться мне не хотелось. Всё же заклинание довольно сложное и малораспространённое. Помнится, Эдгар как раз создавал его для пользования следственными службами. Ну и меня научил – на всякий случай. Вот случай воспользоваться им и представился.

– Его создала я. Чтобы сохранить следы случившегося, если таковые были.

Ивлина довольно удивлённо посмотрела на меня через плечо.

– Вы, наверное, обладаете большими умениями...

Начинается... Кажется, мне было достаточно и одного дознавателя на мою голову. Теперь появился ещё и в юбке.

– Кое-что умею, – всё же не стала я отпираться.

Зачем? Когда этой магиссе, похоже, и так всё видно.

– И большими силами, – добавила та как бы невзначай. – Поддерживать его несколько дней... Это требует немалых ресурсов.

Уж чего, а ресурсов у меня предостаточно.

– При умелом использовании не так уж много. Я нечасто

пользуюсь магией, потому для такого дела мне хватило и моей ауры.

Ивлина понимающе кивнула и наконец извлекла из сумки нечто вроде длинного пинцета и несколько крохотных колб. Она отщипнула с листа частичку похожего на пепельную паутину налёта и положила его в одну из склянок. Затем вдруг совершенно непринуждённо опустилась на колени, чуть приподняв подол. Заглянула под лозу и разгребла землю пальцами у самого ствола прямо с травой.

– Вот, посмотрите! – проговорила она, пыхтя от усилий.

Я огляделась, нет ли поблизости работников, и тоже полезла смотреть, что такого интересного и полезного обнаружила Ивлина. Аспирантка уже аккуратно отковырнула кусочек коры и бросила во вторую колбу.

– Что это?

Я провела пальцем вдоль тёмной прожилки на тонком стволе лозы. Другие такие же обвивали его, словно реки, и казалось, что по ним точно течёт какая-то недобрая энергия. Раньше я такого не замечала. Но и просто так на фоне бурой коры их не разглядишь.

– А это самый главный вопрос, миледи. – Ивлина утёрла со лба лёгкую испарину. – Скорей всего, то, что отравляет ваши лозы, проистекает из земли, а не наложено “снаружи”. Потому-то ваш управляющий и не смог избавиться от болезни. Нет, он всё равно не смог бы, потому что не обладает подобными знаниями. А в этом случае это будет сложно даже

для меня.

– То есть вы справитесь? – Я неловко выпрямилась, забыв, что сижу рядом с лозой, и в волосы тут же вцепились виноградные ветки. – Ой-ёй-ёй!

На лицо посыпались выдернутые из причёски пряди.

Ивлина уселась на землю и помогла мне выпутаться из западни. Правда, теперь я, наверное, была похожа на ведьму гораздо больше, чем бабуля в свои почтенные восемьдесят три года. Хорошо хоть, платье на мне было серо-голубого цвета в полоску – на нём не так видно пыль.

Ивлина же ещё немного поползала вокруг лоз, разглядывая их со всех сторон, то и дело забирая необходимый ей для исследования материал. И наконец, отряхиваясь, встала рядом со мной. Сдула со лба паутинку рыжих волос. Похоже, об изящности своего облика она мало заботилась. Зато её глаза теперь горели азартом и любопытством.

Но это, как ни странно, вселяло в меня надежду.

– Мне понадобится время, чтобы всё изучить, – наконец ответила она на мой вопрос. – День-два. Вряд ли больше. Но всё будет зависеть от сложности заклинания и степени поражения винограда. К счастью, болезнь пока не опасна для соцветий. Вы очень хорошо сдерживаете её рост. И если у вас хватит сил...

– Хватит, – спешно подтвердила я. – Но от болезни, конечно, хотелось бы избавиться поскорей. Боюсь, неровен час один мой недобрый знакомый вызовет инспекцию на вино-

градник. Поводов для этого у него более чем достаточно. Я уверена, что виноват он.

– Этот ваш знакомый... Он маг?

Ивлина потёрла испачканными в земле пальцами друг о друга.

– Нет. Но он мог нанять какого-нибудь мага, чтобы тот навредил лозам.

– Дело в том... – Девушка вздохнула, встряхнув частичку коры в склянке. – Дело в том, что я подозреваю здесь не просто вредоносное колдовство. Структура заклинания очень сложная. И если питать её от своих сил... На это нужно просто огромное количество энергии. Какой маг рискнул бы своей аурой, чтобы это повернуть? Тёмная её часть мгновенно начала бы преобладать!

А для того, кто ещё желает официально заниматься магией, как известно, нет ничего хуже.

– Преступник? – предположила я. – Таких много. Те, которые давно подавили светлую часть своей ауры. А значит, и их сознание изменилось.

– Их не так много, как вы думаете. – Ивлина хитровато прищурилась, как будто знала их всех лично. – В общем, к чему я веду... Сложность вашего случая ещё и в том, что это заклинание вряд ли подпитывается напрямую от мага. Вот что меня беспокоит больше всего. Я, конечно, не сыскарь и не умею считывать чужие ауры, а по ним искать злоумышленника. Здесь нужен другой специалист. Но боюсь, даже ес-

ли бы он у нас был, то никаких следов не обнаружил бы. Потому что тот, кто активировал это заклинание, сюда даже не приходил.

– То есть это порча на расстоянии?

Может быть, поэтому жандармы ничего и не нашли? Представить только, какой я сейчас имею глупый вид в их глазах. Неудивительно, что месье Лимиер смотрел на меня как на параноидальную истеричку в весеннем обострении.

– Точнее я смогу сказать, когда изучу образцы. И если вы желаете, чтобы это случилось поскорее, мне нужно возвращаться в Жардин. А дилижансы до столицы ходят не так часто...

– Вы что же, – возмутилась я, – решили, что я отправлю вас обратно дилижансом?! И вообще... Насколько вам необходимо возвращаться в Санктур сегодня?

Ивлина округлила глаза, кажется решив, что я хочу взять её в рабство. Приковать цепями в подвале и не отпускать, пока она не выдаст мне заключение.

– Сейчас я не занята в Санктуре постоянно... – осторожно проговорила она.

– А дома вас ждут?

– Нет, я родом не из Жардина, – совсем уж тихо добавила девушка. – А к чему вы спрашиваете, миледи?

Она принялась смущенно поправлять ворот платья, словно перед неким ответственным решением. Взглядом метнулась вдоль тропки. Того и гляди подхватит подол и прыснет

прочь, словно кузнечик. К тому же в своём зелёном наряде она как раз на него очень похожа.

– Насколько для вас возможно остаться у меня в гостях до окончания исследований и излечения лоз? – Я примириительно улыбнулась.

Отчего-то в тот миг, когда я снова обрела ясную надежду на благополучный исход хотя бы одного дела, отпустить от себя источник этой надежды вовсе не хотелось. К тому же так у неё будет меньше возможности доложить обо всём Ренельду, если он ждёт какого-то отчёта. В конце концов, Ивлина заметила, что он красив, и вряд ли это можно было сделать при мимолётной встрече в полумраке коридора. Потому как бы их знакомство не было гораздо более детальным и в итоге Ивлина не получила от него самые прямые распоряжения.

Кто знает? Ведь он въедливый, словно заклинание для чистки ночных горшков, этот месье дознаватель! С ним нужно быть готовой ко всему.

Хотя, признаться, за такую помощь я была немало ему благодарна. Возможно, садовник из Энесси мне уже не понадобится. Надо бы отправить послание Ксавье, чтобы не хлопотал попусту. К тому же вряд ли герцогиня пожелает расстаться надолго со столь ценным работником.

– Но... – девушка явно замялась. – Мне нужны будут некоторые реагенты. И место, где я могла бы заняться исследованием.

– Вам будет выделена гостевая комната. И кабинет, если

пожелаете. К тому же все средства для исследований, что были у моего мужа, будут в вашем полном распоряжении.

– Лаборатория мастера д’Амрана? – едва не взвизгнула от восторга Ивлины.

Я утвердительно качнула головой. И у самой на душе стало удивительно светло от столь явного проявления её радости. Ещё бы! Мало какой увлечённый изысканиями адепт или даже магистр отказался бы побывать в рабочем кабинете бывшего ректора Санктуре. К слову, разнообразные исследования Эдгар не оставлял до самой смерти. Жаль только, что ему лично они не помогли. Да и мне тоже.

– Свет Первородных! Тогда я остаюсь! – поправив на плече свою ужасающую суму, согласилась аспирантка. – Хоть на год.

– Надеюсь, что год всё же не понадобится, – усмехнулась я. И тут же спохватилась: – Простите, это вовсе не значит, что ваше общество мне неприятно...

– Я понимаю, не беспокойтесь. – Ивлины махнула рукой и пошла по дорожке обратно к главному зданию винодельни.

Интересно, откуда она всё-таки родом? Фамилия намекает на знатное происхождение. Но после войны многие разорились и от бывшего состояния остались только долги и слёзы. Ивлины не выглядела напыщенной и избалованной аристократкой. Однако она училась в Санктуре, а для этого нужны не только способности к магии выше среднего, но и довольно немалые средства.

Что ж, возможно, у нас ещё будет время познакомиться поближе. Мало какая новая знакомая оказывалась так мне приятна и в какой-то степени близка. Но вот это жуткое платье – от него у меня скоро разболится голова. Надо бы подобрать ей несколько других на то время, пока она будет жить в имении Эйл. Если её это не оскорбит.

Однако перед возвращением домой меня ждало ещё одно неприятное дело: с невероятным трудом и немалыми средствами мне удалось сегодня утром раздобыть список фамилий свидетелей с винодельни, что дали показания против Перретта. Многие меня удивили. Теперь же настало время подготовить распоряжения об их увольнении. Пусть теперь их вместе с семьями содержит Фабрис, если ему так угодно. А привечать предателей рядом с собой я не намерена. И когда мне удастся добиться оправдания управляющего, их ещё будет ждать и обвинение в даче ложных показаний.

Они очень ошиблись, когда решили пойти против вдовы графа д'Амран!

Глава 13

В полнейшем ментальном молчании Ренельд и Лабьет добирались до Форета. Пёс заметно дулся, Ренельд старался не передать ему ни одной лишней мысли. Тибер перестал храпеть от лёгкой тряски, когда повозка выехала на загородную дорогу, а проснулся уже на подъезде к имению графа де Берга. Заморгал, потянулся, явно довольный тем, что его путь прошёл настолько необременительно.

– Тебя хоть убивай во сне, не вздрогнешь, – усмехнулся Ренельд, наблюдая, как весьма помятый ассистент пытается привести себя в порядок.

– Простите, ваша светлость, – хрипло проговорил тот.

– Надеюсь, что ты теперь достаточно бодр, чтобы работать активно.

– Да, ваша светлость. Кстати, ваше послание в имение Эйля я отправил.

“Ну, хоть это не проспал”, – ворчливо буркнул шинакорн, который тоже открыл глаза. Хоть и не спал – только делал вид.

– Хорошо, – кивнул Ренельд, чувствуя, как даже от мимолётного воспоминания о Мариэтте в голове словно бы пронёсся порыв жаркого ветра.

А ведь не думал о ней всю дорогу.

“Почти не думал”, – уточнил Лабьет, уловив обрывки его

размышлений.

Всё же чем больше они находятся бок о бок, тем сложнее становится хоть что-то от него скрыть. И сложнее отделить свой внутренний голос от голоса шинакорна. Так, между прочим, и до расщепления личности недалеко. Особенно с событиями последних дней. Особенно с постоянным нудением Лабьета в голове насчёт вдовушки д'Амран...

Имение Форет встретило гостей свежей прохладой кедровых аллей и прудов, что в изобилии были разбиты в тенистых низинах. Граф де Берг, как и его отец, унаследовал в своё время довольно прибыльное дело торговли пряностями и орехами. Но при случае умел быстро распознавать и другие выгодные инвестиции – и почти всегда оставался на волне. Его любили и уважали в обществе, потому Ренельд не сомневался, что мать не раз обращалась к мысли женить сыновей на девицах семейства де Берг.

Посыльный ещё накануне доставил Адемару известие о приезде королевского дознавателя, а потому гостей здесь ждали. Встретили едва не как родных, проводили в комнаты. Словно надеялись, что Ренельд с помощником – пусть даже и так! – задержатся в Форете хотя бы на пару-тройку дней.

– Очень рад, ваша светлость! – рассыпался граф в любезностях. – Эти бестолковые жандармы только вытоптали нам газон, когда обшаривали всё вокруг. Но ничего не нашли. Ни здесь, ни на дороге.

Адемар проводил гостей в свой кабинет, усадил в удобные

кресла и велел прислуге подать аперитив.

“Ну конечно, – проворчал Лабьет, укладываясь на ковёр у камина. – А про меня забыли”.

– У тебя и без аперитива прекрасный аппетит, – заметил Ренельд, а графу ответил: – Такова их работа. Они должны были убедиться, что больше мадемуазель де Берг ничего не угрожает.

Адемар только сокрушённо покачал головой, закатив глаза. Посмотрел в огромное окно за своим внушительным креслом и наконец уселся в него тоже.

– Леонора скоро вернётся. Она вышла прогуляться с матерью. После обеда вы сможете поговорить с ней обо всём, что посчитаете нужным. Но, если честно, ваша светлость... – Граф тяжело вздохнул. – Я опасаюсь за её состояние. Прошло уже несколько дней, а она всё ещё ужасно бледна и довольно слаба. Жалуется на дурноту и головную боль – особенно к вечеру. Наш врач, к сожалению, ничего не может с этим сделать. Она, конечно, будет многое перед вами отрицать. Девуцы, сами понимаете... – Он многозначительно помолчал. – Но я хочу, чтобы вы знали всё.

– Это правильно. Мне важно знать о нынешнем состоянии вашей дочери. Для лучшего понимания ситуации.

Ренельд кивнул служанке, которая поставила перед ним на стол небольшой поднос с графином с щедро разбавленным травяным ликёром и несколькими вазочками с самыми разными орехами. Тибер, который тихонько сидел в сосед-

нем кресле, с лёгкой опаской покосился на угощение. Как он рассказывал, на орехи у него с детства жуткая аллергия.

– Слышал, произошло ещё несколько подобных случаев, – озабоченно поинтересовался граф. – Это для чего же кому-то понадобилось воровать чужие ауры?

– Для разных целей, – пояснил Ренельд. – Торговля, временное пополнение для разных сильных заклинаний. Или для улучшения здоровья. Да что угодно.

“Возможно, кто-то готовит какую-то крупную заварушку”, – резюмировал шинакорн.

Тут не поспоришь. Но мотивы того, кто решил покуситься на чужое, оставались пока самой главной загадкой. Иначе всё было бы гораздо проще.

– В любом случае, ваша светлость, мне, как отцу, очень лестно ваше внимание к несчастью, что случилось с моей дочерью, – граф вдруг свернул совсем в другую сторону.

Ренельд натянуто улыбнулся. Похоже, Леонора не преминула похвастаться всем, что случилось в Энесси. Но ей повезло, что это не переросло в нечто гораздо более серьёзное, чем флирт и поцелуй на прощание.

“А ты давай скажи графу, что, возможно, хочешь жениться на его дочурке! – ядовито отозвался Лабьет. – Хотя нет. Он ещё помрёт от радости. Тут надо осторожно”.

– Как ты заговорил! – мысленно ответил Ренельд, отпивая из бокала на короткой ножке чуть сладковатый аперитив. – Где же мёд в голосе? И умоляющий взгляд? Как жаль, что

шинакорны не могут жениться на графинюшках. Ты победил бы первым, верно?

“Я о тебе забочусь, если ты не понял”.

– Скорее, о том, чтобы меня хватил удар.

“Да ты здоров, как бык. Что тебе сделается от одной Конфетки!”

К счастью, скоро подали обед. К тому мигу Леонора с матерью и правда вернулись с прогулки. Однако не решились тревожить мужчин – тихо сели в гостиной и занялись чисто женскими делами. Дочь – вышивкой, а мать – чтением книги. Впрочем, по их чуть рассеянному виду вполне можно было распознать волнение, что сейчас наполняло обеих. Как будто Ренельд и правда приехал со сватовством.

– Ваша светлость! – Леонора сразу поднялась с места и изобразила весьма изящный книксен. – Как неожиданно и приятно видеть вас здесь!

Графиня же одёрнула её одним только взглядом и приветствовала Ренельда гораздо более холодно. Впрочем, скорее для порядка.

Зато за стол гостя усадили ровно напротив графской дочери. Она, как и положено девице на выданье, то краснела, то загадочно улыбалась, молча слушая разговор мужчин. Однако Ренельд едва не поперхнулся, когда его ступни осторожно, но довольно ощутимо коснулась туфелька Леоноры. Скользнула чуть выше по голени, задирая штанину, и спустилась обратно. Причём совершенно невинное выражение лица де-

вушки ничуть не изменилось. Впору подумать, что это графиня шалит.

В тот же миг изысканно приготовленные блюда сразу потеряли вкус. Гостеприимство графского семейства и вовсе начало отдавать горечью. Чего Ренельд не любил больше всего, так это попыток загнать его в ловушку и навесить невысказанные или даже несуществующие обещания.

– Пройдёмся, мадемуазель? – предложил он Леоноре, когда обед завершился. – Нам нужно поговорить о том, что с вами случилось. Как вы видели это своими глазами.

– Конечно, милорд, – коротко посмотрев на мать, ответила девушка.

Графиня как будто ничего и не заметила. Зато заметил Лабьет, который уже вернулся с кухни, где его тоже должны были хорошо покормить – думается, ещё и довольно разорительно для здешних запасов.

“Берём с собой Тибера, – предложил шинакорн. – Иначе я буду опасаться за твою честь. Если она на тебя нападёт, мне придётся её сожрать. А я уже сыт”.

Ренельд забыл, что делал в этот миг. То ли улыбался Леоноре, которая вела его в тенистый сад, то ли говорил что-то. В какой-то миг он даже поверил, что пёс способен воплотить свои угрозы в жизнь. И что Тибера на прогулку взять и правда необходимо.

Но пусть уж Леонора не будет смущаться постороннего человека. А запротоколировать всё можно и чуть позже.

– Мне пришло приглашение на пикник от вашей матушки, – заговорила девушка совсем не о том, о чём надо. – Вы будете там?

Ну очень своевременный вопрос. Как будто, кроме этого, её ничего не беспокоит!

– Как вы себя чувствуете? – Ренельд резко сменил тему.

“Это было совсем не изящно. – Лабьет утробно расхохотался. Даже немного злорадно. – Она не оценит”.

– Уже лучше, – показалось, чуть обиженно ответила Леонора и непринуждённым взмахом руки откинула с плеча каштановый локон. – Но пару дней назад, ваша светлость, я была уверена, что просто умру. Лучше бы я осталась ночевать в Энесси! Как графиня д’Амран.

Это намёк? Или просто пришло к слову?

Леонора замолчала, чуть капризно поджав губы. Провела кончиками пальцев по груди, якобы поправляя кулон, а на самом деле привлекая к ней особое внимание. Хоть ей даже не нужно было и стараться, чтобы мужчины обратили взор куда следует. При прочей стройности фигурки посмотреть там, конечно, было на что.

Стараясь игнорировать явные сигналы Леоноры, направленные совсем не на то дело, Ренельд, прищурившись, посмотрел в пестрящую переливами света и тени даль. Гравий тихо шуршал под шагами. Лабьет сердито пыхтел и даже пытался петь, сбивая с нужной мысли.

Петь! Проклятье. Что может быть разрушительнее для

здравомыслия, чем трактирная песенка о дивных округлостях рыбачки Леоры? Откуда он вообще знает эти куплеты? Да и имя вожденной прелестницы в них подозрительно походило на имя графской дочки.

Леора, о нимфа, ты дай мне ответ,

Мы встретимся ночью сегодня иль нет...

Потрясающе въедливая мелодия грозила крепко застрять в голове, если шинакорн не замолчит прямо сейчас. Мысли разбежались, и пришлось приложить все усилия, чтобы отрезать себя от ментального канала с вконец охамевшим псом.

– Ваша аура восстановилась? – Ренельд вновь попробовал направить разговор с Леонорой в рациональное русло.

Девушка оглянулась, словно кто-то мог их подслушать. И даже Лабьет наконец перестал откровенно пакостить, смолк и подбежал ближе.

– Прошу вас, милорд, при отце об этом не говорить, – шепнула Леонора, комкая бахрому на пояске, и коротко прикусила губу. – Но... Ещё не восстановилась. Я не чувствую в себе и капельки былых сил! Я не могу даже сдвинуть стакан с места. Не могу даже занавеску шевельнуть!

В её голосе прорезались панические нотки, а в глазах тут же заблестели слёзы. И неудивительно: если она не лукавит, такое продолжительное и глубокое опустошение магических резервов может быть тревожным признаком. Леонора слыла очень сильной воздушницей с развитыми способностями к

погодной магии. Даже после мощной выкачки ауры её структура должна была хоть немного восстановиться за несколько дней. Пусть поначалу Леоноре были бы доступны только слабые заклинания. Но затем всё вернулось бы – это как заново учиться ходить.

– Вы говорили с ауроправом? – Ренельд остановил её прикосновением за локоток.

Девушка вздрогнула, словно успела о чём-то задумать-ся. Они прошли ещё немного и укрылись от чужих глаз в тени разлапистого каштана, на ветвях которого уже появились мелкие зелёные орехи. Под кудрявыми ветками стояла вычурно выкованная скамья, явно любимая теми, кто здесь прогуливался, – на ней и устроились. Лабьет вальяжно расположился на траве поблизости.

“Проклятая же жара, – вздохнул он, вытягивая лапы. – Даже в Бездне прохладнее!”

– Я боюсь вызывать кого-то из специалистов по ауре, – явно смущаясь, наконец ответила Леонора. – Думала... как вернуться в Жардин – там и пойду. А отец... если он узнает. Это будет страшно. Он никому не даст покоя. И вам тоже. Ведь вы занимаетесь этим делом...

Если граф так уверен в том, что его дочь медленно идёт на поправку и до сих пор слаба, вряд ли он скоро отправил бы её в Жардин. К тому же там может быть опасно. Кто знает, на какой из улиц снова обнаружится ловушка. Но пока похищение чужих аур не приняло настолько опасного обо-

рота, чтобы жандармам магического отдела постоянно патрулировать все закоулки. Тут, ко всему прочему, возникает другая проблема: как достаточно эффективно защитить их самих от случайного попадания под заклятие.

– Возможно, это и хорошо, мадемуазель. Если граф начнёт рьяно заниматься вашей безопасностью и вашим излечением. – Ренельд внимательно взгляделся в профиль девушки.

Она как будто и правда расстроена. Но хотя бы заняла голову действительно важными вопросами, а не любовной чепухой. А при упоминании отца на её лице отразилась явная досада. Пожалуй, граф из тех людей, что любят навязывать исключительно свою волю. Особенно тем, кто, как ему кажется, всецело от него зависит.

“Если её аура приказала долго жить, то в жёнах она тебе не так уж и нужна, – цинично заметил Лабьет. – Или влюблённость для меня настолько неизученная штука, что я её в тебе просто не замечаю? Но она есть?”

– Я уже не звонкий мальчик, чтобы влюбляться, тут ты прав, – не стал спорить Ренельд. – Но сейчас речь не о моей возможной женитьбе. А о том, что подобные нападения могут безвозвратно разрушать ауры. Тогда ситуация ещё хуже.

“У графинюшки аура была в порядке”, – напомнил шинкорн.

– Мы уже оба поняли, что мадам д’Амран – исключение из многих правил.

Но вот что это за собой влечёт, ещё предстоит разобрать-

ся.

– Знаете, ваша светлость... Я хотела справиться со своими проблемами сама, – слегка поразмыслив, проговорила Леонора. – Я, если вам интересно, уже способна сама принимать многие решения.

Она упрямо приподняла подбородок, явно пытаясь показать свою самостоятельность.

“Ой, нарешала бы она, не будь ты после бала в стельку пьян от магии Конфетки. Папа не похвалил бы”.

И какими бы ядовитыми ни были его слова, он был прав.

– Позвольте, я взгляну? – Ренельд осторожно протянул к лицу Леоноры руки. – На структуру вашей ауры. Я, конечно, не способен её исправить. Но что-то пойму.

Девушка мгновенно залилась румянцем до кончиков ушей. Посмотрела на его ладони так, словно собиралась прыгнуть в пропасть.

– Это не больно? Я просто слышала, что очень больно, когда чтецы аур воздействуют напрямую.

– Я постараюсь аккуратнее.

Ренельд мягко жжал её виски. Леонора замерла, напряжённо вытянув шею. Несколько мгновений понадобилось, чтобы отрешиться от всего, что касалось разума и чувств извне, и обратиться к структуре чужой магической ауры. Поначалу он вообще ничего не увидел. Словно оказался в плотном мешке. Звуки стали глуше, свет померк, только едва переливаясь бликами на краю восприятия. И Ренельд не сразу по-

нял, что это не переливы солнечных лучей в прорехах между листвою каштана. Это осколки.

Осколки ауры Леоноры, которые не могли принимать внешнюю энергию и уж тем более преобразовывать её в магическую. Потому что сейчас это каменоломня, а не аура.

А ещё хуже то, что однажды Ренельд уже видел подобное. Только тогда виной тому был он.

“Это выглядит очень плохо, – на сей раз серьёзно заметил Лабьет, перестав наконец ёрничать. – Скажешь ей?”

– А что мне ещё остаётся делать.

Он осторожно коснулся остатков ауры Леоноры, стараясь найти хоть какие-то связи между ними, но не смог ничего нащупать. Какой же силы должен быть удар, чтобы нанести такой вред? Но это не случайное последствие. Кто-то нарочно хотел разрушить ауру, а не просто вытянуть через неё магию. Преднамеренная жестокость.

Мастеру Ливру остаётся только порадоваться, что его спас защитный артефакт – хотя бы частично. А графиня д’Амран... она пока что непостижимый сосуд для ещё более непостижимой силы. Но и ей после нападения было плохо, если верить рассказу Лабьета. Пусть и в другом смысле.

Задумавшись, Ренельд не сразу отпустил Леонору, уже прекратив воздействие. Ещё пару мгновений он отчего-то видел перед собой лицо Мариэтты. Её выразительные, чуть резковатые черты – очень близко. Она хлопнула ресницами, опуская взгляд на его губы, и дурацкая песенка про рыбачку

снова зазвучала в голове голосом Лабьета, мгновенно приводя в чувство.

– Ваша светлость? – показалось, чуть раздосадованно окликнула Леонора.

Похоже, она явно рассчитывала на повторение практики с поцелуями. Тем более такая почти интимная близость к тому располагала.

– Ещё одна условность, мадемуазель. – Ренельд опустил руки и вынул из кармана жилета небольшой медальон на цепочке, который носил с собой вместо часов.

– Что вы увидели? – озабоченно спросила девушка, наблюдая за его движениями. – Кстати, а было и правда не больно.

Она осторожно улыбнулась, но в её взгляде так и плескалось волнение. Наверное, подозревала неладное.

– Ваша аура в плохом состоянии, мадемуазель. – Ренельд помолчал, подбирая слова. – Она сильно повреждена. Это малый фиксирующий артефакт. Я перенесу на него слепок и покажу моему хорошему знакомому в Жардине. Он один из лучших специалистов по нарушению и исправлению аур. Думаю, он сможет вам помочь. Дольше откладывать нельзя. И вашему отцу рассказать нужно. Я рекомендовал бы вам вместе приехать в столицу. А там уже подождать результатов исследования.

“Ты как-то сильно смягчил, Рен, – недовольно буркнул Лабьет. – Думаешь, Юго сможет помочь?”

– Об этом мне скажет сам Юго.

Не хотелось делать поспешные выводы. Но то, что увидел Ренельд, очень походило на невозполнимое разрушение. Там, кажется, даже не за что зацепиться. Но он не лекарь аур и не может сказать точно. А Юго де Ос – едва ли не самый известный аурупправ Жардина. Попасть к нему – задача не из лёгких, а оплатить приём может только состоятельный маг.

– Спасибо, – чуть растерянно ответила Леонора. – Я слышала о месье де Осе. Но надеялась, что никогда с ним не встречусь.

– Все на это надеются. Но при том, что с вами случилось, лучше попасть сразу к нему. Думаю, в целях следствия он примет вас в особом порядке.

Медальон вспыхнул красноватым свечением, разворачивая ауручувствительную сферу, принял переданную информацию и погас.

– Я так или иначе в скором времени собиралась в Жардин, – как бы между делом вернулась Леонора к оставленной теме. – Или посоветуете ответить на приглашение вашей ма-тушки вежливым отказом?

– А... Вы о пикнике. – Ренельд пошарил в другом кармане и вынул оттуда листок с записанными на нём знаками, что частично составляли заклинание ловушки. – Думаю, свежий воздух и приятное общение пойдут вам на пользу. Да и кто я такой, чтобы разрешать вам или запрещать.

– Вы очень важный для меня человек. С некоторых пор,

ваша светлость.

“О, ну всё, Рен, – страдальчески простонал Лабьет. – Я пойду лучше поищу, живут ли здесь кошки. Если да, пора проредить их популяцию”.

– Сиди!

Ренельд вздохнул, стараясь вызвать на лице хоть слабую улыбку.

– Думаю, не стоит торопиться, – он вложил в голос всё умиротворение, что сумел отыскать в себе. Жалкие крохи, но хоть что-то. – В спешке можно наделать много глупостей. Сейчас вас должно заботить другое. Ваше здоровье. И состояние вашей ауры, от которой во многом зависит ваше будущее. А остальное... Я думаю, всё сложится самым лучшим для вас образом.

“Чую, она точно расценит твои слова себе на пользу”.

– Пусть расценивает, как хочет. Сейчас мне нужно её успокоить. – Ренельд коротко глянул на шинакорна и вновь посмотрел на отчаянно покрасневшую девушку. – Скажите, вы когда-нибудь, встречали такое сочетание знаков в каком-нибудь заклинании?

Он показал Леоноре записи на листке. Та внимательно взгляделась в них и пожала плечами.

– Это старые магруны. Ими почти не пользуются. Таким сейчас обучают разве что на дополнительных курсах. Потому я не встречала ничего подобного.

“Надо же, она в Санктуре ещё и училась. А я было поду-

мал, что только глазки магистрам строила...” – хмыкнул Лабьет.

– Что ж, – Ренельд убрал листок, – если вдруг что-то вспомните, дайте мне знать. А сейчас, я думаю, нам нужно вернуться в дом и составить протокол по вашим показаниям.

Леонора совсем сникла, но возражать не стала. Тибер педантично записал с её слов всё, что она смогла вспомнить с того дня, как попала в ловушку. Ренельд же имел сомнительное удовольствие видеть, как при этом девушка мрачнеет всё больше: да и неудивительно. Воспоминания-то не из приятных.

После пришлось остаться у графа в гостях до утра: ехать обратно было уже поздно. И Адемар наотрез отказался отпустить герцога в ночную дорогу.

“И что ты думаешь, Рен? – поинтересовался Лабьет перед сном, уже явно задрёмывая после сытного ужина. – О Леоре... тьфу ты, Леоноре. Она, кажется, неплохая девица и влюблена в тебя по уши. Но...”

Если бы не эти постоянные “но”!

– После всего, что случилось, даже если она восстановится... Даже если полностью... Я не могу рисковать её магической целостностью снова. – Ренельд вытянулся на весьма удобной кровати. Наверное, самой удобной во всём доме, если учесть то рьяное внимание, что весь день оказывал граф важному гостю.

“Даже если она будет настаивать?”

– Тем более, если будет настаивать. С Оли всё это окончилось плохо. Хоть она и хотела помочь.

“Оли была чокнутой экспериментаторшей. Уверенной, что ей всё по плечу. И предательницей”.

– Не суть. – Вспоминать о прошлом не хотелось. – Я узнаю, что с аурой Леоноры. Если всё так плохо, как я думаю, о себе я вряд ли что-то ей расскажу. Зачем?

Отец до самой смерти старался, чтобы об особенностях старшего сына узнало как можно меньше людей. И уж графская дочка в случайные хранители чужих секретов вряд ли годилась.

К полудню следующего дня Ренельд вернулся в Марбр. Отправил Тибера отдыхать, а сам собрался поехать к Юго после того, как переоденется с дороги. Но ещё у двери покоев его встретил выходящий оттуда слуга.

Он поклонился, осторожно удерживая поднос с пустой посудой и вазой пожухлых цветов на нём.

– Вас ожидают, ваша светлость, – сообщил, даже при Лабьете храня невозмутимое выражение лица. – Его сиятельство маркиз прибыл только что. Я проводил его в гостиную.

И что понадобилось братцу в такой час? Обычно он не торопится вставать с постели. А тут мало того, что встал, так ещё и успел добраться до резиденции из Энесси уже до обеда.

– Рен, наконец-то я тебя дождался! – Ксавье встал с дивана у окна, как только увидел вошедшего в комнату Ренель-

да. Вернее, Лабьета, который забежал внутрь первым и сразу бросился к нему – бодать огромным шипастым лбом его колени. – Я приезжал вчера. Но мне сказали, тебя нет. Пришлось остаться на ночь.

Так вот почему он сумел добраться так рано. Секрет его расторопности оказался довольно прост.

– Да, мне нужно было съездить к графу де Бергу.

– А вернее, к его прелестной дочери. Кажется, с того бала между вами остались незаконченные дела. – Ксавье усмехнулся, приподняв светлую бровь.

– На самом деле всё довольно серьёзно. – Ренельд прошёл дальше, к полупустой гардеробной, где сейчас хранилось только несколько смен рубашек и пара костюмов – на то время, что ему придётся жить в резиденции. Один из пришедших следом слуг уже доставал чистую одежду, другой умчался за водой для умывания.

– Что, ей досталось? – посерьёзnel Ксавье. – Сильно? Я не знал.

– Я тоже не знал, как сильно. И потому тороплюсь. Мне нужно успеть к Юго де Осу, пока его не осадили прелестные магиссы с надуманными симптомами нарушения аур.

Бывало и такое. Во времена учёбы Юго считался среди девиц одним из самых завидных красавцев Целительского факультета. Да что там факультета – может быть, и всего курса. Потому в том, что сейчас среди его пациенток была немалая доля симулянок, просто жаждущих закрутить с привлека-

тельным аураправом интрижку, не было ничего удивительного. Юго ещё пытался сохранить репутацию и поползновения таких дам отсекал почти сразу. Но некоторые находили предлог прийти снова.

– Значит, сегодня ты в хлопотах ради девушки, – заключил Ксавье.

“Для нас хлопоты всегда найдутся, – подозрительно заметил Лабьет. – А вот чего он суетится, пока непонятно. Но думаю, это связано с некоей известной нам особой. И что-то подсказывает мне, что вкус этого десерта твоего брата очень манит”.

Ренельд не стал вступать в дальнейшие рассуждения по этому поводу: Ксавье и так расскажет всё сам. Он ослабил шейный платок и начал снимать жилет и рубашку.

– Не столько ради девушки, сколько ради дела, – пояснил брату. – Это разные вещи. Юго многое может рассказать о характере повреждения ауры Леоноры. Возможно, это даст новые зацепки. А зачем ты хотел встретиться? Только не говори, что тоже по поводу пикника.

Ксавье уселся на банкетку у изножья кровати и закинул ногу на ногу.

– Вовсе нет. Это матушкины заботы. Моё дело лишь поучаствовать в охоте.

Он чуть виновато покосился на Лабьета, который глухо рыкнул, услышав ненавистное слово. Ведь обычно охотились как раз на различных призванных из Бездны существ. Их

не убивали, но даже практика использования на них различного рода оглушающих и парализующих заклинаний казалась Ренельду весьма порочной. Он уже давно понял, что существа из соседнего, тёмного мира не всегда зло. И шинакорн ярчайший тому пример. Однако молодым и не очень аристократам непросто отказаться от традиций, которым многие сотни лет. Хоть теперь многие и выступали против излишней жестокости во время таких “развлечений”.

– Что же, хочешь сказать, что ты соскучился? – Ренельд глянул на брата через плечо.

– Не обольщайся, – тот коротко рассмеялся, – у меня к тебе весьма серьёзная просьба. Дело в том, что управляющего винодельней Шато д’Амран несправедливо обвинили в жестоком нападении на Фабриса д’Амрана. Вышел у них некий конфликт... Так вот Мари очень не хочет, чтобы её работника на несколько месяцев заперли в тюрьме. Однако свидетели – конечно же, подставные – против него. Как и гневное заявление Фабриса. И надо посодействовать...

“Посодействовать в том, чтобы затащить нашу Конфету в постель? – возмутился шинакорн, едва не подпрыгнув на месте. – Эй, Рен. Ты слышал?”

– Что слышал? Глупости про “постель” и “нашу Конфету”? – мысленно обратился Ренельд к псу, краем уха слушая объяснения Ксавье. Он давно уже научился расщеплять внимание так, чтобы не упускать ничего из внутренней и внешней информации. Хоть первые месяцы, а может, и целый год

после появления у него Лабьета приходилось очень трудно.

“Что-то тебе не смешно от моих глупостей”. Пёс сокрушённо чихнул и снова опустил голову на лапы.

– Ну а как ещё это назвать? Ксавье и мадам д’Амран взрослые люди, а что ещё более важно, самостоятельные. И сами разберутся.

“Ага, я вижу, какой Ксавье самостоятельный”.

– У тебя есть связи в Магдепартаменте. Мне же пока вход на такие верха заказан. Ты можешь решить всё по щелчку пальцев, Рен, – закончил братец пространную и весьма подробную просьбу.

– Так, значит, я пойду к префекту ради управляющего винодельней. Чтобы тот повлиял на судью, прокурора или ещё кого-то, от кого зависит судьба этого виноградяра. Его оправдывают и отпускают с миром. Дела на винодельне сразу идут в гору. И преисполненная благодарности графиня с разбегу бросается на шею своему спасителю и заступнику. То есть тебе. А я, как истинный герой, остаюсь в тени и со слезами умиления наблюдаю за этой трогательной сценой. Я ничего не упустил?

– Рен, – Ксавье мгновенно помрачнел, – к чему ты клоунишь?

“И мне интересно, – поддакнул Лабьет. – Тебе же вроде как всё равно. И ты у нас любитель оставаться в тени. Разве нет?”

– Я к тому, что, прежде чем раздавать обещания, нужно

думать, потянешь ли ты такую ответственность.

“Языком трепать – не землю копать”, – едко добавил шинакорн.

– Я хотел помочь ей и в другом, – досадливо поморщился братаец. – Отправить к ней садовника из Энесси. Но тот, оказывается, несколько дней назад уехал. Мать дала ему небольшой отпуск. Как назло! Да, я пообещал. Но что поделать, если я ещё не обзавёлся такими связями, как ты. И не вхож так запросто в кабинет префекта.

– Начал бы с кого попроще. – Ренельд ополоснул лицо прохладной водой и зачесал назад волосы влажными пальцами. – Побегал бы, пообивал пороги. Глядишь, и обзавёлся бы связями.

– Сколько времени на это уйдёт? А суд уже скоро. Рен. Не будь сволочью. Как всегда, – в последних словах брата прозвучала явная обида. – Или ты сам приглядываешься к Мариэтте?

“Ой, да что ты, Ксавье! – протянул шинакорн, как будто тот мог его услышать. – Рен у нас слепой. И приглядываться не умеет”.

– Прекрати, – ответил Ренельд обоим сразу. – Просто... В следующий раз, когда решишь произвести на женщину впечатление, оцени свои возможности трезво. И желательно головой, а не другим местом.

– Так ты сможешь? – оживился Ксавье, пропустив мимо ушей его последнее замечание.

– Когда суд?

Покончив со всеми просьбами, Ксавье скоро ушёл, оставив в мыслях Ренельда очередной груз. И странное ощущение горечи. Похоже, у них с Мариэттой отношения налаживаются вполне себе быстро. Наверное, нужно порадоваться? И забыть о том, что когда-то вдовушка, скорей всего, хотела опоить именно его незадачливого братца. Что ж, их желания, похоже, сошлись и без посторонних средств. Однако вопрос с неактивированным заклятием привязки на Мариэтте остался. Неужели сам Ксавье хотел пойти тем же путём, что и она? Но лишь нелепое стечение обстоятельств помешало им обоим воплотить свои планы...

Пожалуй, эти любовные интриги не имеют отношения к текущим делам. Всё, кажется, встало на свои места.

Наконец собравшись, Ренельд отправился к Юго де Осу. Возможно, как раз за обедом они и успеют решить многие вопросы и обсудить возможность исследования ауры Леоноры де Берг.

Но, к сожалению, карету пришлось ставить почти за целый квартал от дома ауроправа. Неожиданно улица оказалась забита: в ближайшем храме Первородных, похоже, как раз шла свадебная церемония, на которой гуляла значительная часть горожан. Вдоль домов стояли не самые роскошные, зато многочисленные повозки, да и дорога оказалась занята шумным праздничным шествием. В стороны летели лепестки. Развевались ленты в причёсках женщин.

Так бурно – с песнями, старинными танцами – аристократы уже давно церемонии не проводили. Но зато и не создавали таких препятствий другим.

Ренельд попытался поскорее перейти на теневую сторону улицы, стараясь миновать веселящуюся толпу. Но его всё равно закрутило в водовороте рук и лиц. Кто-то даже хотел втянуть его в танец, а там и дальше – увлечь в храм. И Ренельд даже не сразу заметил, как какая-то румяная девица, улыбаясь и щурясь от солнца, надела ему на шею гирлянду из плюща и душистых трав. Чуть резковатый запах тут же пронзил забитое жарой обоняние.

“Меня едва не затоптали, – пожаловался Лабьет, когда они всё же оказались на противоположной стороне людской реки. – Пару раз точно отдавили лапы”.

А его не увидеть и уж тем более затоптать очень сложно.

– Безумие какое-то, – буркнул Ренельд себе под нос, сдирая с шеи зелёное украшение весьма сомнительной эстетической ценности. – Такое увидишь – свадьбы точно не захочешь.

Он отвернулся от процессии – и замер, потому как фигурка женщины, что в тот же миг торопливо проскользнула в ближайшую лавку тканей, показалась ему явственно знакомой. Похоже, Мариэтта д’Амран собиралась сбежать от нежелательной встречи.

“Это была Конфета! – радостно сообщил Лабьет, видно на случай, если напарник не заметил. – Поздороваемся?”

На мгновение Ренельд даже задумался, не стоит ли позволить вдовушке скрыться. Но сейчас уместнее было бы разузнать, оказалась ли отправленная к ней из Санктура аспирантка полезной. А ещё предупредить излишнюю беспечность, с которой графиня разгуливала по городу совершенно одна.

Потому Ренельд с Лабьетом тоже вошли в приятную прохладу лавки, которая оказалась, похоже, ещё и ателье по пошиву одежды. Среди пёстрого убранства, стоек с заготовками платьев и зеркал примерочных не сразу удалось разглядеть Мариэтту. Спросить пока не у кого. Впору подумать, что она просто привиделась.

Ренельд прошёл дальше, заложив руки с зажатым в них венком за спину. Лабьет осторожно, чтобы ничего не зацепить своей долговязой тушей и хвостом, прокрался следом.

– Зря сняли. Вам идёт, ваша светлость, – от звука мелодичного женского голоса всё тело на мгновение сковало странным параличом. – Подчёркивает цвет глаз.

Ренельд повернулся к стоящей позади Мариэтте. А та коснулась кончиками пальцев края шляпки, приветствуя его сдержанным кивком.

– Вижу, вас весельем не зацепило. – Он огляделся, решая, куда теперь деть яростно пахнувший клочок трав.

– Меня – нет. – Графиня весьма кисло улыбнулась, явно досадуя, что избежать встречи не удалось. – А вот вам повезло меньше. Вы слышали о такой примете? Тот, кому на свадьбе наденут на шею гирлянду из трав, скоро выйдет за-

муж. Или, в вашем случае, женится.

“Прогулялись к ауроправу, называется”, – повторил Лабьет мелькнувшую в голове Ренельда мысль.

– Я не верю в приметы.

– Простите, я забыла, что для этого ваш разум слишком рационален.

– Возможно. – Ренельд качнул головой. – И мой рациональный разум подсказывает, что вам нежелательно гулять по людным улицам Жардина одной. После того, что случилось.

– К сожалению, многие дела мне приходится решать самой. – Графиня задумчиво пригляделась к свёртку синего бархата.

– В данный момент, кажется, вы заняты более приятными хлопотами.

– Вижу, вы тоже. Зашли заказать себе корсет более подходящего фасона, чем тот, что вернули мне?

“Вот теперь не говори мне, что тебе не хочется цапнуть её за наглый зад”.

– Мне вообще редко кого хочется цапнуть, – заметил Ренельд. – Это не мои методы.

“Ты понял, о чём я”, – скабрёзно хмыкнул пёс.

Ещё бы не понять... Мысли и воображение сразу заскакали вокруг самых разнообразных способов наказания вдовушки за ехидство и злопамятность. Но большей частью совсем не тех, что нужно.

– А вы советуете этого мастера? – решил Ренельд подыграть ей. – Если так, то я к нему присмотрюсь.

И Мариэтта, кажется, не ожидала подобного ответа. Её глаза округлились, а по губам скользнула обескураженная улыбка.

– Если вам нужен комплект, я могу посоветовать ещё и прекрасную ювелирную лавку, где для вас изготовят бархатку. Потому как моя вам, кажется, тоже не подошла.

“Ещё немного, и я сойду с ума от ваших разговоров о нарядах”, – взвыл шинакорн.

– Значит, вам её доставили. Я, признаться, опасался, что мой помощник что-нибудь перепутает. Вчера он был слегка рассеянным. Напряжённая работа даёт о себе знать.

– А вы ничего, держитесь, – одобрительно кивнула графинюшка. – Как продвигается расследование?

– Хотелось бы быстрее, но пока что я только узнаю всё больше неприятных деталей о последствиях тех нападений. Как вы себя чувствуете? Не замечаете нарушений в ауре?

Вдовушка коротко прикусила губу и глянула на внутреннюю дверь лавки, за которой сейчас кто-то тихо разговаривал. Послышались шаги, и в зал вышел сам мастер.

– О! – не удержал он удивлённого восклицания. – Месье де Ламьер! Доброго дня!

– Проклятье, – вырвалось у Ренельда против воли.

Этого портного он хорошо знал. Тот не раз приезжал в Энесси к матери, и их даже официально друг другу представ-

ляли. Конечно, Ренельд понятия не имел, где на самом деле находится его мастерская. И уж тем более не посмотрел на вывеску, где наверняка значилось его имя, иначе подумал бы ещё раз, стоит ли заходить.

Но вот Мариэтта, конечно, не стала раздумывать над причинами всего этого безобразия. Она сначала тихо фыркнула и вдруг рассмеялась.

– Простите, – проговорила сквозь слёзы. – Ваша светлость... Похоже, вы и сами можете посоветовать мастера кому угодно.

“Неловко вышло, – подленько похохатывая, заметил Лабьет. – У тебя сейчас забавный вид, Рен”.

То, что он забавный, было заметно и по довольному лицу графини. Зато портной, похоже, совершенно не понял, о чём идёт речь и отчего его клиентка так развеселилась. Но надо отдать ему должное: он, не ведя и бровью, подал ей аккуратно перевязанный лентой свёрток.

– Ваш заказ, миледи. Платье для пикника будет готово в срок. Его привезут вам в имение.

– Благодарю, месье Паскаль. – Та вежливо кивнула и направилась прочь, явно решив сделать вид, что разговор окончен. – Прекрасного дня!

Попрощалась она со всеми разом.

– Выбросьте куда-нибудь, пожалуйста. – Ренельд сунул чуть увядшую травяную гирлянду мастеру в руки. – Всего доброго.

– Передавайте слова почтения матушке, ваша светлость, – не забыл бросить тот вслед.

А вот мадам д'Амран, пользуясь короткой заминкой, снова решила сбежать. Но Лабьет оказался чуть проворнее Ренельда и нагнал её у самой повозки. Один из мимо проходящих джентльменов уже открыл графине дверцу. Возможно, он даже завязал бы с ней разговор в надежде на знакомство. Но вот огромный чёрный пёс явно его спугнул. Франт даже чуть отпрянул, безуспешно пытаясь сохранить лицо, и совсем сник, когда следом подошёл и Ренельд.

– Уже уезжаете? – окликнул он вдовушку. – Вы так и не ответили мне на вопрос.

Мариэтта тихо вздохнула и повернулась к нему.

– А зачем вам мои ответы? Как будто вы и сами всё не разведали. Или вы выпили... простите, взяли мало моей крови, чтобы рассмотреть мою ауру в деталях и понять, в каком она состоянии? Не смешите меня.

Случайный ухажёр спешно испарился, поняв, что ему здесь ловить нечего. Это и хорошо.

– Так вы желаете, чтобы я рассказал о том, что понял? – Ренельд невольно чуть повысил голос. Придержал дверцу кареты, не давая Мариэтте даже возможности отгородиться ею от расспросов. – О том, например, что вы скрываете огромные резервы своей ауры? А те камни, вайлеты, маскируют её всплески. Может, вы сможете рассказать мне ещё что-то, чтобы я лучше понял, насколько это опасно для вас? Ведь

если нашёл я, поймёт и Собиратель. Он может снова напасть.

“Не кипятись, Рен, – предупредил Лабьет. – Так ты сам её напугаешь”.

А тот не понимал, отчего начинает злиться. Может, от того, с каким рвением Мариэтта пытается от него отстраниться, в то время как Ксавье она с готовностью рассказала обо всех своих проблемах? Или от того, какое явное неприятие сейчас отражалось на её лице? Определённо, лучше было видеть на нём улыбку – как совсем недавно, в лавке портного.

– Все эти знания ничего не изменят. Поверьте, ваша светлость. И я не выставляю это напоказ не со зла. И не из желания вам досадить или помешать следствию. Просто...

– Тогда мы можем об этом поговорить. Например, за обедом. Здесь поблизости есть неплохой ресторан.

“Лично я проголодался”, – бодро напомнил о себе Лабьет.

Но скорее ради того, чтобы хоть немного унять напряжение, что, словно грубый канат, натягивалось между собеседниками. Однако Мариэтта его энтузиазма не разделила. Только хмыкнула, вскинув брови.

– Если вы хотите поговорить, у вас для того есть помощник. Он составит предельно краткое и выверенное извещение, по которому у вас просто вынуждена буду приехать к вам на... допрос. А сейчас я, к сожалению, тороплюсь. У меня ещё есть дела. Моего управляющего арестовали и...

– Как ваши лозы? – сухо перебил её Ренельд.

Вдовушка на мгновение растерялась.

– К счастью, в Санктуре мне оказали приятную и весьма... неожиданную милость. Один из профессоров прислал очень умелую аспирантку. И я надеюсь, что она сумеет в скором времени вылечить лозы. В любом случае я благодарна тому, кто передал месье Селери весть о моей беде.

– Вот как...

– Вас что-то удивляет? – насторожилась Мариэтта.

“Может, ты всё же скажешь ей, безмолвный герой? – ворчливо пробурчал шинакорн, попеременно переводя взгляд с вдовушки на Ренельда и обратно. – Она благодарна, ты слышал?”

– Я пришлю извещение, если вам так угодно, – проговорил Ренельд, не желая продолжать эту тему. – И не забудьте, что ваша экономка тоже должна будет приехать для разговора. Ко всему прочему, я вызову на допрос всех магов, кто бывал в вашем доме перед нападением. И вашу сестру тоже.

– Оли больше не магисса! Впрочем... Это ваше право. – Графиня упрямо сжала губы. – А теперь позвольте, я поеду. Хотелось бы вернуться домой хотя бы к полднику.

“Заметь, она предпочтёт остаться голодной, чем пойдёт с тобой в ресторан. Тревожный признак. – Шинакорн вздохнул, наблюдая, как Мариэтта, оперевшись на руку Ренельда, садится в экипаж. – Придётся обедать с Юго и слушать истории из его практики с этим неповторимым врачебным юмором. Лопнуть со смеху”.

– Будьте осторожны, миледи, – добавил Ренельд напоследок.

док, чуть задержав тёплую ладонь Мариэтты в своей. – Не выезжайте далеко от дома одна.

Хорошо, что на ней сейчас перчатки, иначе кто знает, какие ощущения от соприкосновения они оба испытали бы. Графиня явно раздражена, Ренельд взбешён, если не сказать больше, и едва сдерживается от более резких слов. Такие эмоции уже не раз подводили их к опасной грани.

– Думаю, вскоре для выездов у меня найдётся компания. Продуктивного дня, ваша светлость.

Она скрылась в полумраке экипажа, и тот резво покати́л по улице дальше.

“Мне показалось или она имела в виду Ксавье?” – задумчиво предположил шинакорн.

– Идём. Нам нужно успеть к Юго.

Глава 14

Похоже, месье дознаватель взялся за расследование со всей ответственностью, на которую только был способен. Мадам Хибоу первой из имения Эйл отправилась к нему на допрос, вернулась вполне живая и даже спокойная. А чуть позже сделала вывод, что “его светлость, оказывается, весьма учтив”. Кто бы мог подумать!

Затем из имения вызывали ещё несколько слуг. К тому же я выяснила, что извещения о необходимости явки для дачи показаний пришли Денизе. О чём она не преминула сообщить мне в письме. Велели навеститься к герцогу даже Фабрису, который сейчас был слишком занят хлопотами о том, чтобы накрепко засадить моего управляющего в тюрьму.

Такому рвению даже позавидовать можно, будь оно направлено в полезное и мирное русло. И пока мне не удалось толком ничего сделать. Лишь собрать всех свидетелей с винодельни, которые могли бы поддержать Перетта и поручиться, что он совершенно точно не мог так поступить.

Признаться, я ещё уповала на Ксавье и его возможные связи, что могли бы помочь. Он даже подпитал мои надежды, прислав записку с уверениями: всё будет в порядке! И букет – на этот раз из лилий совершенно невероятного розово-бирюзового цвета. Тут явно не обошлось без магии – ещё и потому, что положенный природой срок их цветения

пока не настал. Может быть, над ними поколдовал как раз тот самый легендарный садовник. Но легенда на то и легенда, чтобы оставаться недостижимой сказкой, которую только и передавать из уст в уста. Без возможности проверить её подлинность лично.

Я смирилась с этим довольно быстро – отчасти благодаря пылким извинениям маркиза, отчасти из-за того, что у меня теперь была Ивлина. Моя волшебница стеблей и корней. Повелительница пылицы и коры. А ещё совершенно недоступных для меня реагентов, зелий и увеличивающих артефактов, с помощью которых она могла рассмотреть все собранные на винограднике материалы в самых детальных подробностях.

Я заглядывала в давно опустевшую лабораторию мужа, что временно стала пристанищем для этой увлечённой аспирантки, с особым благоговением. Умирала от нетерпения и любопытства – и в то же время опасалась спросить.

Но когда видела торчащую над заваленным листками, образцами и фолиантами столом рыжеволосую макушку, на сердце невольно становилось легче. Даже странно, что его скромнейшая светлость не пожелал признаться в помощи во время нашей последней встречи. И глазом не моргнул, на его безупречном лице не дрогнул даже самый малюсенький мускул. Выдержка, достойная подражания. Bravo, месье дознаватель!

Но я не могла пока решить, как к этому относиться. Как и

вообще ко всем его вспышкам совершенно непонятной мне заботы. И мимолётного беспокойства о том, что со мной происходит.

Что вообще со мной происходит? Тоже вопрос немало-важный. Кажется, ни одна моя мысль о Ксавье не обходилась зеркальным воспоминанием о его брате. Я даже порой ловила себя на том, что размышляю над нашими не вполне однозначными беседами. Гадаю, понимает ли нас его пёс и разговаривает ли с ним на самом деле каким-то ментальным способом.

Как же вцепился-то в мою жизнь месье суровый дознаватель! Словно под кожу влез – и зудит, зудит, не давая покоя.

Но сегодня моим размышлениям суждено было свернуть в другое русло. С утра меня огорошили не слишком приятными новостями – уведомлением о дате, на которую назначен суд над Переттом. Похоже, совсем этого избежать не удастся даже при всём вмешательстве Ксавье, подробностей которого я ещё не знала. Может, и к лучшему.

Первое слушание – как хотелось, чтобы и последнее! – назначили через неделю. Похоже, прежде, чем судить моего бедного Перетта, его решили хорошо помариновать в камере. Этого Фабрису я тоже не прощу!

Вторым утренним пинком от судьбы стал приезд – точно перед обедом – Денизы. Словно она учуяла запах утиного жаркого из самой столицы и решила непременно его отвезти. Удивительно всё же, как при всей сухости фигуры она

имела такой потрясающий аппетит. Впрочем, может, у неё дома скверный повар... Тогда её только пожалеть и остаётся.

Но жалеть “падчерицу” я передумала ровно в тот же миг, как она появилась в гостиной. Словно чернильное пятно, которому кто-то вдруг решил придать форму женщины.

– Вокруг тебя, как и всегда, куча забот! – выдала она вместо приветствия, отчего мне захотелось запустить в неё увесистой книгой расходов, которую я как раз держала в руках, делая пометки о последних закупках продуктов в имение.

– У тебя всегда озабоченный вид. – Я глянула на Денизу исподлобья. – Даже и не поймёшь, со мной это связано или с больным зубом.

– Меня вызывали к королевскому дознавателю, ты представляешь? – Она гневно сдёрнула митенки и уселась в кресло рядом. – Как тебя угораздило вляпаться в такую неприятность? Кого ты вообще могла заинтересовать? С твоими-то скромными, как ты утверждаешь, способностями. Знаешь, я подумала, что, может, ловушка была расставлена не на тебя?

Я отложила книгу расходов в сторону и глянула на каминные часы. Ещё успею до обеда дать распоряжение на кухню, чтобы порцию Денизы отравили? Или хотя бы подлили в него слабительное снадобье.

– А на кого, позволь узнать?

– Я слышала, в твоём доме стали часто бывать более сильные маги... – голос “падчерицы” обрёл настолько фальшивую загадочность, что плохонькая актриса из погорелого те-

атра умерла бы от зависти, услышав.

– В таком случае этот замысел был с очень далёкой перспективой. И он дал осечку.

Дениза прищурилась, растягивая губы в сухой, словно стручок фасоли, улыбке.

– Мотивы злоумышленников порой бывают гораздо сложнее, чем нам хотелось бы. Впрочем, ты права. Если кому-то хотелось поймать в твоём доме мага, ловушку надо было устанавливать в спальне. Кто попадёт туда первым? Младший де Ламьер или старший? – Она на миг задумалась. – Нет, старшего ты не потянешь. Слишком велика фигура.

Фигура там и правда выдающаяся. Память, на которую я не жаловалась ни разу до одного злополучного дня, мгновенно встрепенулась. Быстро и задорно она подкинула мне самый красочный вид на широкую спину и крепкие... гхм... назовём их “бёдра” герцога. Даже зажмуриться захотелось, словно я вновь узрела всё это перед собой. О-очень уместно! Даже уши ощутимо загорелись.

И отчего-то я была уверена: при всей своей неприязни к мужчинам Дениза вполне была способна оценить привлекательность месье дознавателя. Что наверняка разозлило её ещё больше.

– Боюсь, об этом судить не тебе. – Я пожала плечами, едва сохраняя холодную сдержанность. – Ты не потянешь даже гимназиста.

Кажется, от порыва вцепиться мне в волосы Денизу удер-

жало только появление в гостиной Ивлины.

– Я даже не знаю, миледи, хорошие у меня для вас новости или плохие... – проговорила она бодро, глядя в листок, что держала в руках.

Но, натолкнувшись на ответное молчание, остановилась и посмотрела на мою “падчерицу”, затем на меня, затем снова на неё – и тогда только вспомнила, что надо бы присесть в книксене.

– Надо же... – протянула Дениза. – Ты теперь берёшь на работу не совсем вменяемых аспиранток?

Она покрутила у виска растопыренными пальцами.

– На твоём месте я выбирала бы выражения, – предупредила я мрачно. – Ты всё же в моём доме.

“Падчерица” тут же состроила удивлённо-обиженный вид.

– Это и мой дом тоже! Уж этого ты не можешь у меня отнять, – пожалала плечами.

– Увы, могу. – Я мстительно улыбнулась. – Все бумаги о собственности говорят, что это мой дом. И я принимаю тебя здесь только из вежливости и памяти Эдгара. И уж тем более я сама решаю, кого нанимать на работу. Особенно тогда, когда твой братец едва из штанов не выпрыгивает, чтобы досадить мне. И если Ивлина поможет мне излечить виноградник, весьма значительную часть годичного фонда я отправлю именно на её кафедру.

– Совет не позволит тебе это сделать! – Дениза даже с ме-

ста подскочила от негодования.

А Ивлина качнулась назад, словно решила тотчас уйти. Конечно, декан факультета заклятый – опасный противник. Она и в козу превратить может так, что, даже вернувшись в облик человека, бляеть будешь до конца дней. Но я взмахнула рукой, веля аспирантке остаться на месте. Никто не посмеет оскорблять моих гостей!

– Не беспокойся, я подберу достаточно веские аргументы, чтобы убедить Совет в правильности моего решения. Тем более, насколько я помню, кафедра Магической ботаники частенько оставалась не у дел. Это несправедливо. Там учатся много толковых голов.

– Ты ходишь по грани, Этти, – шипя, словно прижатая ножкой дивана змея, проговорила Дениза, дёргано надевая митенки. – Я не удивлена, что Фабрис нашёл способ потрепать тебя, словно старую газету. Хотя и не одобряю его поступок. Ты много на себя берёшь. Но ты всего лишь женщина среди мужчин, которые, уж прости, часто видят в нас только грелку для постели. До нашего ума и амбиций им совершенно нет дела.

– Это печально. Но поправимо. – Я премило улыбнулась. – Именно в этом направлении мы с Ивлиной и работаем. Будем на Фабрисе испытывать методы повышения нашей значимости. Возможно, потом я напишу об этом. Пусть и не научный труд, но хотя бы мемуары.

Дениза вздохнула, вдруг растеряв всё ехидство. Словно

чем-то я задела её за живое.

– Сбор Совета через десять дней. Тебе придёт официальное письмо. И вот, – она достала из строгого портфеля, что был при ней, тонкую стопку бумаг, – это список претендентов на стипендии и гранты. Может, ты всё же решишь ознакомиться.

Она бросила её на стол передо мной и быстрым шагом удалилась. Ну что ж, хотя бы аппетит за обедом никому не испортит.

– А теперь рассказывай. – Я вновь повернулась к аспирантке, которая, забывшись, так и стояла, комкая исписанный какими-то расчётами листок в кулаке.

– О чём? – пискнула та, явно опасаясь, что сейчас её прогонят.

Но я ещё не дошла до той степени злости, чтобы вредить себе самой, не разобравшись.

– Что случилось между тобой и иногда любезной мадам деканом? Чего это вдруг она стала разбрасываться столь уничижительными выражениями в твой адрес?

Я похлопала по дивану рядом с собой, и Ивлиная, обречённо понурившись, поплелась ко мне. Явно заинтригованная шумом, в гостиную вошла и мадам Хибоу, но я выпроводила её сразу, поручив отнести книгу расходов и оставленные Денизой списки в мой кабинет. За это время притихшая Ивлиная успела собраться с мыслями.

– Я не ссорилась с мадам д'Амран лично. Но была одна

неприятная ситуация... – Она покусала губу и продолжила: – Мне были необходимы некоторые исследования – для моей работы. И за ними нужно было обратиться на факультет Заклятий. Месье Селери посоветовал одного магистра. Мол, у него как раз есть отличные материалы по нужной теме. Но отчего-то тот решил, что они слишком значительны, чтобы отдать мне их просто так...

– И что? – Я нахмурилась, уже ощущая горечь на языке от подкатившей к горлу гадливости.

– Он назначил мне встречу. Личную. Намекнул, что мне надо бы и отблагодарить его... – Девушка вздохнула, задрала глаза к потолку. – Ну, я же не наивная дурочка! Сразу поняла, что ему было нужно. И встреча не в кабинете, а у него дома. Мол, всё это хранится там, а не на кафедре. – Она тряхнула головой, резковато убрала со лба упавшие на него прядки. – Я и пришла. Что мне было делать? Работа застопорилась. Вроде и вопрос не слишком обширный, а ответ мне был нужен срочно. Магистр, конечно, начал распускать руки. Я подыграла. Сказала, мол, пусть раздевается. Пока он не видел, подсыпала ему в постель порошок из корня карранского плюща. Он лёг. Собрался посмотреть, как я тоже буду раздеваться. А когда начал чесаться и орать, я схватила бумаги и сбежала.

Ивлина замолчала, внимательно разглядывая свои сложенные на коленях руки. Я ещё миг ждала продолжения, но его не последовало.

– И о его позоре узнали все...

– Нет. – Аспирантка презрительно фыркнула. – Узнали о моём позоре. Мол, это я хотела его соблазнить, чтобы получить нужные мне исследования и заклинания. А затем ещё и навредила ему. Он сидеть не мог неделю от сыпи на... по всей...

– Плохо, что не месяц, – хмыкнула я. – Пожалуй, я попрошу у тебя мешочек такого порошка. На всякий случай.

Ивлина улыбнулась, всё же не сумев скрыть гордость от собственного поступка. Признаться, на её месте я поступила бы так же. И сейчас мне скорее было смешно от того, как рыжая девица ювелирно сыграла на похотливости и наглости того, кто возомнил, что может требовать плату там, где достаточно просто вежливости.

– Был большой скандал. Но, к счастью, меня не отчислили из аспирантуры. Заступились многие преподаватели нашего факультета. А вот мадам д'Амран была очень недовольна. Пострадал её заместитель. Тот, кого она прочила на своё место, если на следующих выборах ректора победит она.

И тут я поняла, о ком идёт речь, хоть имени девушка и не назвала. Надо же, именно тот магистр, всегда такой учтивый и сдержанный, производил вполне благопристойное впечатление. Но, как известно, за маской вежливости и приятной внешностью порой скрывается скверно пахнущее нутро.

– Странно, что я не слышала никаких слухов о случив-

шемся.

– Такое не выносят на всеобщее обозрение. – Ивлина развела руками. – А уж тем более перед учредителями Фонда.

И то верно. Похоже, у меня теперь есть ещё одно маленькое дельце – не допустить, чтобы маг, который позволяет себе подобное отношение к адепткам или аспиранткам, занял высокое положение в столь уважаемом заведении, как Санктур.

– Ну что ж, – я улыбнулась, стараясь поскорее сгладить неприятные воспоминания, которые Ивлина сейчас наверняка перекаtywала в голове, – теперь я готова слушать, какие у тебя для меня есть новости. Ты что-то поняла?

– Поняла, – сразу оживилась та. – Но, боюсь, нам придётся ещё кое-что исследовать. Потому что источник заразы не в самой земле, где растут лозы.

– Так где же, если не там? Если заклинание наведено не “с воздуха” и не появилось из земли... – я осеклась, уже начиная догадываться.

– Скажите, – проговорила Ивлина, подпитывая мои подозрения, – ту часть виноградника поливают из отдельного водоёма?

– Да. – Я уверенно кивнула. – Нам пришлось устроить отдельный пруд для полива. Так было удобнее.

– Скорей всего, отравлена именно вода. Но мне нужно взять забор образцов, как вы понимаете. И трудность в том, что это может оказаться не конец. Потому что пруд набира-

ется...

Она дала мне возможность закончить мысль:

– От ручья. Он питается от рукава реки, что течёт неподалёку.

– А значит, следы заклития могут затеряться неизвестно где. Это плохо, если вы хотите отыскать источник. Но есть и положительная сторона. – Ивлиная коротко коснулась моей руки. – Вода гораздо лучше сохраняет структуру заклинаний. И расшифровать его я смогу намного точнее.

– Ну хоть что-то во всём этом есть хорошее! – От сердца тут же отлегло. – Тогда сегодня снова отправимся в Шато.

И я ещё не успела развить мысль и построить план действий, как к нам подошла служанка и звонко сообщила:

– Привезли ваш заказ от мастера Паскаля, миледи.

Вот ещё одна приятная мелочь: посыльный доставил моё платье для пикника. Портной, как и всегда, очень расторопен и услужлив перед самыми важными клиентами. Меня он ни разу не подводил: ни в посадке платья по фигуре, ни в сроках пошива.

– Идите в столовую. Там уже наверняка подают обед. – Я повернулась к Ивлине. – Я только проверю свой заказ и присоединюсь.

Девушка, кивнув, ушла. А я поднялась в свою комнату, держа в руках коробку, педантично перевязанную лентой с биркой мастерской Паскаля.

От упаковки исходил лёгкий приятный аромат: наверняка

внутри лежит пучок подсушенных трав и цветов – отличительная черта мастера. Он любит, чтобы изготовленные им наряды приятно пахли истинной свежестью.

Но когда я откинула крышку, то сразу позабыла о платье. Потому что внутри, кроме него и того самого фирменного букетика от портного, лежал ещё и большой конверт, явно с какими-то бумагами внутри.

Сколько я ни вертела его, не отыскала никакой подписи. Зато запечатан он был сургучом с вензелем дома де Ламьеров. Может быть, от Ксавье? Вот только как оказался здесь, вместе с моим платьем?!

Я торопливо открыла его, резко плюхнулась на кровать. И, подпрыгнув на упругой перине, замерла, жадно читая отправленное мне послание. С каждой строчкой моё сердце то замирало, то принималось колотиться как сумасшедшее – то от радости, то от неверия, что я и правда вижу всё это своими глазами.

Гнев Первородных! А ведь месье дознаватель точно порождение Бездны, как и его пёс!

Иного источника его прозорливости я никак не могла придумать. Как и другого мужчины, кто ещё мог проверить всё это.

Ведь на руках у меня было заключение по исследованию ауры Перетта. Где ясно говорилось о том, что никакие заклинания, которые могли бы навредить Фабрису, им просто не могли быть использованы.

Подобная глубина расследования не доступна обычным сыскарям жандармерии. И их чтецам аур тоже. И вряд ли она доступна Ксавье, как это ни прискорбно.

Но теперь я лично и во всех подробностях могла изучить приложенные к письму копии документов. Схемы, формулы заклинаний, ровные строчки сделанных на их основе выводов. Не такая уж Перетт значительная личность, чтобы его делом занимался сам королевский дознаватель. Но он всё же занялся – и поэтому сейчас меня одолевали очень смешанные чувства.

Зачем? Неужели лишь из непобедимой жажды справедливости Ренельд де Ламьер обременил себя посторонними хлопотами? Что вообще творится в его наполненной сразу сотней задач голове? И как только она не разрывается на части!

Моя, например, уже была опасно близка к этому.

Но пришлось заставить её ещё немного потерпеть. И ненадолго отложить крайне любопытные документы.

Мы с Ивлиной снова наведались на виноградник. Почти до самого вечера топтали слегка заболоченный берег пруда, из которого с помощью особо устроенных каналов вода попадала к заражённым лозам. Изгвазданные в глине, с сырыми подолами, чуть съехавшими набекрень шляпками и полной сумкой образцов мы вернулись в имение, весьма довольные результатами.

Заходить в дом не стали. Вечер был поразительно прекра-

сен – тёплый, тихий, наполненный трелями цикад, что просто сходили с ума в ветвях мандариновых деревьев. Усаживаясь в плетёное кресло на террасе, я вяло подумала о том, что пора бы обработать сад от насекомых, не то этих певучих мух разведётся слишком много.

– Теперь я наверняка смогу расшифровать заклинание, что вредит лозам, – устало пробормотала Ивлина, вытягивая ноги. – Вода довольно сильно фонит тёмной энергией. И я даже пока не могу представить, что случилось с аурой того мага, кто всё это сотворил.

– Надеюсь, ты всё же поймёшь, – не стала я спорить. – Мне казалось, что я знаю довольно много. А теперь понимаю, что всё, чему меня учил муж, – это лишь тонкая корочка на поверхности бесконечной толщи чего-то совершенно неизвестного.

Ивлина покосилась на меня, развязывая ленты шляпки.

– Кажется, вам просто надо отдохнуть, миледи. Хорошенько отдохнуть. У вас очень измотанный вид. Вы ведь собираетесь на пикник, верно?

– Что-то мне не слишком-то хочется туда ехать. Но у меня есть платье! – Я воздела палец вверх. – А значит, ехать придётся.

– Да уж, это очень веская причина. – Девушка рассмеялась, а затем добавила серьёзно: – Но я считаю, что вам просто нужно... Хотя бы день не копать в земле, грязи, документах или во всех этих неприятных делах, а побыть в об-

шестве равных себе.

– Я сейчас и так в обществе равных себе. Не думай, что я держу тебя за кого-то вроде служки. Ты вообще умнее меня.

– В чём-то, – хитровато добавила Ивлина. – Но далеко не во всём.

Мы замолчали и уже, кажется, обе начали задрёмывать, когда мадам Хибоу позвала нас ужинать.

Ивлина вновь занялась исследованиями с самого утра. А я, приведя себя в порядок, ещё долго кружила у письменного стола в кабинете, размышляя, ответить ли на письмо Ренельда де Ламьера. Выразить благодарность за заботу и потраченное время. Или смолчать? Ведь он не подписал своим именем ни один документ, что прислал.

Вообще, почему я решила, что это от него?

Задумалась. Ещё раз перечитала послание: уверенный, чуть рубленый почерк, почти без наклона. Солидные росчерки заглавных букв – очень похоже на месье дознавателя.

В Бездну! Ещё не хватало поставить себя в глупое положение. Их перед де Ламьером у меня и так накопилось – не разгрести.

Желает умалчивать о своей личности – это его дело. А на пикнике можно будет выяснить всё вернее.

Глава 15

На следующий день у меня даже появилось некоторое воодушевление для поездки. Утро выдалось чуть облачным, хоть и без дождя. Потому жара пока не грозилась расплавить голову и охлаждающий артефакт в экипаже не придётся заряжать на полную мощность.

Аби помогала мне собираться, а я вертелась под её руками, попутно стараясь сделать ещё кое-какие пометки в списке претендентов на выплаты из Фонда Д'Амран. В конце концов, первый раз встречу с Советом без своего мужа. Даже немного волнительно!

– Миледи! – возмутилась наконец служанка. – Вы можете хоть ненадолго оставить дела? Я не могу убрать ваши волосы как нужно!

Обычно Аби трудно было вывести из себя. Но сейчас я и правда переборщила. Ивлина ведь предупреждала меня – отдохнуть хоть один день! Потому я решительно отложила бумаги в сторону и выпрямила спину, глядя в своё отражение. Ничего такое отражение, надо сказать! Правда, глаза от всех этих тревог поблескивают чуть диковато, кожа слегка бледная, но это не страшно – я ущипнула себя за щёки.

– Миледи! – ещё от самой двери донёсся до меня восторженный голос экономки.

Я повернула голову – и Аби, кажется, тихо зарычала, упу-

стив из пальцев пару прядей.

– Что стряслось? – спросила настороженно. Оглядывая Селину, едва не приплясывала от нетерпения.

– За вами приехали.

– Надеюсь, не чёрная карета с решётчатыми окнами?

– Миледи, – укоризненно покачала головой мадам Хи-боу, – за вами приехал месье де Ламьер.

Что?! Я в первый миг растерялась. А затем только поняла, о каком из братьев идёт речь. Однако мы с Ксавье о том не договаривались. И для него, думается, немалый крюк – приехать за мной, где бы он ни ночевал сегодня.

– Велите отзывать ваш экипаж? – Селина с великой надеждой и смирением сложила перед собой руки.

– Да, пожалуй.

Я встала, подхватывая со столика приготовленную шляпку и зонтик. Придётся месье де Ламьеру младшему обременить себя объяснениями. То несколько дней ни восточки, а то вдруг такая поразительная настойчивость.

Я спустилась во двор – и Ксавье, что стоял на крыльце, наблюдая, как слуги переносят некоторые мои вещи в его повозку, повернулся ко мне.

– Вы просто... – Его губы тут же растянулись в слегка ошарашенной улыбке. – Знаете, я первый раз в жизни не могу найти подходящих слов. Потому что любое из них не будет достойно вас, миледи.

– Доброе утро, месье де Ламьер. – Я опустила ладонь на

протянутую мне. – У меня тоже пока нет слов, которыми можно было бы выразить удивление от вашего приезда. Но мы ещё оба сможем подобрать их в дороге. Правда?

Ксавье проводил меня в лёгкий экипаж с откидным верхом – весьма и весьма дорогой, насколько я вообще в этом разбиралась. И мы покатали прочь под внимательным и полным умиления взглядом мадам Хибоу, что украдкой подсматривала за нами в окно.

Всю дорогу Ксавье рассказывал мне, как немало ему пришлось побегать, чтобы отыскать нужных людей, способных помочь в деле с обвинениями Перетта. Пыльные кабинеты, слишком занятые другими делами маги – как будто он обошёл без малого весь Жардин собственными ногами. А сегодня решил, что непременно должен позволить себе такую вольность: встретить меня и сопроводить на пикник лично.

– Вы же простите меня? – Он улыбнулся, приподняв бровь.

– Разумеется. Это очень мило с вашей стороны.

Я кивнула, разглядывая его приятные во всех смыслах черты – гладко выбритый подбородок, выразительные скулы. Волосы, лежащие мягкими волнами. Отметила вспышку голубых искр в его глазах, когда там отразился свет из окна. И меня вдруг накрыло ощущение, что я изучаю мраморный бюст в одной из комнат совершенно постороннего мне дома.

Пока добирались до охотничьего поместья семьи де Ламьер – а у них было и такое! – небо вновь расчистилось.

Солнце залило всё раскалённым золотом. Во дворе поместья ещё былолюдно. Но слуги старались скорее принимать гостей и провожать их в комнаты. Кто-то приехал ещё накануне: по аллеям густого, блаженно тенистого сада прогуливались целые компании.

Однако это не пикник, а целый приём на свежем воздухе! Герцогиня любит размах во всём... Или за этим кроется нечто большее, чем просто желание отведать закусок в приятной компании близких знакомых?

Слуга открыл передо мной дверцу, и, едва я только опустила ногу на ступеньку подножки, Ксавье подал мне руку. А он удивительно расторопен!

Кажется, десятки взглядов тут же впились в нас со всех сторон, пока младший де Ламьер учтиво и по-хозяйски вёл меня к дому. Но вдруг нас догнали возмущённые вскрики, топот по шуршащему гравию – и меня едва не смело с ног огромной чёрной тушей.

– Лабьет! – донёсся издалека разъярённый рёв. – Проглоти тебя Бездна...

Шинакорн ткнулся мне в живот бугристым лбом, и пришлось опереться на руку Ксавье, чтобы не упасть.

– Удивительно, – проговорил тот. – Никогда не видел, чтобы он так кого-то встречал.

Пёс, кажется, едва не повизгивал, точно щенок, бодая меня и напрашиваясь на ласку. Чем ставил меня в довольно неловкое положение. И правда, с чего бы такие нежности? Я

всё же погладила шинакорна между ушами, а тот извернулся и уткнул в мою ладонь холодный влажный нос.

– Ну, здравствуй. – Удержать улыбку не удалось, как ни старалась.

– Лабьет... – голос его хозяина раздался уже гораздо ближе.

Слегка взмыленный герцог, оставив попытку догнать своего несносного пса, остановился и одёрнул тонкий льняной жилет, когда мы с ним столкнулись взглядами. На фоне нежно-зелёной листвы, что переливалась солнечными бликами, Ренельд казался ещё более строгим, высоким и широкоплечим. А малахит его глаз – ещё более холодным.

– Я уже подумал, что Лабьет сошёл с ума, – весьма хмуро проговорил он, направляясь к нам уже с гораздо большим достоинством. – А это, оказывается, вы.

– Я думала, на меня упала гора. А это, оказывается, ваш пёс.

Герцог с укоризной покосился на шинакорна, а тот попытался спрятаться за меня – надо сказать, крайне безуспешно. При его-то размерах.

– Доброе утро, Рен. – Ксавье вышел вперёд. – Я думал, ты не приедешь.

– Я тоже так думал. – Тот приподнял уголок рта, отметив коротким взглядом, как его брат кладёт мою ладонь себе на сгиб локтя. – Но мать сказала, это важно. Поэтому пришлось.

Он посмотрел на Лабьета и качнул головой в сторону. Ши-

накорн, наконец перестав корчить из себя блаженного, деловито последовал за ним. Ксавье ещё некоторое время задумчиво смотрел им вслед, а затем повернулся ко мне.

– Насколько часто, миледи, вы общались с Ренельдом? – его вопрос едва не заставил меня вздрогнуть.

Ладонь маркиза, что лежала поверх моей, вдруг сжалась крепче. Тут хочешь не хочешь, а задумаешься, что же ответить. Как будто он пытался заставить меня считать себя в чём-то виноватой. Заочно. А его сиятельство, оказывается, собственник!

– Исключительно в целях следствия. – Я то ли случайно, то ли нарочно умолчала о той недавней встрече в лавке портного.

Почти дружеской – аж целые несколько минут.

Да и вообще, наши отношения с Ксавье ещё не доросли до того, чтобы я отчитывалась. И вряд ли когда-то дорастут. Маркиз для меня должен стать кем-то вроде красивой статуи в саду. Желательно не обнажённой. Выглядит солидно, показывает статус того, кто её установил, но не мешает. На неё только и любоваться, проходя мимо. Главное – ночью не натолкнуться, а то и до исполнения супружеского долга недалеко. Но над этим я собиралась подумать чуть позже.

Но раз от раза моя предполагаемая статуя подавала голос всё громче и громче. И это тревожило.

– Лабьет так не считает, – тон Ксавье стал чуть напряжённее.

– Кто знает, что творится в голове у этого существа. – Я пожалала плечами. – Разве об этом стоит беспокоиться? Наверное, у него слабость к женщинам.

Как и у обоих братьев де Ламьер, впрочем.

– Он привык к женщинам Ренельда, – заметил маркиз. – И их почти не замечает. Насколько мне известно.

– Может, запах ему мой нравится...

Я коротко рассмеялась, а Ксавье только беззвучно усмехнулся.

– Может быть. – Он огляделся и вдруг легко взмахнул рукой. – Кстати, одна из последних пассий моего брата.

Я невольно проследила за его жестом. Из небольшого экипажа, который только что остановился во дворе, как раз выходили две дамы. Одна старше – строгая и грациозная, с благородной проседью в волосах. Другая гораздо моложе, поразительно на неё похожая. Видимо, дочь.

– Знаете, мне совершенно нет дела до...

– Леонора де Берг, – перебил меня Ксавье. – Талантливая магисса. И одна из приближенных ко двору герцогини девиц.

Ах, герцог, ах да гроргов сын! Топчет цветник своей матушки. Интересно, а она знает? Или только брату доступна сия тайна, что ещё не стала достоянием высшего света?

Я всё же заставила себя присмотреться к этой девице внимательнее. Хоть от упоминания её отношений с Ренельдом во мне поднялась удивительно тугая волна неприятия. Прямо в груди запекло, словно к ней приложили горячую ладонь.

Что странно, ведь я эту мадемуазель де Берг совсем не знала.

Кстати, нас в густых сумерках, наверное, и правда можно было бы перепутать.

Но в целом Леонора оказалась не роковой красоткой, какой я успела её себе представить. Миловидная девица с убранными в высокую причёску волосами цвета тёмного шоколада, хрупкой шеей и округлыми плечами. На её вполне обычном личике ярко выделялась только одна деталь – чуть наивно распахнутые глаза удивительно густой синевы. В сочетании с пышной грудью, что вполне красноречиво была обтянута бежевым шёлком утреннего платья, они наверняка составляли совершенно неотразимый для мужчин тандем.

Ренельд, Ренельд... А я в вас ошибалась. Не только стальные девы томятся в списке ваших побед. Есть в нём место и для трепетных графских дочек. А когда трепещут те их части, что предназначены для этого лучше всего, это, верно, и вовсе завораживающее зрелище.

– Что ж, – сделала я вывод после беглого осмотра “той самой” Леоноры. – Думаю, она неплохо дополняет его светлость.

– Ренельд всех пытается убедить в том, что ему не нужно дополнение. – Ксавье пытливо взглянул на меня.

– А зачем мы вообще разговариваем о вашем брате? – Я улыбнулась, наверное, так очаровательно, что у меня перенапряглись мышцы щёк. – Лучше поговорить о чём-то более приятном.

Банальность, конечно. Но она всё же возымела действие: Ксавье чуть успокоился. Только вот я почему-то нет.

После того как гости устроились в комнатах, все начали собираться на огромном заднем дворе поместья. Да его и двором-то назвать было стыдно. Целый луг, что зелёным полотном простирался вперёд до границы светлого лесочка.

Здесь уже были раскинуты полосатые шатры и лёгкие навесы с полупрозрачным занавесями со всех сторон, чтобы не донимали насекомые, если хоть какое-то из них смогло бы прорваться через купол отпугивающего их заклинания. Всё для комфорта гостей.

– Матушка любит внимание и размах, – ведя меня по выложенной плиткой дорожке, заметил Ксавье.

Кажется, сегодня он не собирался отходить от меня ни на шаг.

– Думаете, и правда нас ждут какие-то важные новости? – Я без особого интереса скользила взглядом по лицам приглашённых.

– Не без этого. И я предполагаю какие. Однако сохраню загадочный вид. – Маркиз дёрнул бровями, когда я посмотрела на него. – Но не переживайте, она не заставит всех томиться слишком долго. Просто так охоту не устраивают.

И то верно. После того как любителей охоты на существ из Бездны стали ограничивать в их увлечении, накладывая один запрет за другим, такие увеселения стали проводить только по особым случаям. Например, как сегодня.

Наконец гости все собрались на полукруглой площадке между шатрами. Женщины – все в светлых платьях, в шляпках и с зонтиками. Никому не хочется, чтобы кожа потемнела под солнцем. Косметических заклинаний и отбеливающих кремов не напасёшься! Многие из мужчин уже были одеты для охоты – в удобные, чуть широковатые брюки, заправленные в высокие сапоги, свободные рубашки зеленовато-коричневого цвета, чтобы сливаться с окружением в лесу. Ксавье тоже сменил одежду, пока я обустроивалась в положенной мне комнате. И даже она ему удивительно шла.

А вот Ренельд де Ламьер, похоже, местные традиции не соблюдал. Всё те же бежевые брюки, ощутимо, но не излишне облегающие длинные крепкие ноги, белоснежная рубашка, под подбородком небрежно перехваченная шёлковым платком. И рядом с ним – неизменный Лабьет. Блестящий, чёрный, как капля дёгтя. Но кое-что изменилось. Теперь по другую сторону от герцога стояла Леонора де Берг, деликатно держа его под локоть. Она, конечно, старалась сохранить чуть отстранённый и гордый вид. Однако короткие взгляды, что то и дело бросала на герцога, говорили, что в её голове сейчас бродят мысли, весьма далёкие от благопристойных.

– Дорогие друзья! – насыщенный, словно хорошее вино, голос герцогини заставил всех взглянуть в её сторону. – Думаю, вы уже догадались, что сегодняшней наш пикник посвящён очень приятному событию. Наверное, одному их са-

мых важных событий в моей жизни. И жизни моих сыновей – в будущем. – Она помолчала, давая гостям унять взволнованный гомон. – Довольно долго мне приходилось скрывать некоторые подробности. Таково было не только моё желание. Однако... Через две недели состоится наша свадьба с его величеством Ивеном Таури.

– Так скоро! – воскликнул кто-то.

И его поддержали многие.

– Подготовка идёт уже давно, – снисходительно улыбнулась Виолена, лёгким жестом поправляя шляпку. – Его величество не хотел излишнего шума и долгих разговоров вокруг этого события. Церемония будет весьма закрытой и для самых приближённых к королевской семье людей. Но сегодня... Сегодня я рада отпраздновать это событие вместе со всеми, кто дорог мне.

Надо же, а я, оказывается, дорога герцогине Энессийской. Даже и не подозревала. Интересно, в качестве кого?

– Что ж, – вздохнул Ксавье, – этого можно было ожидать. Разговоры ходили давно. И наверняка все, кому это положено, знали о том, когда будет свадьба.

– Думаю, это будет незабываемый день.

– Не сомневайтесь, миледи, – маркиз усмехнулся, качая головой. – Особенно если вспомнить, что после свадьбы его величество объявит о подготовке испытаний для выбора своего преемника.

Он подал мне руку, предлагая, видно, пройтись вдалеке

от взбудораженно обсуждающей новость толпы гостей. А я была, в общем-то, не против.

Мы направились прочь от шатров – к тенистым зарослям сирени, что цвела между каштанами, растопырившими во все стороны молодые листья-ладони.

– И вы будете участвовать? В испытаниях, – спросила я, когда мы скрылись от чужих глаз.

– Мне положено. Я из рода Таури, как и Ренельд.

– Его светлость...

– Один из первых претендентов, – слегка скривившись, закончил мою мысль маркиз. – Но есть и другие мужчины, которые так или иначе носят в себе кровь королевского рода. Однако их мало кто воспринимает всерьёз.

– Но вы-то настроены серьёзно? – Я остановилась, когда мы вышли на полянку, куда сходились сразу несколько тропинок с разных сторон сквера.

Поросшие короткой травой берега скатывались к вытянутому, опрятно убранному пруду. Даже камыш и рогоз вдоль кромки воды здесь словно были подстрижены. На дальнем краю водоёма плавали пёстрые утки. Чуть ближе к центру – две пары лебедей, словно фигурки из взбитых сливок.

– Знаете, раньше я мало об этом думал, миледи, – неспешно, будто бы взвешивая каждое слово, проговорил Ксавье. Он взял мою ладонь в свои и опустил взгляд на неё, чуть поглаживая пальцы через тонкий шёлк перчатки. – Но вот мы познакомились с вами. Как будто совсем недавно. И теперь

мне отчего-то хочется ворочать горы. И я определённо хотел бы, чтобы такая женщина, как вы... Однажды стала королевой.

Он крепче сжал мою руку и взглянул на меня чуть исподлобья, словно извиняясь.

– Мне кажется, рано говорить даже о подобных вещах, ваше сиятельство. – Я осторожно дёрнула ладонь из его довольно бережной хватки.

Но Ксавье удержал – и вдруг уверенно шагнул ко мне вплотную.

– А мне показалось, что мы неплохо понимаем друг друга. И дальше... всё может стать только лучше. Я не хочу вас торопить. И в то же время опасно близок к краю нетерпения. Днём, ночью... Всё для меня вращается вокруг вас. Это, знаете, весьма мучительно.

– Я не хотела бы быть причиной ваших мучений, – ещё попыталась я отговориться. – Я вообще добрый человек. И всем желаю только добра. И счастья. И вообще всяческих благ!

Но моя шутка явно прошла мимо ушей маркиза. Или он понял её через пелену того удивительно ясного и обжигающего чувства, что сейчас заволакивало его глаза.

– Для меня одно благо – почаще быть рядом с вами.

Тут, кажется, дорожки наших целей сходились. Но отчего-то я теперь спотыкалась на каждом шагу, что делала в том направлении.

– Не всё зависит от наших желаний. К сожалению...

– А мне кажется, от них зависит достаточно. Мари.

Маркиз мягко взял меня пальцами за подбородок, приподнимая его. Ещё миг я наблюдала словно бы в застывшем времени, как он приближается, не сводя взгляда с моих губ. И судорожно соображала: позволить ему меня поцеловать или не стоит? Грех Первородных! Кажется, и замужем была – целых четыре года! Но в то же время осталась полнейшей недоучкой в таких вот простых женских хитростях.

И в этот миг на грани я ожидала всего. Кажется. Но только не того, что маркиз вдруг раскатисто гавкнет.

По крайней мере, это прозвучало именно так, хоть он и не раскрыл рта. «Какая дичайшая глупость!» – мелькнуло в голове вслед за изумлением. И басовитое “гав” повторилось, чуть приблизившись.

Нет, точно не Ксавье... Фух!

Белые пятна лебедей взмыли вверх: птицы наверняка подумали, что на них открыли охоту. И Лабьет, словно закопчённый валун, скатился к кромке воды, только убеждая их в этом.

И тогда-то Ксавье по-настоящему зарычал – правда, тихо и чуть сдавленно. Можно было только представить степень его разочарования. И романтично-волнующий миг оказался окончательно испорчен, когда вслед за своим псом на дорожке ожидаемо появился и месье я-как-всегда-вовремя-до-знаватель.

Он посмотрел в нашу с Ксавье сторону с такой ленцой во взгляде, словно мы были расшалившимися детишками, что навели слишком много шума в его яблоневом саду. Да ещё и яблочек попытались с веток натрясти. Я поймала себя на том, что жду, когда вслед за герцогом появится и его чуть отставшая пассия. Леонора де Берг. Ведь казалось, что она вцепилась в него хваткой захлопнувшегося капкана. Но нет. Его светлость был один, если не считать шинакорна, и, кажется, оставался этим вполне доволен.

– Ты держал бы Лабьета поближе к себе, – весьма раздражённо обратился к нему Ксавье, одёргивая рукав.

– Лабьет волен делать то, что хочет. – Герцог приблизился ещё.

Но пока казалось, что он всё же пройдёт мимо.

– Тебе не кажется, что это всё же опасно? Он может выкинуть что-нибудь неожиданное, – продолжил ворчать маркиз.

И я почувствовала вдруг, как его ладонь ложится мне на поясницу. Вполне, думается, заметно для месье дознавателя. Если не сказать – демонстративно. Пришлось чуть отодвинуться – с совершенно невозмутимым видом, конечно. Отчего Ксавье разозлился ещё больше. Я так и почувствовала, как он разогрелся, словно готовый закипать чайник.

– Знаешь, Ксавье, – Ренельд всё же остановился чуть в стороне от нас, – я насмотрелся на столько неожиданных людских выходов, порой весьма паршивых, что Лабьет на их фоне – самое невинное существо. И поверь, он сам осознаёт

свои поступки.

Я невольно покосилась на шинакорна, который сидел на траве, слушая разговор с явно заинтересованным видом. Подозрение в том, что он прекрасно всё понимает, каждое слово, всколыхнулось во мне с новой силой.

– И всё же... – попробовал настоять Ксавье.

– Гости собираются на охоту, – прервал его Ренельд. – Если ты не хочешь, чтобы все ушли без тебя и кто-то забрал твою славу лучшего боевика и ловца, тебе стоит поторопиться.

– Рог ещё не прозвучал, – буркнул маркиз, с явным подозрением оглядывая брата.

И в тот же миг, как он смолк, словно издеваясь, за полосой каштанов раздался гулкий сигнал к сбору охотников. Маркиз уверенно сжал пальцами мой локоть, обращая на меня нетерпеливый взгляд.

– Миледи...

– Я ещё пройдуся, – проговорила я чуть более торопливо, чем нужно.

Возвращаться к шатрам совсем не хотелось. Уж лучше постоять у пруда и понаблюдать за утками. Особенно если оба брата изволят оставить меня в покое.

– Я провожу миледи к шатрам. Не беспокойся, – с ощутимой мстительностью в голосе проговорил месье дознаватель. Как будто услышал мои мысли.

Надежды на спокойную прогулку рассыпались в пепел так

быстро, как будто в них угодил сгусток магического огня.

И Ксавье явно хотел возразить, даже рот приоткрыл. Но, похоже, опасность остаться не у дел в охоте для него выглядела не менее пугающей, чем необходимость оставить меня наедине с братом. Он склонился над моей рукой и проникновенно коснулся тыльной её стороны губами. Значит, тщеславию оказалось сильнее влюблённости, о которой он рассыпался трелями ещё несколько минут назад.

Мужчины...

Быстрым шагом маркиз скрылся в тени каштанов, а я сразу пошла по тропинке дальше. Но, кажется, ещё одно влюблённое существо вовсе не собиралось оставлять меня в покое. Лабьет мгновенно поднял свой шерстистый зад с места и исполненной достоинства рысцей побежал следом.

Вот же кавалер четырёхлапый!

– Обычно, когда хотят сбежать, делают это чуть быстрее, – догнал меня голос Ренельда.

– Обычно, когда я говорю, что не собираюсь вести с вами праздные разговоры, рассчитываю, что меня услышат. И мало того – поймут правильно, – ответила я, не оборачиваясь.

Шорох уверенных шагов по гравию приблизился – и герцог пошёл рядом. Впрочем, соблюдая между нами приличествующее расстояние. Лабьет прижал меня с другой стороны. Ну прямо конвой – как бы не сопроводили под стражу.

– Я вас услышал, – проговорил Ренельд, глядя вперёд. И вдруг сунул руку за пазуху жилета. – И услышал в деталях.

Потому подготовился.

Он протянул мне официально запечатанный конверт. С оттиском Королевского отдела дознаваний. Снедаемая нехорошим предчувствием где-то в районе копчика, я вскрыла его и прочитала послание.

– Вы издеваетесь? – тряхнула им в сторону гадко ухмыляющегося Ренельда.

– Вы сказали, что будете разговаривать со мной только после извещения с приказом явиться на допрос. Вот вам извещение. По всей форме. Но раз уж мы с вами оказались сегодня в одном месте в одно время, то я решил, что могу передать его вам лично.

– Невероятная честь, – процедила я. – И о чём же вы хотите поговорить? Раз уж у меня нет выбора.

Дорожка вильнула чуть ближе к краю склона, что спускался к воде, каштаны сменились плакучими ивами, которые купали ветви в пруду, чуть раскачивая ими на лёгком ветру. Тень стала гуще и прохладнее. Далёкие звуки веселья почти совсем стихли.

Скоро надо бы возвращаться. Иначе герцогиня сочтёт моё отсутствие за невежливость. А то и пренебрежение. А это вредно для продвижения моих вин на королевский двор. Придётся даже поучаствовать в женских разговорах, пока мужчины заняты охотой. Если у меня вообще останутся на то силы после общения с месье дотошным дознавателем.

– Может быть, о вас? – предложил Ренельд, мгновение по-

размыслив.

– Как неожиданно. – Я одарила его коротким взглядом, надеясь, что от ехидства в нём у герцога кольнёт где-нибудь в печени. – А может, мы поговорим о вас?

Я чуть приостановилась, с удовольствием наблюдая, как усыпанное тенями и бликами лицо Ренельда чуть вытягивается от удивления. Но затем его челюсть снова твёрдо сжимается, а глаза наполняются готовностью отбиваться всеми силами.

– Вы же понимаете, что всё равно ответите мне на все вопросы.

– Разумеется. Я не хочу получить обвинение в препятствии следствию. Ваша светлость.

– И что же вас интересует? – Он снова пошёл дальше.

– Как вы познакомились с Лабьетом? – Я легонько коснулась макушки бегущего рядом шинакорна. И тот мгновенно подставил мне ухо для чесания.

– Это не слишком приятная история. – Ренельд заложил руки за спину, а я невольно отметила, как его грудь и плечи – и без того внушительные – стали ещё шире. – Но раз вам интересно... Я призвал его на практике в Санктуре. Это было одним из заданий для получения высшего балла на экзамене. Затем мне нужно было его...

– Убить? – невольно закончила я, ощутив, как в груди на миг замерло.

– В общем, да. Смысл тот. Но я понял, что он слишком

разумен для того, чтобы не понимать, что с ним происходит. Не бездумная тварь, наделённая только двумя инстинктами: убивать и размножаться.

– Он вообще не похож на того, кто способен убивать просто так. – Я посмотрела на Лабьета сверху вниз, поймав себя на том, что держусь за его широкий ошейник из толстой кожи.

И пёс одарил меня таким влюблённым взглядом, что не сразу и поверишь. Разве это возможно? У него даже глаза почти человеческие!

– Вы правы. – Ренельд коротко улыбнулся. Я моргнула, решив, что мне померещилось, и его лицо вновь стало серьёзным. – И между нами протянулась особая связь. Какое-то единение. Я почувствовал это так ясно, как вижу вас перед собой. И потому просто не смог выполнить задание.

– И вам не дали высший балл...

– Какой там! Меня едва не отчислили. – Герцог покачал головой. – Но, к счастью, нашлись те, кто поддержал и высказался в мою защиту. Потому... Всё замялось. Со временем. Но нам с Лабьетом пришлось немало потрудиться, чтобы доказать, что он и правда не опасен.

– Похоже, вам это прекрасно удалось. Теперь вас трудно представить без вашего питомца.

– Я предпочитаю называть его другом, – поправил меня герцог. – Или напарником.

– Поэтому вы не охотитесь?

– Вы удивительно прозорливы, миледи.

Я не смотрела на Ренельда в этот миг, но ясно ощутила, как его взгляд горячим потоком стёк от моего лица к плечу. Гнев Первородных! Это же надо было уродиться таким...

Я не успела додумать мысль, потому как под моей рукой шинкорн заметно напрягся. Вырвался и побежал чуть впереди, а затем скрылся среди молодых ив, что росли вдоль дорожки.

Ренельд проследил за ним взглядом, сдвинув брови, но мы сделали ещё с десятков-другой шагов, прежде чем я окончательно поняла, что вокруг что-то не так. Кожу словно бы зацепило сотней крошечных крючков, потянуло куда-то в сторону. И вдруг я совершенно точно услышала щелчок. Может, он прозвучал лишь у меня в голове, но на миг перед глазами потемнело. В грудь ударило уже знакомой пекущей волной. Как тогда, в винном погребке.

– Ловушка! – рявкнул Ренельд.

В висках закрутило, небо и земля начали меняться местами поразительно быстро. Словно меня перевернули, как песочные часы. Герцог мгновенно оказался рядом и совершенно беспардонно сгрёб меня в охапку. Прижал к себе, и его сердце под одеждой заколотилось мне в щёку.

Стало глухо, как будто над нами вдруг развернулся стеклянный купол. В груди похолодело. Разрушительные ощущения ослабли, но не пропали совсем, а я уже не смогла поймать ускользнувшее равновесие. Словно пьяная, шагнула в

сторону – и под ступнёй поползла земля.

– Держитесь! – выдохнул мне в ухо Ренельд. Я протянула руку в сторону, чтобы ухватиться хоть за что-то. – Да за меня держитесь!

Так я и держусь! Что мне остаётся, если я вообще ничего не соображаю!

Чёрная тень шинакорна вылетела из кустов на тропу. Он, кажется, попытался поймать валящегося на меня Ренельда за одежду, но тот лишь глухо взвыл, сжав зубы. Протяжно и сочно треснула рвущаяся ткань. Я расшиблась бы, наверное, если бы герцог не извернулся, роняя меня на себя.

Мы рухнули вместе, покатались вниз, к воде, собирая прошлогоднюю листву, царапаясь о сучки и сдирая дёрн со склона в попытке удержаться. Меня то накрывало собственным подолом, то Ренельдом. Хрустели то ли ветки, то ли мои кости. Но наконец мы замерли – у самого края воды. По крайней мере, подо мной было сухо и удивительно тепло. Даже на землю не похоже. Я сдула с лица растрёпанные волосы и обнаружила себя лежащей на месье дознавателе.

И это ещё полбеды, потому что одежда на нём почему-то тлела.

– Проклятье! – Он резко вскочил, и я кубарем скатилась с него. – Вы что, захотели меня поджарить?

Похоже, с перепугу я снова попыталась уничтожить ловушку. Как в прошлый раз. Но заклинание не завершила, однако его хватило, чтобы поджечь на герцоге жилет. Его

светлость, едва не отдирая пуговицы, скинул его с себя и отшвырнул в пруд. Я даже не успела нейтрализовать собственную ошибку.

– Прошу прощения, – пробормотала, хватаясь за плывущую куда-то голову. – Что вы делаете? Пустите!

Ренельд притянул меня обратно к себе, словно ребёнка. Я толкнула его в грудь, едва в силах шевельнуться – так крепко он меня держал.

– Подождите! Пока я не пойму, что ловушка не действует, вам лучше быть поближе ко мне. Так я смогу оградить вас. Кстати, как вы?

Я наконец внимательнее прислушалась к своим ощущениям – и близко не таким, как было в первый раз. Тогда я чувствовала себя разбитой, а теперь меня беспокоило только лёгкое головокружение. Да и то, кажется, лишь оттого, что резко села вместе с Ренельдом.

– На удивление, вполне сносно, ваша светлость. Благодарю за беспокойство.

– Хорошо. Значит, вас не успело зацепить слишком крепко.

Кажется, его светлость пострадал едва ли меньше меня. И вообще выглядел весьма потрепанным. Рукав рубашки разорвался – видно, зацепившись о ветку. В волосах застряли травинки и какая-то труха. А всё, что осталось от жилета, теперь печально уплывало прочь от берега.

Даже думать не хочется, какой сейчас вид у меня!

– А где Лабьет? – Я огляделась.

– Не знаю. Куда-то убежал. Мне кажется, он почувствовал что-то кроме этой ловушки. Узнаем, когда вернётся.

Интересно, это каким же образом?

Ренельд задумчиво посмотрел наверх – туда, откуда мы скатились, оставив за собой след из примятой травы и поломанных веток, – а затем шёпотом выдал незнакомое мне заклинание. Взмахнул рукой, и я только рот открыла от изумления. Потому что впереди вдруг засветились висящие в воздухе обрывки какой-то цепи. Она была разбита на мелкие звенья, и вереница их обрывалась, не достигая того места, где мы с герцогом стояли.

– Всё в порядке. Можно подниматься. Нужно осмотреть место, где была ловушка.

Он замолчал и медленно встал на ноги, и мне помогая подняться.

– Почему на вас не действует ловушка? – наконец начало до меня доходить.

Ведь я совершенно точно почувствовала развернувшийся по воле его светлости купол, что как будто оградил меня от заклинания. И его спокойствие – без малейшей тени опаски, что и он может угодить в западню.

– Меня невозможно поймать в ловушку, которая настроена на светлую часть аур, – ровно проговорил Ренельд. – Потом объясню, если пожелаете.

– Да уж пожелаю! – пригрозила я, но пока не стала допы-

тываться подробностей.

Впрочем, если хоть немного подумать, то и так можно догадаться. Но делать поспешные выводы – дело неблагоприятное и опасное.

К тому же из моей чуть затуманенной головы вылетели все до единой мысли, когда его светлость вдруг взял и подхватил меня на руки. И даже сделал несколько шагов, пока я не сообразила, что надо бы воспротивиться.

– Я могу идти!

– Это очень кстати, – отчего-то чуть раздражённо ответил герцог и резко спустил меня обратно на землю.

Махнул рукой вперёд, предлагая прошествовать дальше первой.

– Вообще-то, это неприлично... – заметила я, оглядев весьма крутой склон. – Подниматься вверх следом за женщиной.

– Бойтесь, я увижу ваши щиколотки? Какой кошмар! – голос месье я-очень-злого дознавателя становился всё напряжённее. – Я обещаю никому не рассказывать о столь волнующих видах.

Я сложила руки на груди, давая понять, что первой подниматься не стану. Что за блажь? Ренельд закатил глаза и вздохнул, словно моё упрямство казалось ему неуместным.

– Давайте руку, я помогу. – Он подал мне чуть оцарапанную ладонь. – Пойдём рядом.

– Моя шляпка! – невпопад воскликнула я, внезапно заме-

тив её среди травы.

Оказывается, не сразу и обнаружила, что она слетела с головы. Быстрым шагом я обошла месье дознавателя, чтобы поднять её, и отметила, как тот спешно развернулся, словно что-то хотел скрыть за спиной.

– Что у вас? – Я попыталась заглянуть туда снова.

И на этот раз оказалась чуть проворнее. Но тут же пожалела, что не приструнила своё любопытство вовремя. Потому что сзади от правой штанины Ренельда осталась только дыра. От колена, с которого теперь свисал кусок ткани, и до самых... самого пояса. Почти.

Похоже, Лабьет перестарался, когда хотел поймать своего падающего напарника. Ну и ухватился – вполне, надо сказать, справедливо – за самые выступающие части. Я тут же отвернулась, но всё же успела увидеть достаточно. Похоже, у шинакорна очень острые зубы. Разодрал так разодрал! Даже на бедре герцога остались следы от его хватки.

– Ну что, удовлетворили своё любопытство? – ехидно спросил Ренельд.

– Предупреждать надо!

– За вами не успеешь. Да и откуда я знаю, насколько тонкой окажется ваша душевная организация. Может, вам претит даже упоминание чужих голых ягодич.

Ну, не всех ягодич, надо признать. Только половины...

– Пожалуй, я видела их слишком часто для одной жизни. Вы правы. Вам бы прикрыться... Ваша светлость.

Иначе наше появление на людях окажется настолько фехеричным, что все позабудут даже о скорой свадьбе короля. Уж Леонора де Берг – точно.

– Вы знаете какое-нибудь заклинание, чтобы... зашить? – Герцог исполненным достоинства жестом попытался вернуть кусок ткани на место, но та, конечно, не задержалась там, где надо.

– Нет. Достаточно эффективных заклинаний для этого вообще не существует.

Но откуда бы месье дознавателю это знать!

– А булавка у вас есть? Вы же женщина.

– Я женщина, а не игольная подушка! – отчего-то резко-овато огрызнулась я, чувствуя, как щёки всё же начинают загораться румянцем. – Нет, булавки у меня только в комнате.

– Жаль, – вздохнул Ренельд.

И вдруг начал расстёгивать ворот рубашки. Затем выдернул её край из-за пояса брюк и снял так уверенно, словно собирался принять ванну.

Я честно попыталась не смотреть. Но против воли взгляд так и прилип к тронутым лёгкой бронзой загара плечам герцога, перебрался на грудь, а затем скользнул вниз. Нет, стоп! Куда это он? Но прежде чем спохватиться окончательно, я даже успела отметить игру мышц под кожей Ренельда, пока он завязывал рукава рубашки вокруг пояса. Широкая же её часть надёжно прикрыла слишком откровенные тылы.

– Считаете, так лучше? – Я сделала вид, что отряхиваю

свою шляпку.

– Думаю, да. Хоть и ненамного. Вас это смущает?

Я взглянула на Ренельда исподлобья. Он смотрел на меня так пытливо, что становилось не по себе. И вообще, всё это нахождение с ним наедине, даже без Лабьета, начало вдруг казаться совершенно неподобающим.

– Думаю, вид постороннего полуобнажённого мужчины вообще-то должен меня смущать. А особенно он озадачит остальных.

Ренельд отчего-то хмыкнул, а его взгляд обрёл каменную твёрдость.

– У нас для этого есть вполне серьёзное объяснение. И осознание опасности должно перевесить в гостях желание обсудить мой вопиющий вид. – Герцог поднял руку и вынул из моей уничтоженной причёски сухую веточку. – И ваш тоже.

– Очень на это уповаю.

Второй раз судьба бросает меня в настолько компрометирующую ситуацию. И, как назло, обе они связаны с его светлостью.

– Идём. Нам надо проверить ловушку.

Ренельд протянул мне руку, и мы вместе начали карабкаться вверх по крутому берегу.

Надо сказать, было весьма сложно. Кажется, много сил у меня забрать не успели, но слабость всё равно то и дело волнами пробегалась по мышцам. Но наконец Ренельд рывком

вытянул меня на тропу и сразу отпустил.

– Стойте здесь. Я найду остатки ловушки.

А я и рада была просто постоять. Когда Ренельд скрылся в тех же зарослях, где Лабьет чуть раньше, я прислонилась спиной к дереву, сняла перчатки и обмахнулась шляпкой. Как-то слишком жарко стало. Да и после подъёма, пусть и короткого, всё никак не удавалось отдышаться. Даже не знаю, что со мной было бы, не окажись рядом месье скромняги-дознавателя.

Грех Первородных, а я ведь его до сих пор не поблагодарила!

А всё его потрёпанные тылы! Сбили меня с правильных мыслей. Зачем я только вспомнила? Стало ещё жарче! Я принялась гонять воздух шляпкой интенсивнее. Но лучше мне не становилось.

– Так и есть, – донёсся до меня голос Ренельда. – Она снова самоуничтожилась. Как же это возможно?

Его макушка мелькнула над кустами и снова скрылась.

Если даже королевский дознаватель озадачен, дело это и правда весьма запутанное.

– И что же? – поинтересовалась я больше для того, чтобы отвлечься от собственных неприятных ощущений. – Снова никаких следов?

– След есть, – сразу ответил герцог. – И по нему даже можно пройти, пока не растворился. Подождите, я сделаю слепок.

Тихо щёлкнул механизм фиксирующего артефакта. Стыдно спросить, где Ренельд его хранил. Ведь он, считай, в одних только штанах. Воображение сразу подкинуло мне один из вариантов – и обмахивание шляпкой вовсе перестало помогать.

В какой-то миг я даже перестала слышать шуршание листвы и тихие рассуждения месье дознавателя. Пока меня немного не привёл в себя оклик.

– Вы очень бледная. С вами всё в порядке?

Я моргнула, и если бы меня со спины не подпирали стволы, то отшатнулась бы. Потому что его светлость стоял прямо передо мной. Я отчего-то удивительно чётко увидела царапину от ветки на его плече и поблескивание мельчайших капелек испарины на шее.

– Я не знаю, – пробормотала, уже присматривая путь побега. – Просто на меня, к счастью, нападают не так часто, потому не могу с уверенностью сказать...

– Разрешите прочесть ауру, – серьёзно проговорил Ренельд, подходя ещё чуть ближе. – Думаю, дело в этом.

Я невольно коснулась бархатки, и прохлада камня слегка меня отрезвила. Однако чем меньше становилось расстояние между нами с герцогом, тем сильнее совершенно иррациональное волнение заливало мне грудь.

– Нет, не надо. На мне вайлет. Всё должно быть в порядке! – Я резко шагнула в сторону, когда Ренельд протянул ко мне руку.

Но он поймал меня за плечи и чуть встряхнул.

– Чего вы боитесь? Я смогу помочь.

– Я не боюсь! – с отважностью бросающегося на кобру мангуста ответила я. – Просто не нужно меня трогать. Этого мне на сегодня достаточно. Посмотрите на нас! Кто увидит – что будет? Как я дальше буду вести дела? У людей перед глазами всегда будет стоять этот прекрасный во всех смыслах облик. А ещё вы...

Я взмахнула перед лицом ладонью, убирая раздражающую прядку. И чего так распереживалась? Что происходит? Неужели снова прилив? Но почему так быстро... В прошлый раз прошло полдня до того, как это случилось.

– Оттого, что я до вас дотронусь ещё раз, мир не рухнет. А вашу репутацию, если вы так за неё переживаете, я буду отстаивать всеми силами.

– Тогда отпустите! Или думаете, что всем девицам в радиусе доступности так и мечтается оказаться в ваших руках?

Глаза Ренельда заметно потемнели, а пальцы на моих плечах сжались крепче.

– Я знаю, что не всем. Но вы не думаете, что в моих силах сделать так, чтобы даже самым упрямым того захотелось? – Он улыбнулся одним уголком рта.

И я вдруг ощутила, как даже через ткань рукавов в моё тело вливается упоительная прохлада. словно к саднящему ожогу приложили лёд. Потрясающее чувство. Просто упоительное и невероятно расслабляющее.

Это, между прочим, запрещённый приём! Какое-то особое воздействие... Похожее исходило от Лабьета, когда он бросился спасать меня от вала светлой энергии.

– Не советую... – я едва сумела найти в голове подходящие слова. – Не советую пробовать это со мной.

– Да что вы? – Ренельд вскинул брови. Его голос как будто чуть поплыл, а глаза сменили цвет с малахитово-зелёного на зелень молодой травы. Удивительно. – А может, я всё же попробую?

И он вдруг подался вперёд. Длинные тени от тонких ивовых ветвей скользнули по его лицу. Я упёрлась в его грудь ладонями и вдруг поняла, что первый раз касаюсь почти обнажённого мужчины. Никогда раньше этого не случилось. Подумать только! А кожа у месье обнаглевшего дознавателя гладкая, мышцы напряжены почти до каменной твёрдости. И острый запах его тела вовсе не кажется отталкивающим.

Его ладони скользнули вверх по моим плечам, оставляя за собой прохладные следы. Я покачала головой, не в состоянии даже лишним словом его уколоть, словно у меня сохлось горло. Но я ещё готова была дать самый яростный отпор. Но отчего-то медлила – мгновение за мгновением.

Губы Ренельда только почти коснулись моих – я лишь ощутила их невесомое тепло. Но тут со стороны тропы слышались взволнованные голоса. Явно мужские. И меня словно бы окатило холодной водой.

– Пустите! – прошипела я, вонзаясь в кожу Ренельда ног-

тями.

К счастью, уговаривать его не пришлось. Он отодвинулся сразу и первым вышел из-за тонкой завесы ивовых прядей, что свисали почти до самой земли. Я быстро натянула перчатки, которые, оказывается, уронила вместе со шляпкой. Вынула из сумочки зеркальце и повертела его, пытаюсь разглядеть как можно больше частей своего лица. Ну, хотя бы не чумазая.

Тем временем Ренельд встретил мужчин, которые, похоже, как раз торопились к месту происшествия.

– Проклятье, Рен! Что с тобой?

Я совершенно точно узнала голос Ксавье. Выдохнула и тоже вышла на тропу. И получилось весьма удачно: в мою сторону как раз не смотрели.

– У нас тут произошёл весьма неприятный случай. Мадам д'Амран попала в магическую ловушку. Пришлось спасаться всеми средствами. Ну и меня слегка потрепало, когда я упал со склона. А в остальном всё не так скверно.

Но что на самом деле всё довольно скверно, мужчинам наверняка стало понятно, когда они заметили меня.

– Мари! – Ксавье тут же кинулся навстречу.

– Всё хорошо, милорд. – Я выставила перед собой руку, предупреждая любые его пылкие касания. – Теперь всё хорошо.

Но меня, кажется, уже мало кто слушал. Любопытствующие и озадаченные взгляды охотников уже метались от по-

чти раздетого Ренельда к помятой и растрёпанной мне. Затем обратно – и так по кругу. Ксавье, судя по скисшему выражению его лица, тоже оценил красочную картину.

– Один из наших охотников тоже попал в ловушку. Насилу удалось вытащить, – проговорил он мрачно. – А ещё... Лабьет прибежал туда. Мы его не заметили. И он попал под чьё-то заклинание.

Я ахнула, прикладывая ладонь к губам. Бедный Лабьет!

– Чьё-то?! – рявкнул Ренельд, мгновенно теряя самообладание. – Вы даже не можете понять чьё? Какие заклинания вы использовали? Ну?

Он схватил брата за шею – и показалось, что прямо сейчас придушит, и тот скривился, но вырваться не стал. На руке герцога опасно напряглись мышцы, глаза вновь обратились в бездонную зелень. Я каждым волоском на коже ощутила выплеск его силы: похоже, он считывал ауру Ксавье, что-то для себя выясняя. Другие мужчины попятились, переглядываясь. Никому не хотелось попасть под гнев месье разъярённого дознавателя.

– Ваша светлость! – окликнула я Ренельда. – Прекратите. Нужно помочь Лабьету!

Да столько всего ещё нужно сделать! Не время для драк и выяснения отношений.

– Рен... – начал оправдываться Ксавье. – Мы охотились. Почти нагнали одного санглиера. А тут Лабьет! Он сам полез, куда не надо! Его отнесли в дом. Он жив. Зацепило не

сильно...

– Ты использовал боевые заклинания. – Ренельд приблизил к нему лицо. – Это запрещено правилами! Этим существам нельзя убивать! А ещё ты вёл мадам д'Амран в сторону ловушки до того, как пришёл я. Что мне думать теперь? Скажи!

Он толчком отшвырнул от себя маркиза и быстрым шагом пошёл прочь.

– Вообще-то это ты её туда привёл, – поправляя ворот рубашки, огрызнулся тот.

– Теперь о вас позаботятся, миледи, – бросил герцог напоследок так глухо, что я едва услышала.

Глава 16

После снятия слепка с места установки второй ловушки пришлось выбрать самый короткий путь до дома. А он, как обычно бывает по закону вселенской подлости, проходил между раскинутыми для пикника шатрами. Вокруг них в тени каштанов на травке уже расселись девушки и женщины, ожидая, когда же закончится охота и можно будет выбрать самого-самого ловкого и отважного участника. А Ренельду хотелось оторвать этому ловкому и отважному голову. И руки. А может, ещё какие выступающие части тела, чтобы земля больше никогда не родила на свет его потомков.

Кем бы он ни был.

Тихо ругаясь себе под нос, он вышел на просторную поляну, под жгучее солнце. Стараясь не смотреть по сторонам, поднялся на пологий пригорок и каждой частичкой кожи почувствовал, как в него впились взгляды мгновенно притихших дам.

Но молчали они недолго. Их взбудораженный гомон и даже тихий смех догнали Ренельда в спину. А затем из самого большого шатра, украшенного полотнищами с вензелем дома де Ламьер, выплыла герцогиня. За ней чуть опасно выглянула и Леонора. Её глаза были чуть расширены от изумления, а на щеках цвёл заметный румянец – вряд ли от жары.

Мать, кажется, не торопилась, но удивительным образом не отставала от Ренельда и скоро поравнялась с ним.

– Рени! – процедила она отчётливо, но достаточно тихо, чтобы не слышали другие. – Что за вид?

– За последние полчаса меня хватанул за зад собственный шинакорн, я едва не переломал себе руки и ноги, меня едва не подожгли. Графиня д'Амран попала в магическую ловушку. А ваши доблестные охотники, оказывается, использовали боевые заклинания против существ, которые не сделали им ничего плохого. А в остальном всё просто отлично.

– Постой! – велела герцогиня. – Объясни подробнее. И без сарказма, пожалуйста!

Но Ренельд даже шаг не сбавил.

– Я объясню подробнее потом. Но твоим гостям лучше не уходить далеко от шатров. Здесь могут быть ещё ловушки. Выстави стражу, чтобы никого не пускали в сквер, к пруду и вообще по окрестностям. Я проверю всё сам. Но чуть позже.

Он махнул рукой, предостерегая мать от новых расспросов, и та остановилась, передумав его преследовать.

– Рени. Ты вернёшься к гостям? – только и спросила напоследок. – Леонора беспокоится. Говорит, ты сбежал...

Конечно, сбежал! Вести бестолковые и бесполезные разговоры с барышнями сейчас ему хотелось меньше всего.

– Дай ей успокоительное снадобье, – бросил он, не обернувшись.

На что мать только возмущённо фыркнула.

Но Ренельду такое снадобье тоже не помешало бы. Одна только мадам д'Амран чего стоит! Как ей только это удаётся – быть одновременно столь притягательной и настолько колючей, что нет никаких шансов не оцарапаться о её шипы? Вот и сегодня Ренельд даже не заметил, как напоролся. В очередной раз. Теперь всё тело словно бы зудело от раздражения и досады. От напряжения, схожего с вполне отчётливым неудовлетворением. Проклятье, и зачем он вдруг решил что-то доказать этой несносной вдовушке? Ведь знал, что с ней не может быть просто!

И, помимо этого, душу снедало страшное беспокойство за Лабьета. Как в эту ушастую голову вообще пришла мысль сунуться на охотничьи угодья? Надо было дожидаться напарника!

Ренельд ворвался в свою комнату, вспугнув слугу, который с большой опаской сидел почти у самой двери и смотрел на пухлую софу, где, вытянув лапы, лежал шинакорн. Похоже, бедняге велели приглядывать за ним, пока не придёт хозяин. И теперь слуга с большим облегчением на лице сбежал, не забыв поинтересоваться, не нужно ли его светлости что-нибудь. А тот лишь попросил воды – умыться.

– Эй, приятель! – окликнул он Лабьета, проходя дальше. Оглядел его, выискивая хоть какие-то следы ударившего заклинания. Ещё не хватало, чтобы были сломаны кости. Шинакорны живучи, их скелет гораздо крепче собачьего и даже человеческого. Но, судя по мощи заклинания, которую

использовал Ксавье в охоте, достаться могло даже такому детине.

– Лабьет, ты меня слышишь? – Ренельд приложил ладонь к слегка опалённой шкуре на задней лапе напарника.

Почувствовал плавное смещение их энергий. Тёмная аура охотно вплелась в чуть надтреснутую ауру шинакорна, латая изломы.

Хорошо, что его только едва зацепило. Вскользь. И похоже, это было какое-то едкое заклинание, напоминающее некий отравляющий газ. Оставляет ожог и может парализовать на довольно продолжительное время. Но если подпитать ауру Лабьета достаточно сильно, заживление пойдёт быстрее.

“Ты принёс что-нибудь сладенькое?” – не открывая глаз, вдруг выдал шинакорн.

– Что? – не сразу понял Ренельд.

“Конфета где? – Лабьет приподнял голову и наострил уши. – Я думал, она придёт. Я тут умираю, вообще-то!”

Он трагично дёрнул раненой лапой и распластался ещё сильнее, интенсивно изображая страдающего.

– Какой же ты всё же гад мохнатый! – проворчал Ренельд. Но страшное облегчение всё же разлилось внутри, унимая хотя бы часть злости, что до сих пор разогревала каждую мышцу. – Я чуть не тронулся умом. Думал, ты и правда умираешь!

“Нет... В какой-то миг я тоже так думал. Было больно!”

– Мне тоже было больно, когда ты цапнул меня за зад!

“Ой! Думаешь, мне приятно было кусать мужской зад? Войди в положение. Это рефлексы. Ну и думается, от этого больше пострадала твоя гордость”.

– Моя гордость сегодня вообще терпит поражение за поражением. – Ренельд встал и прошёлся до шкафа, где висела его одежда, на ходу развязывая рукава прикрывающей срам рубашки.

“Что? Опять поцапался с мадам Конфеткой? То-то, думаю, она не пришла”.

– Она всё равно ничем не может тебе помочь, – процедил Ренельд. – И, думается, теперь ей приятнее в компании Ксавье.

От этой мысли очередная волна злости накрыла уже стихшую, вновь усиливая её. Нет, Ренельд не был против счастья брата. И счастья Мариэтты тоже. Но отчего, когда две эти отдельные мысли складываются вместе, на душе становится так паршиво?

“А я давно говорил, что твой брат страдает косорукостью. Или косоглазием. Как он вообще не узнал меня?”

– Так это он в тебя попал?

“А кто же ещё? Вот я ему припомню. Нагажу в...”

– Ты почувствовал вторую ловушку? – Ренельд прервал мстительные рассуждения Лабьета. – Потому ринулся туда?

Но пришлось помолчать. Вернулся слуга с большим кувшином подогретой воды и стопкой чистых полотенец. Хотя

они тут и так были. Когда он ушёл, Ренельд стянул с себя пострадавшие брюки, которые теперь только выбросить, и принялся умываться.

Лабьет, кряхтя, наконец поднялся и сел прямо на софе. Солнце через окно подсветило его уши, отчего они стали казаться красноватыми.

“Мне показалось, эти ловушки составляли сеть. Одна связана с другой. Похищенная энергия перетекает сложными каналами, отчего её сложнее отследить. Пока это была очень простая цепь. Однако сложнее, чем раньше”.

– Думаешь, тот, кто всё это установил, пробует новые силы?

“Думаю, его замысел гораздо обширнее, чем кусками тырить чужие ауры. Слишком хлопотно отлавливать магов по одному”.

Всё верно. Не набегаясь за каждым. А если соединить ловушки в какое-то подобие сети с истечением энергии к определённом поглотителю, то эффект будет гораздо лучше.

– Что насчёт канала, куда могла бы утекать энергия? Ты ничего не почувствовал? – Ренельд наконец смыл с себя пот и пыль.

Даже мысли, кажется, потекли чуть бодрее.

“Я не успел даже добежать до второй ловушки, как в меня угодил заряд этой едкой дряни, – проворчал шинакорн. – Но если она сработала и самоуничтожилась...”

– Значит, канал тоже разрушен. – Ренельд вздохнул. – Это какой-то тупик. Но я всё равно должен проверить ещё раз. Одного слепка мало. Хотя место охоты сейчас очень фонит чужими аурами. Мне понадобится твоя помощь, если ты способен ходить.

“Ничего, найду си...” – но Лабьет вдруг осёкся.

А в следующий миг рухнул обратно на софу, как подрубленный. Ренельд даже успел вновь испугаться. Вдруг это какой-то отложенный эффект попавшего в него заклинания? За это Ксавье ещё поплатится целостностью своей физиономии. Но снаружи послышались чуть торопливые шаги, а затем в дверь постучали.

“Открой, ну?” – не шевелясь, потребовал Лабьет.

Ренельд, гневно на него косясь, пошёл встречать гостя, раз уж слуги рядом не оказалось. Одной рукой пытаясь застегнуть ворот чистой рубашки, другой он дёрнул ручку, собираясь прогонять любопытствующих. И его едва не снесло с ног ароматной и горячей аурой Мариэтты, которая стояла за дверью. Похоже, она сильно волновалась. Да и после кражи хотя бы крохотной части её ауры, как рассказывал Лабьет, сила возвращалась к ней сторицей. Потому даже вайлет в тонкой бархатке плохо это скрывал.

– Не обольщайтесь, ваша светлость. Я пришла к Лабьету, – серьёзно проговорила графиня. – Как он?

Ренельд обернулся к псу, который лежал неподвижно, словно и правда без чувств, а затем вновь посмотрел на Ма-

риэтту. Вот почему игру затеял шинакорн, а расхлёбывать ему? Что ж, придётся подыграть.

– Довольно скверно. Пройдёте? Или позовёте дуэнью, чтобы ваша репутация, не дай Первородные, не пострадала?

– Дуэнью я сегодня не захватила. Но знала бы, что меня здесь ждёт, позаботилась бы и об этом.

– Ваша экономка сгодилась бы. От неё даже стража сбежит в ужасе.

Хотя надо признать, во время дачи показаний она вела себя не в пример покладистей. Может, это громада Марбра и вероятная близость короля где-то за стенами замка оказывали на неё такое воздействие...

– Ай-яй-яй, ваша светлость, – несносная вдовушка покачала головой, ладошкой деликатно отодвигая Ренельда в сторону, – а ведь мадам Хибоу приятно вас отзывалась. Впрочем, она многое склонна идеализировать.

Мариэтта одарила его полным иронии взглядом и прошествовала внутрь. Идеально прямая спина, гордо вскинутая голова. Как будто ещё недавно она не напоминала встрёпанного воробья.

Сразу заметив Лабьета, Мариэтта торопливо приблизилась к софе и присела на краешек.

– Я чем-то могу ему помочь? – проговорила, оглядев пса, раскинувшегося в страдающей позе.

– Думаю, с вашими умениями – нет. – Ренельд пожал плечами. – Тут нужна тёмная энергия.

“Эй, чего это? – возмутился шинакорн. Его уши чуть шевельнулись. – Я не откажусь от порции Конфеткиного света. Прямо что-то лапу заломило. И жжёт... Как жжёт шкуру. Аж печёт, честное слово!”

– Свет ему вреден? – Графинюшка осторожно погладила псу бок.

И сразу отвернулась, словно бы пытаясь что-то скрыть, но ожидая ответа со всем вниманием. Конечно, она не догадывается, что Ренельд знает о том случае, когда Лабьет принял на себя излишки её маги. Кому было ей о том рассказать? Казалось бы.

– В больших количествах – да, – пришлось избежать прямых намёков на свою осведомлённость. – В малых он может оказывать опьяняющее или обезболивающее действие.

“Так я о чём и говорю! – с готовностью подтвердил шинакорн. – Прямо очень нужно обезболивание!”

Он вдруг вскинул голову и заскулил таким тоненьким голосом, словно вдовушка села ему на причинные места. Та, конечно, разжалобилась – по глазам стало видно. Они наполнились таким потрясающе тёплым янтарём, что Ренельду и самому захотелось к ней прикоснуться. Она самыми кончиками пальцев дотронулась до подпалины на бедре Лабьета, и её аура расплескалась вокруг тёплой волной, даже окутала лицо.

– Не переусердствуйте, – предупредил Ренельд графиню. Лабьет блаженно вытянул лапу и тихонько заколотил по

дивану хвостом.

“Рен, может, ещё ухо мне почешешь? Тогда день вообще удастся!”

– Обойдётся, – ответил тот, наблюдая, как шинакорна размазывает по дивану от бережного воздействия Мариэтты. – Тебе и так достаточно! Не привыкай.

“А может, я хочу привыкнуть? – вдруг удивительно жёстко буркнул Лабьет. – Тебе, может, тоже не мешало бы уже к кому-то привыкнуть”.

– Кажется, раньше тебя всё устраивало!

“То было раньше. Но я готов к переменам. В отличие от тебя”.

Пёс обиженно смолк. А Ренельд уставился в профиль Мариэтты. Она тоже успела привести себя в порядок, и ничто в её облике теперь не напоминало о недавнем происшествии. Волосы аккуратно убраны, только несколько прядок мягкими завитками лежали на шее и плечах. Платье тоже другое – чуть проще, чем то, что она заказывала нарочно для пикника. Да, может, так и лучше. Ренельд поймал себя на мысли, что хочет видеть на ней как можно меньше одежды.

И Мариэтта, словно услышав это, вдруг резко встала.

– Что ж, вижу, Лабьет скоро пойдёт на поправку. Рада, что с ним не всё так страшно, как я думала.

“Рен, задержи её”, – взмолился пёс.

– Нам нужно поговорить, мадам. – Ренельд шагнул к ней. – Не о следствии. А о том, что с вами происходит.

– Только не делайте вид, что это вас беспокоит! Я как-то справлялась с этим сама до встречи с вами. А ваше вмешательство, боюсь, всё только ухудшит. Я благодарна вам за помощь с виноградником. И с оправданием Перетта, – графиня говорила всё быстрее. – И за то, что вы сегодня спасли меня – тоже очень благодарна. Но...

– Чего вы хотите от союза с Ксавье? – прервал её Ренельд. – Чего вы ждёте от него? Что он вас защитит? Или вы чего-то ждёте от себя самой?

– Вам какое дело? – сразу ошетибилась вдовушка. – Разбирайтесь, пожалуйста, со своими союзами. Их у вас может сложиться великое множество, только пальцем шевельнёте. Ведь в этом вы пытались убедить меня сегодня?

“Что ты ей наговорил? – встрял Лабьет. – Вот оставь тебя одного, так всё псу под хвост!”

– Вас это расстраивает? – Ренельд медленно подошёл.

– Да мне всё равно! – Мариэтта взмахнула перчатками, что сжимала в руке. – Только меня не донимайте! У меня от вас начинается мигрень!

Ренельд поймал её запястье, прерывая жест, которым она, кажется, хотела отгородиться от него. И вдовушка замерла, часто-часто дыша. Над её губой заблестели капельки испарины, а глаза стали ещё ярче, выгорая почти до пламенной желтизны.

– Кажется, мигрень у вас всё же не от меня.

“Вот, снова началось, – пояснил Лабьет. – Такое у неё уже

было”.

И, в подтверждение его слов, Мариэтта чуть покачнулась, наклонилась вперёд, словно у неё всё внутри свело спазмом.
– Освободи место! – рявкнул Ренельд.

Шинакорн моментально соскочил с дивана, будто и не умирал пару минут назад. Похоже, обезболивание аурой Мариэтты и правда было эффективным – он даже не хромал. Ренельд подхватил графиню на руки. Обронив перчатки, она ухватилась за его шею, и её горячие ладони словно бы впились в кожу. Слишком сильный поток света жжением прошёл по мышцам – так, что из глаз вышибло слёзы.

Ренельд на какой-то миг перестал видеть что-то вокруг себя. Почти наобум опустил Мариэтту на диван. Хотел опереться ладонью на подлокотник, но, кажется, промахнулся и изрядно придавил собой вдовушку. Ткнулся лицом в мягкость её локонов. Вдохнул их аромат, словно мгновенно лишился разума. Невыносимо сильно захотелось ещё и зарыться в них пальцами. Ренельд даже поднял руку – явно для этого, – но по пути задел каплю вайлета, что лежал во впадинке между ключицами графини.

– Он выгорел, – проговорил, прежде чем успел подумать. Но, похоже, Мариэтта его не услышала.

– Слезьте с меня! – сдавленно потребовала она. – Мне не настолько плохо...

“Что происходит, Рен? – обеспокоенно засуетился шинакорн. – Ты забрал излишки?”

– Её аура неуправляемая. Слишком сильная. – Ренельд всё же приподнялся. – Кажется, я не могу принимать её. Она спечёт мне кишки.

До слуха слишком запоздало донёсся стук в дверь – надо сказать, довольно раздражённый и громкий. Вдовушка дёрнулась встать, толкаясь и тихо бранясь. Её ладошки и колени то и дело упирались Ренельду в самые неподходящие места, а лицо было так невыносимо близко, что проще поцеловать, чем отстраниться. Разумные мысли одна за другой со свистом покидали голову, словно стая зловеще хохочущих ведьм на мётлах. Пора бы прекратить это вопиющее безобразие! Пока не стало поздно. Но отчего-то справиться даже с собственным весом стало невероятно трудно. Точно тело превратилось в кисель.

“Тебе помочь?” – поинтересовался Лабьет с явной гаденькой ухмылкой в голосе.

– Не смей примеряться к моим штанам!

“Если ты не прекратишь валяться на мадам Конфетке, то целых у тебя скоро не останется!”

Да, пожалуй, так оно и будет – и эта мысль заставила напрячь все силы. Но, несмотря на все ухищрения и борьбу, принять достаточно невинные позы вовремя не удалось. Не дождавшись разрешения, в комнату вошёл Ксавье.

– Что ты делаешь?! – возмутился он с порога. – Миледи, с вами всё в порядке?

Широким гневным шагом прошёл через комнату. Но Ре-

нельд уже выпрямился и даже поправил съехавший набок ворот рубашки. На какой-то миг показалось, что сейчас брат замахнётся и ударит. Судя по ярости в глазах, у него на то было явное намерение. Да и аура стала горячее, налилась напряжением, как готовая к спуску тетива, – у магов-боевиков это всегда заметно. Даже Лабьет почувствовал и утробно зарычал.

Но, с явным усилием удержав резкий жест, Ксавье поправил шейный платок. Он тоже успел переодеться после охоты, хоть вряд ли ему хотелось заканчивать развлечение так скоро. Однако пострадал один из его приятелей. А это заставит задуматься кого угодно.

– Всё в порядке, милорд! – Мариэтта отважно встала между ними. Небрежным жестом поправила чуть растрепавшиеся волосы. – Мне просто немного подурнело. Столько всего случилось... я ещё не до конца пришла в себя. Его светлость хотел помочь мне присесть. А я наступила на собственный подол. И вот такая неловкость.

Она говорила так ровно, с идеальным соотношением растерянности и смущения в голосе – на это невозможно не купиться. Если не знаешь, что кроется за её словами на самом деле.

– Вы уверены? – всё же засомневался Ксавье и качнулся к Ренельду, дыша, словно разъярённый санглиер.

“Я сейчас прокушу ему голень! – пригрозил Лабьет. – Пусть тоже припадает на одну ногу. Охотничек!”

– Конечно! – Мариэтта улыбнулась чуть подрагивающими губами. – Вы можете проводить меня на воздух, милорд?

Она чуть торопливо схватила брата за локоть и даже ле-гонько, но весьма настойчиво потянула прочь.

– С удовольствием, миледи. – Ксавье кивнул, расправляя плечи. – Герцогиня как раз зовёт всех во двор. Теперь оттуда нам деваться некуда. Стража никого не пускает дальше границы луга. Свежие закуски поданы. Прибыли музыканты...

Всё это он говорил, не сводя неподвижного взгляда с Ренельда.

– Стража для безопасности гостей, – процедил тот. – Пока мы с Лабьетом не проверим окрестности.

– Естественно. – Братец дёрнул уголком рта. – Миледи, дайте нам переброситься парой слов. Я тотчас же вас нагоню.

Графиня перевела взгляд с него на Ренельда и обратно, а затем прошествовала к двери. Чуть задержалась, поднимая с пола тонкие перчатки – нарочито неспешно, – но всё же вышла.

– Займись Леонорой, будь добр! – как только за ней закрылась дверь, тихо рыкнул Ксавье. – Или любой другой девицей. После твоего грандиозного появления среди них в полуголом виде желающих, думаю, найдётся немало. Мари – моя. И ты прекрасно об этом знаешь!

– Думаю, у неё другое мнение на этот счёт. – Ренельд пожал плечами. – Вряд ли она вообще одобрит то, что ты так легко её присваиваешь. Такие женщины принадлежат только

тому, кому захотят.

– Считаешь, она не хочет? – Глаза брата сощурились в два ледяных осколка.

– Я не знаю. Просто наблюдение.

Каждое слово поднимало из нутра волну тошноты. Неугомонный жар носился по телу, ударяясь горячими сгустками то в голову, то в грудь, то куда-то в низ живота. Пожалуй, такой обмен аурами с вдовушкой опасен, а вот может ли быть от него толк – это совсем другой вопрос.

– Просто не трогай её. Ты должен видеть, что ей это не доставляет радости.

– Я веду следствие. И мадам д'Амран пострадала уже во второй раз. Мне придётся с ней видеться. Как бы ни мало тебе это нравилось.

Ксавье хмыкнул.

– Ты прав, мне это не нравится. Хотя я и понимаю важность расследования. Однако... Просто имей в виду, что я собираюсь сделать ей предложение. Совсем скоро.

“Проклятье! Да с чего вдруг? – взвыл Лабьет. – Рен! Сделай с этим что-нибудь!”

– А ты не желаешь для начала убедиться, взаимно ли твоё рвение?

– Знаешь, я очень многое желаю по отношению к Мари. И её... желания тоже выясню. Обязательно.

Ксавье нарочито холодно поклонился и быстрым шагом вышел. Судя по замаху, хотел хлопнуть дверью, но не стал.

Ренельд, стараясь не сбиваться на бег, дошёл до умывальника – и вот тут-то всё съеденное утром резво метнулось из желудка прочь.

“Странно, – задумчиво проговорил шинакорн. – Мне не было так плохо, как тебе”.

– У тебя другая структура ауры. А мы... Боюсь, с мадам д’Амран мы несовместимы.

Кто же мог подумать, что получится именно так? Всё внутри бунтовало, не жалая принимать в себя чужой свет. Тьма упруго клубилась, закручивалась спиральями, вызывая ощущение дурноты. И всеми силами стремилась вытолкнуть посторонние силы.

И отчего-то вспомнился сон, в котором Мариэтта сожгла Ренельда в пепел. Его ощущения сейчас были очень похожими на те.

“Тебе нужно попробовать ещё раз!” – настоял Лабьет.

– Ты так хочешь стать королевским псом? – Ренельд повернул к нему голову, вытирая губы полотенцем. – Или ты хочешь моей смерти в муках?

“Иногда второе, – хмыкнул пёс. – Но чаще я всё же хочу, чтобы ты обрёл то, чего достоин”.

– Я выясню, что с аурой Леоноры. А там... Буду думать над другими вариантами. Теперь пойдём. Нам нужно осмотреть окрестности.

Кажется, гости скоро перестали тревожиться о том, что случилось утром. Стража надёжно охраняла периметр, да

против них никто и не рвался: всё и так было хорошо. Вино подносили к столам без остановки, Ренельд видел среди остальных и бутылки с этикетками Шато Д'Амран. Похоже, матушка благоволила Мариэтте.

Закуски не иссякали, столы пополнялись всё новыми и новыми – все старания местных поваров налицо. Музыканты, устроившись под навесом, задумчиво наигрывали незамысловатую приятную мелодию. Кто-то, расположившись на пледах в тени деревьев, затеял беседы или игру в ленард. Щёлкали игральные кости и фишки, которые двигали по расчерченному полю доски. Женщины смеялись над шутками мужчин. Те, в свою очередь, слегка скучали, с тоской поглядывая в сторону лесочка, где ещё недавно проходила охота.

Мать, как истинная хозяйка, пыталась уделить внимание всем. Всем улыбнуться, каждому сказать что-то приятное. Но, наверное, только сыновья способны были разглядеть в её глазах неутраченное беспокойство.

Нападение на приглашённых прямо во время пикника! В гостях у будущей жены короля! Скандал, достойный первых страниц всех газет. И потому она старалась, как могла, смягчить гнетущее впечатление от этих неприятностей.

Ренельд, вместе с Лабьетом и двумя стражниками исследуя сквер и место охоты, то и дело оказывался среди гостей. Графинюшка как будто и не замечала его. Ксавье нарочито воротил нос, обхаживая её так внимательно, как вообще мог. Но, похоже, настроение у Мариэтты было испорчено окон-

чательно. Она рассеянно смотрела мимо кавалера, рассеянно отвечала и отрешённо улыбалась на его слова. И как бы невзначай, но достаточно заметно для стороннего наблюдателя избегала любых касаний, на которых Ксавье то и дело пытался настаивать.

“Что-то мне кажется, что сегодня мы вернулись к исходной точке... – недовольно ворчал шинакорн. – А ведь Конфетка была уже почти у нас в руках. Вернее, у тебя. И не только в руках. После такого – только в храм и брачную постель, честное слово!”

Ренельд отмалчивался, не желая вступать с ним в пустые пререкания. И всеми силами пытался вытолкать вдовушку из своих мыслей.

В итоге ничего особо полезного вокруг имения обнаружить не удалось. Всё те же обрывки заклинания, подпалины в виде кругов на земле и обрывочный след канала, который внезапно терялся, словно его обрубили. Одно лишь пополнение в фактах: последние две ловушки и правда были связаны. Их силы стекались к одному источнику. К какому – вот главный вопрос. Это человек или просто некий накопитель? В любом случае становилось понятно всё отчётливее: там точно замешана тёмная аура. Только она может притягивать свет так быстро, а от взаимодействия с ним, да при умелом использовании, её след сам собой нейтрализуется.

От длительной прогулки остатки пекущих ощущений в теле наконец растворились, оставив только лёгкий шлейф,

словно бы ожог. Надо же! А впервые раз, когда Ренельд соприкоснулся с аурой вдовушки, всё выглядело гораздо приятнее. То ли состояние её ауры с того дня изменилось, то ли поток оказался слишком сильным. Но сейчас это больше походило не на опьянение, а на похмелье. Причём похмелье довольно жестокое. Словно после бочки дешёвого креплёного вина, что подают в окраинных тавернах.

Но наконец сумасшедший день закончился, и с рассветом Ренельд отправился обратно в Марбр. Королевский заклинатель обещал предоставить исследования тех знаков, что сумела увидеть Мариэтта на двери своего погребца. Возможно, и Юго прислал что-то. Желательно обнадёживающее.

Едва переведя дух с дороги, Ренельд вошёл в приёмную своего кабинета, и Тибер тут же подскочил с места.

– Вам письмо, ваша светлость, – бодро выдал он.

“Радуйся, что наша светлость не светится на самом деле, – по привычке забыв, что тот его не слышит, проворчал Лабьет. – Была такая опасность”.

Ренельд проводил напарника хмурым взглядом, принимая из рук помощника большой конверт. Подписан тот был неразборчивыми, но знакомыми закорючками Юго – это хорошо. Хоть какие-то новости.

Ренельд вскрыл конверт ещё по дороге к столу, вынул бумаги и прочёл, быстро перебирая листы со схемами, формулами, выводы из которых не предвещали ничего радостного. Большею частью, конечно, для самой Леоноры. Да и вообще

любому чтецу видеть и ощущать разрушенную магию всегда печально.

“...Таким образом, Рен, боюсь, что аура мадемуазель де Берг не подлежит восстановлению, – было написано в небольшом неофициальном послании от Юго, что он приложил к документам. – При личной встрече я порекомендую ей некоторые регенерирующие эликсиры и курс магического воздействия. Но только для того, чтобы её перестали мучить слабость и головные боли. То, что осталось от её ауры, затянется, придёт в какое-то упорядоченное состояние ровно так, чтобы не доставлять ей неудобств в дальнейшей жизни. Но продолжить обучение в Санктуре она не сможет. А также не сможет рассчитывать на устройство жизни в магической сфере или на замужество с магом”.

– Тибер! – позвал Ренельд помощника, склонившись к диску передающего звук войта на столе.

– Да, ваша светлость! – откликнулся тот с лёгкими повизгивающими помехами.

– Составь извещение для мадемуазель Леоноры де Берг. Об аудиенции со мной. Отправь в гостиницу “Коломб Волант” немедленно.

“Хочешь преподнести неприятную новость лично? – Лабьет перестал созерцать двор Марбра и спустил передние лапы с выступа под окном на пол. – Заодно заберёшь все надежды на то, что вы будете вместе”.

– Эти надежды и так были малы.

“Но ты отчего-то за них цеплялся”.

– Я не цеплялся, а рассматривал первый доступный вариант. Он был бы гораздо лучше, чем опасность быть запечённым аурой мадам д’Амран, как гусь в печи.

“Здесь что-то не так, Рен, – настоял шинакорн. – Что-то не так стало после второго нападения на неё. Я не хочу, чтобы ты считал, будто мадам Конфетка может тебя убить”.

– Но она может. – Тот посмотрел на него искоса. – И не делай вид, что ты этого не понимаешь. Конечно, не всё однозначно. И стоит проверить ещё раз. Но я должен над этим хотя бы подумать. Потому что будет пахнуть моей палёной шкурой. Если что.

– Ваша светлость! – внезапно раздалось из войта. Ренельд едва сдержал желание прихлопнуть визгливый диск ладонью. – Я едва не забыл! Его величество ещё вчера передал пожелание, чтобы вы зашли к нему, как только вернётесь. У него какие-то важные вести. И он срочно хочет их с вами обсудить.

– Я понял. Спасибо.

Войт недовольно шикнул, прежде чем отключиться. Магам-артефакторам, кто его разрабатывал, ещё стоило бы покорпеть над совершенством своего устройства. А то порой от него только раздражение.

Что ж, раз его величество просит, надо покончить с этим поскорей.

“Боюсь, король приготовил для тебя стимулирующую по-

иски жены дубину, – заметил Лабьет, следом за ним выходя из кабинета. – Я бы на его месте так и поступил”.

– Хорошо, что ты не король.

Вместе они прошли по широкому, освещённому через огромное арочное окно коридору, затем свернули к мужской части замка и через неё направились к лестнице, что выходила во двор. Судя по времени, у Ивена как раз короткий предобеденный моцион.

Но, проходя мимо одной из дверей, Ренельд резко приостановил шаг. Тело сработало раньше, чем разум успел осознать, что из комнаты доносится очень знакомый и очень возмущённый женский голос.

– Ты не обсудил это со мной! – он зазвенел стальным негодованием, таким яростным, что им можно было бы убить, если приложить к тому ещё и магию. – Почему ты вдруг решил, что вправе так поступать?!

Мужской голос ответил гораздо спокойнее и тише, потому его слова невозможно было разобрать. Лабьет прислушался и недовольно чихнул:

“Не пойму ни словечка”.

Но в следующий миг из комнаты быстрым шагом вылетела герцогиня Энессийская. Она успела пройти немного в сторону от Ренельда, но заметила его и остановилась. Дверь приоткрылась снова, и следом за ней, не торопясь, вышел посол соседнего королевства Сьерво – Эктор Балленас. Однако, неожиданный приезд! Конечно, он не мог пропустить

свадьбу, на которую его наверняка пригласили заранее. Но и никаких слухов о том, что он приедет так скоро, до Ренельда не доносилось.

Вот только беспокоило не это, а причина, по которой он успел поссориться с матерью.

– Рени! – Та натянуто улыбнулась. – А я как раз собиралась передать тебе просьбу сегодня явиться на обед к королю. Вот, приехал герцог Балленийский. Слегка неожиданно. Но это и хорошо, мы все давно не виделись!

Ренельд наклонил голову, приветствуя двоюродного дядю. Между ними никогда не было особо близкой связи. И виделись они и правда давно – последний раз на похоронах отца.

– Честное слово, Ренельд! – зычно воскликнул Эктор, выходя дальше в коридор. – Ренельд, встретить я тебя мимоходом, и не узнал бы. Ты ещё больше возмужал!

Его густой голос мало подходил весьма утончённой и в чём-то жгучей внешности. Тёмные волосы до плеч, всегда педантично зачёсанные назад и закреплённые серебряными кольцами в замысловатом перплетении на затылке, – как принято у многих знатных мужчин Сьерво. Чёрные брови, хищные черты носа и губ, но при этом весьма выразительные большие глаза.

– Приходится мужать, – ответил Ренельд сдержанно. – От такой-то жизни.

– У Рени сейчас весьма сложное расследование, – поясни-

ла герцогиня. – Поразительные вещи творятся. И страшные тоже.

– Я уверен, он справится! – Герцог опустил взгляд на шинкорна. – А Лабьет! Вот это вымахал! Мне кажется, он был меньше. Вот такой.

Эктор показал ладонью где-то у середины бедра. Шинкорн настороженно махнул хвостом из стороны в сторону пару раз и снова замер, наострив уши.

Герцога Балленийского Лабьет знал совсем мало. После смерти кузена, с которым Эктор был очень дружен, тот почти совсем перестал приезжать. Во время большого конфликта между их королевствами герцог страдал, кажется, едва ли не больше других. Ведь по ту сторону от моря у него оставались довольно близкие родичи – по матери. Война закончилась. Брат короля погиб, как и его прямой наследник. Напряжение между соседями осталось. Но все делали вид, что всё в порядке. Послам в такой обстановке всегда приходится сложнее всего.

– Лабьет просто удивительный. – Матушка улыбнулась. – Рени даже отказывается от других напарников. Но сейчас у них очень напряжённое время. Не далее, как вчера...

– Думаю, я смогу рассказать интересующие всех детали за обедом, – Ренельд постарался как можно мягче прервать матушку. – А сейчас, с вашего позволения, я пойду. Меня ждёт его величество.

– Да, конечно, – тут же нахмурилась герцогиня, оглядывая

его лицо.

Словно пыталась понять по его выражению, как много он слышал.

“А вот не надо стоять и орать возле двери”, – едко заметил Лабьет, будто прочитал и её мысли тоже.

И Ренельд был с ним вполне согласен. Никогда, даже в самые благоприятные времена, он не замечал, чтобы мать близко общалась с Эктором. Хоть они всегда довольно приветливо относились друг к другу. Но не вели никаких дел и не решали серьёзных вопросов. А потому её столь резкие слова, обращённые к нему, казались и вовсе абсурдными.

– С вашего позволения. – Ренельд кивнул дяде и направился прочь, решив пока принять вид, будто ничего не заметил.

Но поговорить с матерью явно стоит. Наедине – так будет проще склонить её к откровенности.

В то время, когда он спустился в сад, король уже возвращался. Они пересеклись на дорожке, что вела обратно к замку. Ивен сразу остановился и, оглядевшись, указал на боковую тропинку. Махнул страже, отгоняя их подальше, а Ренельда, напротив, подтянул к себе поближе, крепко ухватив за локоть.

– Что случилось? – Тот высвободился и одёрнул рукав. – Здесь посол. И мать явно чем-то недовольна.

Детали её недовольства он пока опустил.

– Конечно, недовольна! – хмыкнул король. – Эктор отли-

чился так, что хоть падай!

“Я так и знал, – протянул Лабьет. – Вот и почему мы должны всеми лапами встывать в эти политические дразги? Как будто нам своей головной боли мало!”

– Не припомню, чтобы посол раньше выдавал внезапные решения.

– А тут вот выдал. – Ивен вздохнул, качая головой, словно ещё и сам не до конца в это верил. – Помнишь его старшего сына Виктора? Такой мальчишка, ужасно несносный. Постоянно его ловили на каких-то проделках.

– Помню. – Ренельд кивнул. – Но это было давно.

– Он будет участвовать в испытаниях за право стать моим преемником.

“Эта зараза?! – Лабьет даже тихо проскулил. – Этот головастик вообще магией обладает или только хитрожо...”

– Обладает, – прервал его Ренельд. – Тебе же он подпалил тогда хвост. Или ты забыл?

“Мой мозг предпочёл избавиться от таких унижительных воспоминаний”.

– Я не понимаю, что тебя удивляет, – Ренельд вновь обратился к Ивену. – Виктор из рода Таури. Пусть и по бабке. А на испытания приедут даже те, в ком той крови гораздо меньше, чем в нём.

– Меня удивляет не это! – жёстко проговорил король, останавливаясь. – А то, что это решение принял Эктор! Мне казалось, он всегда был на нашей стороне и старался смяг-

читать наши отношения с Сьерво. Но ты знаешь, что означает, если Виктор победит? Что Гриффанруж после его восхождения на престол лишится многих земель, за которые мы когда-то проливали кровь и ради которых многие маги рискнули своей аурой. А может, лишится и всего своего суверенитета!

– Почему ты так в этом уверен? Может, намерения посла противоположны. И тем самым, напротив, дружба между королевствами укрепитя.

– Потому что я вижу это. Отношение Эктора к нам изменилось. Изменилось его ведение дел. Он резче стал отстаивать интересы своего короля. Связь крови для него теперь значит гораздо меньше. Ты можешь не знать этого. Но я знаю. Мне многое докладывают наши люди при дворе короля Тирсо Третьего. И я видел Виктора – в последний мой визит в Сьерво.

“У-у, похоже, там всё стало гораздо хуже, чем было”. Лабьет прижал уши.

– И что же? – Ренельд посмотрел вдаль, уже чувствуя давление Ирвена. Упругое касание его ауры.

– А то, что он очень силён. Внушительные способности к магии, сильная светлая аура. И он уже далеко не тот сопляк, каким ты его помнишь. – Его величество пошёл дальше по тропе. – Ты сильнее. Но...

– Но я ленойр. Я помню.

“Редкий зверь, – ободряюще заметил шинакорн. – Лично

я этим горжусь”.

– Мне не хотелось бы разочаровываться, – особо отметил его величество.

– Усиление ауры Виктора не кажется тебе подозрительным? – поинтересовался Ренельд, чуть поразмыслив.

– Ты намекаешь на то, что это может быть связано с нападениями Собирателя?

– Почему нет?

Король покачал головой.

– Его аура развивалась с возрастом. И это случилось ещё до того, как мы впервые услышали об этом мерзавце. Я не исключаю хитростей со стороны Балленасов. Но чтобы идти таким путём...

– Им выгодно. В этом их прямой интерес.

– Как и у других претендентов на место преемника, – напомнил Ивен.

– Значит, нужно проверить всех. За всеми понаблюдать. И мне нужна будет помощь твоей Тайной службы.

– Всё что угодно, Рен. – Король кивнул с самым серьёзным видом. – Я и сам не прочь их прощупать. И уже начал это делать, признаться. Если вдруг обнаружится что-то подозрительное...

– Я хочу знать об этом в числе первых.

Они немного помолчали, размышляя, возможно, об одном и том же.

– Что у тебя с поисками жены? – Выражение лица короля

стало чуть отрешённым. Но он с явной надеждой ждал ответа. – Нужна помолвка, свадьба – всё это требует времени на подготовку. Чтобы не вызывало подозрений. Я вижу твоё нежелание этим озадачиваться. Но ты должен понимать, что положение гораздо серьёзнее, чем мы думали. Это теперь не просто моя прихоть.

– Поиски ведутся, – размыто ответил Ренельд.

“Ваше величество, у нас есть кандидатура! – рыкнул Лабьет, словно пытаюсь дозваться короля. – Ужасно симпатичная и вредная. Как и все сладости”.

– Мне не нравится твой ответ! – Глаза Ивена потемнели, а густые брови сошлись к переносице.

– У меня нет другого! – Ренельд невольно повысил голос тоже. – Но... кажется, я нашёл верное направление.

– Что ж, пусть так. Но рекомендую тебе ускорить шаг. На нашей с Виолоной свадьбе я хочу видеть тебя вместе с невестой. Считай теперь, что это твой долг! Слышал, даже твой брат собирается жениться. Виолена упомянула утром. Правда, не сказала на ком. Но у неё есть предположения. В конце концов, Рен, хватит строить из себя одиночку с собакой.

“Я не собака, – возмутился шинакорн. – Эй!”

– Я понял. – Ренельд кивнул. – Про мой долг перед королевством и про опасность. Но у нас тут свои опасности, и заниматься матримониальными вопросами мне как-то не хватает времени.

“Можно сочетать”, – бодро подсказал Лабьет.

– Не хватает времени – значит, этим займусь я, – пригрозил Ивен. – Но тогда выбора у тебя точно не останется. У меня уже есть список самых сильных незамужних магисс. Получил на днях. Я ткну пальцем, и если она окажется сварливой непривлекательной гримзой, то это будет твоя дополнительная проблема. Женю тебя на Денизе д’Амран, к примеру.

Король тихо расхохотался, явно довольный своей шуткой. А может, и не шуткой – кто его знает. В любом случае от осознания такой возможности у Ренельда стрельнуло в затылке.

“Что-то мне поплохело”, – вторил его мыслям Лабьет.

Глава 17

Первым, что я прочла сегодня утром ещё до традиционной газеты, оказалось послание от Ксавье де Ламьера. Мадам Хибоу принесла мне его лично, торжественно, словно официальный документ от самого короля. Признаться, я даже заподозрила, что она каким-то образом успела его прочитать. Но, видно, уже само имя младшего из братьев на конверте повышало ей настроение.

– Благодарю, мадам Хибоу, – кивнула я ей.

Но экономка не сдвинулась с места, как будто решила, что я не замечу. Или прочту письмо вслух. Прогонять я её не стала. Но после прочтения письма, довольно учтливового и в то же время пылкого содержания, у меня внутри накрепко засело нехорошее предчувствие. словно где-то я совершила ошибку. Хотя, казалось бы, ничего особенного, просто приглашение на конную прогулку по окрестностям. Ксавье обещался прибыть в Пайет, а там и в Эйл. И собирался он это сделать уже сегодня.

Я сразу прикинула, какие дела успела запланировать. Ведь, похоже, моего согласия маркиз не спрашивал – и это раздражало больше всего. Ну кто так поступает? Как будто он боится куда-то опоздать! Что ж, отказываться я пока не стану. Но вот на прогулке придётся прояснить для него некоторые моменты нашего дальнейшего общения. Как

и рассказать о пользе своевременного планирования подобных встреч.

– Мадам Хибоу, передайте на конюшню, чтобы сегодня к шести часам Карамель подготовили для прогулки, – проговорила я, откладывая письмо на столик трюмо и возвращаясь к лёгкому массажу лица.

К слову сказать, Ивлина между делом преподнесла мне маленький презент – удивительный крем на основе каких-то совершенно умопомрачительных трав. И, недолго думая, я решила его опробовать.

– Хорошо, миледи! – Экономка, кажется, едва не подпрыгнула от радости.

Через отражение я проследила за тем, как она танцующей походкой вышла из комнаты, и покачала головой. Ухаживают за мной, а радуется это кого-то другого. Вгляделась в своё лицо, приблизив его к зеркалу: и что со мной не так? Почему даже собственный план уже не вызывает во мне и малой доли энтузиазма? Ксавье неплох. Слегка самовлюблён, порой резок и порывист. Но, кажется, и правда хочет меня поддержать, пусть это удаётся ему не так хорошо, как его брату.

Или мне просто хочется так думать?

Я закрыла лицо руками – как по заказу перед внутренним взором замелькали обрывки воспоминаний о дне пикника. И сам месье очень-тяжёлый дознаватель собственной внушительной персоной. От мыслей о nepозволительной близости с ним у меня до сих пор становились горячими ладони.

Грех Первородных, кажется, все его прикосновения – пусть и невольные – мне вообще никогда не забыть. А уж как я успела его ощупать – тоже, разумеется, совсем не нарочно! – что теперь знала все его мышцы наперечёт.

А это смешение аур? Словно раскалённый кофе с мороженым – какой-то невероятно контрастный коктейль. После него я все оставшиеся полдня ходила сама не своя. Мысли разбегались, взгляд сам собой постоянно шарил по лицам гостей в попытке отыскать Ренельда. Но как только я на него натыкалась, меня словно бы дёргали за рукав – и я торопилась отвернуться.

Лучше бы не сталкиваться с ним хотя бы неделю. Или две...

Закончив курс самокопания пополам с самобичеванием, я наконец собралась к завтраку. И только устроилась за столом, встряхнула пахнущую типографской краской газету, как в столовую спустилась Ивлиная, чем-то очень озадаченная. А судя по чуть сероватому цвету кожи и явным кругам под глазами, она ещё и спала крайне мало.

Вчера, после возвращения с этого во всех смыслах забываемого пикника, мы даже не встречались, хоть, кажется, и живём временно в одном доме. Я только узнала у мадам Хибоу, соизволила ли моя гостыя хотя бы раз за день поесть, и заглянула в лабораторию. Увидела всклокоченную макушку аспиранки, которая как раз наливала в одну из колб ка-

кой-то реагент, и закрыла за собой дверь. Лучше не беспокоить. А то мало ли: неосторожное движение, неправильное соотношение – и разнесёт полдома.

Но дом, к счастью, остался цел, а мрачный вид Ивлины говорил о том, что она пришла к каким-то неутешительным выводам.

– Есть какие-то подвижки? – поинтересовалась я, позволив аспирантке хотя бы начать завтрак.

– Есть. – Та с готовностью кивнула. – Но, боюсь, это ещё не конец. В смысле, излечить виноградник я смогу в ближайшие дни. Реагент, который будет нейтрализовать попадающую в ваш пруд магическую заразу, уже почти готов. Так, осталась пара поправок...

Она поморщилась и потёрла тыльную сторону ладони, на которой виднелось заметное покраснение.

– Вы бы поосторожнее, – заметила я, взглядом указав на пострадавшую руку.

– Ерунда! – Ивлина отмахнулась. – Так вот. Дополнительно моим составом можно будет полить виноград, тогда зараза уйдёт из земли гораздо быстрее. Но это не перекроет её источник. И пруд будет постоянно заражаться. А это, к сожалению, может плохо сказаться на всём винограднике в целом. В воду придётся постоянно заливать нейтрализатор. А это, сами понимаете, хлопотно и дорого.

– Да уж. – Я поковыряла вилкой омлет. – Значит, придётся искать источник... Это вы хотите сказать?

– Думаю, да. Придётся, – уверенно подтвердила девушка, но, заметив кислое выражение моего лица, немного сникла и смущённо убрала упавшую на плечо рыжую прядь. – Если у вас есть связи в следственных органах, это было бы очень кстати.

Самой страшно подумать, какие у меня связи есть. И какого размера те следственные органы. Нет, всё логично, ведь месье дознаватель уже не раз помогал мне. Но ведь он ясно выказал своё нежелание даже пальцем касаться моих виноградников, а дальше ничем его не подтвердил. В открытую. С жандармерией у меня отношения и вовсе не сложились. Там меня, кажется, уже тихо ненавидели. Особенно месье Лимиер.

– А без связей никак не справиться? – как бы невзначай уточнила я. – Например, найти того, кто это делает, и отбить ему то, что отвечает за желание гадить в чужих виноградниках...

– Знаете, а мне нравится эта мысль, – вдруг развеселилась Ивлина. Но добавила серьёзно: – Но всё же лучше, чтобы всё было официально. К тому же... кажется, я знаю, кто это может быть. У кого ваш милый родственник мог заказать такого рода заклятие. Формулы уж больно характерные. Если же нет, возможно, он сумеет подсказать, куда нам двигаться дальше.

Я едва не поперхнулась и с особым вниманием взглянула в милое веснушчатое личико аспирантки. Она знакома с

магкриминальным миром? Откуда бы?

– Наверное, лучше мне не знать подробности того, откуда у вас такие сведения. Для меня главное – результат.

Ивлина приподняла брови, словно мои слова её удивили.

– Не думайте, я не какая-то там преступница! И никогда не использовала магию в плохих целях. Но не все мы рассуждаем так же. И порой некоторые наши знакомые ступают на неверный путь.

– Я рада, что вы не хотите прикрывать... вашего знакомого.

Не слишком-то хотелось бы привечать в своём доме тех, кто связан с нечистыми делами.

– Раньше он уже попадался на таких проступках. Ему даже купировали ауру, насколько я знаю. – Девушка чуть взволнованно отпила кофе. Блаженно вздохнула и продолжила: – Нет! Я не общаюсь с ним. Не хочу, чтобы вы думали обо мне плохо, мадам. Но я предполагаю, где его можно найти.

– То есть от меня требуется лишь собрать нам достаточно весомое и устрашающее сопровождение?

– Думаю, вам вообще лучше не мараться о такие дела.

– Это мои дела! – возмутилась я.

Похоже, она всё-таки считала меня довольно брезгливой особой, которая предпочитает, чтобы всё исполняли за неё.

– Как пожелаете. – Ивлина пожалала плечами. – Как только я закончу нейтрализующий состав, мне нужно будет от-

лучиться в Жардин. Кое-что уточнить.

Да, и отчитаться перед месье дознавателем. Он, наверное, уже заждался очередного листочка, который дополнил бы моё досье.

– Делайте всё, что посчитаете нужным.

На том мы и порешили. Ивлина вновь отправилась в лабораторию, а я занялась разбором бумаг и дел, которые пришлось оставить без малого на два дня. Но мысли постоянно возвращались к будущей встрече с младшим де Ламьером. Взгляд останавливался на часах, перемещался на строчки отчётов по расходам винодельни за второй квартал, обращался к окну – и тогда я понимала, что толком не способна ни о чём думать.

Но когда мне наконец удалось сосредоточиться, время до вечера пронеслось удивительно быстро.

– Миледи! – голос экономки выдернул меня из пучины нескончаемых забот. – Кажется, вам пора собираться на встречу.

Ну конечно! Разве она могла позволить мне предстать перед маркизом в недостаточно подобающем виде. Нет, это был бы кто угодно, но не мадам Хибоу!

Пришлось подниматься к себе, и когда я наконец покончила со сборами, то услышала отчётливый стук копыт по гравию во дворе. Выглянула в открытое окно, и Ксавье махнул рукой, мгновенно разглядев меня среди зелёных ветвей акации.

А мне захотелось спрятаться под кровать. Или в шкаф – лишь бы избежать этой прогулки. Потому что вид у маркиза был настолько воодушевлённый, что это выглядело даже подозрительно.

Но пришлось безжалостно отвести в сторону малодушные порывы. Я спустилась к кавалеру, нещадно сжимая в пальцах короткий хлыст – так, что он рисковал сломаться.

– Как вам удаётся каждый раз быть ещё более умопомрачительной, чем в нашу предыдущую встречу? – Ксавье улыбнулся, протягивая мне руку.

Подленькое желание распознать в его словах нарочитую лесть жгучим всполохом лизнуло сердце. Но маркиз смотрел на меня так безмятежно и открыто, бережно сжимая мои пальцы, что я сама себя укорила за попытки очернить его намерения.

– Как только я раскрою свой собственный секрет, обязательно соберу обучающие курсы мастерства для девиц. – Я не позволила своей ладони задержаться в его. – Отчего такая спешка, милорд? Такая внезапность?

– Мне просто хотелось вас увидеть. Без кучи гостей. И лишнего наблюдения, – хитровато щурясь, ответил маркиз.

И мы вместе вышли на крыльцо.

– Боюсь, без наблюдения не обойдется. – Я указала взглядом на двух сопровождающих, что уже ждали нас снаружи. – Его светлость не рекомендовал мне совершать прогулки и выезды без охраны.

– Но я же с вами, – заметно возмутился Ксавье, неодобрительно оглядывая мужчин.

– Милорд, – произнесла я с лёгким укором в голосе. – Вы светлый маг, и если мы наткнёмся на ловушку, то тоже можете пострадать.

Но, кажется, об этом младший де Ламьер, чуть подслеповатый от самоуверенности, даже не думал.

– Если так вы чувствуете себя спокойнее, то я не могу возражать. – Он напряжённо улыбнулся. – Хоть и предпочёл бы провести с вами время хотя бы в относительном уединении.

Маркиз смолк, явно обиженный тем, что я не была уверена в нём настолько, чтобы отдать свою жизнь на его попечение. А может, его уязвило упоминание брата, с которым на пикнике они крепко повздорили? Жаль, что из-за меня.

Однако это не помешало ему излишне крепко обхватить меня за талию, когда он помогал мне устроиться в седле, – пришлось отстраняться с некоторым усилием. Я поправила шляпку, наблюдая, как Ксавье ловко запрыгивает на своего пегого жеребца, и легонько ударила Карамель хлыстиком по крупу. Просто касание – порой она и сама понимала, когда можно трогаться.

– У вас красивая лошадь, – нагоняя, окликнул меня де Ламьер.

– Её мне подарил Эдгар. Незадолго до смерти, – пояснила я. – Позволил выбрать на торгах ту, что понравится больше всего.

И его не интересовало, сколько она будет стоить. Это был последний его подарок.

В компании молчаливых сопровождающих мы спустились от имения Эйл в лесистую долину и направились по хорошо знакомой мне тропе к озеру, что пряталось среди курчавых крон, в небольшой скалистой низине. Поразительно умиротворённое и красивое место. Вряд ли Ксавье о нём знал.

По дороге туда маркиз то и дело принимался расспрашивать меня о моей жизни, о том, что же я люблю больше всего и как часто бываю здесь на прогулке. А чаще всего я бывала на виноградниках и в Жардине: беззаботные моционы в последние месяцы были для меня чем-то вроде роскоши. Обычно не замечаешь, а как задумаешься – становится слегка жаль.

Охранники следовали позади на почтительном от нас расстоянии, но маркиза они, кажется, всё равно слегка раздражали. И вообще, я кожей ощущала нарастающее между нами напряжение. Словно Ксавье очень хотел о чём-то мне сказать и я об этом знала, но у него всё никак не находилось слов. Или, может быть, подходящего момента.

– Так всё же, милорд. – Я остановила Карамель, ещё не доезжая до озера. – Зачем эта внезапная прогулка?

Ксавье поравнялся со мной и вдруг спешился.

– Пройдёмся пешком?

Я пожалала плечами и спрыгнула в подставленные им руки. Лошади скрыли нас от приближающихся охранников, и этим

моментом маркиз решил воспользоваться. Продолжая удерживать за талию, он потянул меня к себе, и я едва успела подставить щёку под его поцелуй.

– Придите в себя! – одёрнула его, едва сдерживая гнев от нахальной выходки.

Вырвалась из его рук и пошла вперёд, стараясь успокоиться и отогнать желание прекратить эту поездку немедленно. Всё, что делается впопыхах, редко получается удачным!

Отражающая небо гладь озера, обрамлённого серыми зубцами невысоких скал, показалась в просвете между деревьями.

– Простите меня, миледи! – Чуть ошарашенный моей резкостью Ксавье не сразу сумел меня нагнать.

И до красот здешних мест ему, похоже, не было никакого дела. Потому что он остановил меня на вершине склона, что уходил вниз, к воде, и вдруг уверенным движением сунул руку за пазуху своего кремового фрака.

– Я много думал над этим, Мари. – Ох, не к добру он перешёл на столь доверительное обращение! – Но понял, что выждать больше не могу. Хоть мы знакомы не так долго...

– Меньше месяца, – напомнила я, переступив с ноги на ногу.

Огляделась, выискивая, где же задержались мои охранники. Вот как назло!

– Неважно. – Маркиз качнул головой, отчего волны его светлых волос чуть встрепал лёгкий ветер, проскользнувший

вдоль тропы. – Мари. Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Он протянул мне небольшую коробочку, крышка которой уже была откинута. Я опустила на неё внезапно замедлившийся взгляд. В переливах света и теней потрясающе роскошное в своей простоте платиновое кольцо ослепило меня резкой гранью крупного сапфира.

– Вы хотите... – задумчиво проговорила я, пытаюсь как можно скорее справиться с лёгким помутнением в голове. Он ведь не спрашивает, а просто хочет! Если я и представляла себе предложение руки и сердца, то явно не так. – И давно?

Ксавье вскинул брови, кажется не понимая, о чём я говорю. Откуда бы это понять тому, кто всю жизнь наверняка получал всё, на что падал его заинтересованный взгляд!

– Почти с первой нашей встречи. – Он чуть приподнял коробочку, словно бы подгоняя меня принять кольцо.

И наверняка уже начал раздражаться. Но и мне пришлось приложить некоторое усилие, чтобы заставить свой голос звучать ровно. Ссора с младшим де Ламьером – это последнее, что мне сейчас нужно.

– Может быть, для вас с первого дня всё было очевидно, милорд, – я осторожно накрыла его руку ладонью, захлопывая крышечку, – но я не могу принять решение так скоро. Это серьёзный шаг! А мне кажется, что вы меня совсем не знаете. Да и я вас.

– Я надеялся, что наши встречи станут куда как чаще. И

тогда мы убедились бы... – он осёкся, наконец осознав. – Вам нужно подумать?

Не то слово – подумать! Мне стоило очень и очень крепко подумать. Возможно, даже в компании бокала-другого выдержанного... успокоительного. Конечно, я рассчитывала, что этим всё и обернётся. Но не так ведь скоро! Как будто ему вожжа под хвост попала, честное слово!

– Да. – Я плавно кивнула. – Не хочу принимать скоропалительных решений. Да и вам стоит взглянуть на всё это трезвым взглядом. Возможно... Нам, напротив, не стоит видеться некоторое время. Тогда всё прояснится.

– Вы примете кольцо? Можете пока не носить. Просто я хотел бы, чтобы оно напоминало вам обо мне.

– Нет, милорд. – Я отдёргнула руку, словно прикоснулась к раскалённой печи. – Это очень дорогой подарок. И, боюсь, он невольно к чему-то меня обяжет.

Ксавье покивал, отвернувшись, невидяще разглядывая залитую солнцем и отблесками воды даль.

– Скажите, ваше сердце уже занято другим? – Он сжал коробочку с кольцом в ладони, и показалось, что сейчас она просто треснет от его злого усилия.

– Нет. – Я медленно пошла дальше, надеясь, что мы просто пройдемся и оба успокоимся. А наша прогулка завершится более приятно, чем сейчас. – Почему вы так решили?

Маркиз ещё немного постоял, глядя мне в спину, но всё же двинулся следом. Охранники спешили чуть позади нас

и теперь просто наблюдали, тихо между собой переговариваясь.

– Просто пытаюсь оценить свои перспективы.

По-моему, перспективы надо было оценивать до того, как сломя голову помчался в ювелирную лавку за кольцом. А не теперь, когда всё повисло на волоске.

– Я не хочу излишне вас обнадёживать. Просто дайте мне чуть больше времени понять, что я чувствую.

– Хорошо. – Маркиз натянуто улыбнулся и предложил мне локоть.

Я оперлась на него, и ещё некоторое время мы шли в молчании, силясь справиться с неловкостью, что обрушилась на нас так резко, что вышибла все мысли из головы.

Признаться, я едва дотерпела до возвращения в Эйл. Распрощалась с маркизом и, с облегчением скрывшись от него за дверью, прислонилась к ней спиной.

Вот же влипла! И что самое обидное – я сама себя методично загнала в столь непростое положение. Нет, мне просто нужно всё ещё раз обдумать! Потому что это замужество явно не будет похоже на спокойную и размеренную жизнь рядом с Эдгаром. Не то чтобы я не понимала этого раньше. Но уже сейчас всё во мне бунтовало против такого поворота. Что же будет, если я всё же соглашусь?

Слушая, как удаляются шуршащие по гравию шаги Ксавье, я наконец отлепилась от двери и прошла в гостиную.

– Подавать ужин? – тут же осведомилась мадам Хибоу,

которая, кажется, дожидалась меня, сидя у окна. Совсем как беспокойная матушка. – Мадемуазель дю Пойр уже поела и отправилась отдыхать.

– Я поем у себя в комнате.

Экономка кивнула, но, уже уходя, вернулась.

– Едва не запамятовала! Буквально перед вашим возвращением пришло письмо. Из Марбра.

Я едва не подскочила на месте. Да неужели месье неугодный дознаватель решил провести со мной очередную беседу? Что ему ещё не ясно на мой счёт? Я чуть дёргано вскрыла послание, но оно, к счастью и в то же время неожиданно, оказалось от герцогини Энессийской. Прочитав его, я даже не поверила поначалу, что это происходит со мной. Но не могли же меня обманывать собственные глаза!

Меня приглашали в Марбр на встречу с послом Сьерво, который прибыл в резиденцию на днях. Как упомянула Виолена, ему настолько понравилось поданное к обеду вино Шато Д’Амран, что он пожелал познакомиться со мной лично и, ко всему прочему, обсудить возможные перспективы по закупке.

Едва не подпрыгивая на каждой ступеньке от радости, я поднялась к себе в комнату. Надо бы лечь сегодня пораньше! Завтра нужно не только соображать быстро, говорить складно и вести себя учтиво, но и выглядеть отлично. И ничто тому не способствует лучше, чем полноценный сон.

Мысль о том, что в истории виноделен Шато Д’Амран,

возможно, скоро откроется новая глава, даже перебила гаденький осадочек после напряжённой встречи с Ксавье. Поэтому, выбрав для себя на завтра достаточно деловой, но изящный образ, я заснула удивительно быстро.

Но наутро проснулась не совсем так, как рассчитывала. Сначала меня разбудил приглушённый шум внизу. А затем только я отделила от него явственно знакомый женский голос. Села на постели, хмуро глядя в окно и пытаюсь понять, какой вообще теперь час. Но ещё ничего не успела сообразить толком, как в комнату ко мне впорхнула Оли. Обмахнулась шляпкой и отбросила её на банкетку.

– Прости, что я так рано! – зашебетала она. – Но в нашей глуши дилижансы ходят не так часто, как хотелось бы. Поэтому пришлось выбирать: приехать рано или не застать тебя дома. Ты же постоянно в делах!

Она подбежала к моей постели и, склонившись, чмокнула меня в щёку. Меня обдало облаком духов – как по мне, слишком сладких и насыщенных для такой жары и вообще утреннего часа.

– Доброе утро, Оли, – запоздало ответила я. – Да, ты могла меня сегодня не застать, если бы приехала позже.

– Куда ты на этот раз?

Сестра заинтересованно оглядела столик трюмо, взяла с него баночку с тем самым кремом – подарком Ивлины – и, сняв крышечку, принялась. В этом была вся она – ходячее нарушение спокойствия всего живого. Я не обращала вни-

мания, ведь такой она была всегда. Но вот мадам Хибоу Оли недолюбливала, хоть и не говорила мне в открытую. Но каждый раз, когда сестрица навещалась в Эйл, лицо экономки принимало каменное выражение. Словно она постоянно заставляла себя сдерживаться от замечаний в её адрес.

– Мне нужно ехать в Марбр, – проговорила я, нащупывая ногами на полу домашние туфли.

– О-о! – одобрительно протянула Оли и с готовностью слушать подробности уселась в кресло у окна. Её жёлтое платье показалось ещё более ярким, когда на него упало пятно света. – После смерти мужа ты разворачиваешься всё шире. Уже дотянулась до королевского двора...

Я покосилась на неё, пытаюсь распознать, что кроется за её словами. В своё время Оли просто грезила тем, что однажды окажется при дворе. Хотя бы по службе. Но в один день её мечты рассыпались – и ей пришлось долго смириться с тем, что они уже никогда не возродятся.

Когда я стала женой Эдгара и узнала об истинных своих силах, попросила его придумать способ, как с помощью них восстановить ауру сестры. Но он категорично оборвал меня: это невозможно. Я долго обижалась, считая, что он не проявил достаточного участия проблеме Оли. Но сама не могла ничего с этим поделать.

– У меня встреча с посланцем, – пояснила, решив, что радость сестры за меня всё же искренняя. – Надеюсь, она откроет новые перспективы для продаж вина в Сьерво.

– Знаешь, а ведь мне тоже нужно в Марбр. – Оли покривила губами. – Представляешь, пришло извещение о встрече с Ренельдом де Ламьером...

Она вынула из сумочки небрежно свёрнутый листок, взмахнула им и опустила обратно.

– Прости, – я вздохнула, – но мне пришлось указать, что незадолго до того, как я попала в ту магловушку, ты приезжала в Эйл.

Всё равно подозревать её в причастности к этому глупо!

– Я всё понимаю... Необходимость. – Оли помолчала. – И я слышала, что с недавних пор тебя часто видят в компании то одного, то другого из братьев де Ламьер. Ты бы знала, сколько об этом болтают! Но откуда тебе знать. Тебя всегда мало интересовали слухи.

Нет, я ожидала, что так будет. Уже после того злосчастного бала мне начали приписывать интрижку с Ксавье. Но то, что сплетни доберутся так далеко... Я и правда недооценила силу людских кривотолков.

– Кто бы знал, что когда-то мне придётся столкнуться с этим семейством. – Я затянула пояс халата потуже. – Но пока всё складывается довольно непросто. Расследование, нападения... Ты ещё не знаешь, но на днях я угодила в ловушку второй раз. И если бы не месье дознаватель...

– Будь осторожна с братьями де Ламьер, – вдруг серьёзно прервала меня Оли. – Лучше бы вообще держаться от них подальше.

Я так и замерла, схватившись за концы пояска. Закрыв дверцу шкафа, медленно повернулась к сестре, а та развела руками на вопрос, что наверняка отразился в моих глазах.

– Ничего не могу сказать насчёт младшего, – пояснила она. – Но если он хоть немного похож на старшего, то ничего хорошего тебя не ждёт.

– Ты никогда не говорила мне...

– Я и сейчас не хочу. А в своё время герцог Энессийский, его отец, подробно объяснил мне, как важно молчание о том, что случилось между нами. И тем более о том, чем это всё закончилось.

– Насколько близко ты была с ним знакома? – Я едва удержалась от того, чтобы приложить ладонь к груди. Может, это хоть немного помогло бы унять бешено колотящееся сердце.

Вот почему я ничего не знала о том, кто был тем мужчиной, о котором Оли рассказывала с таким упоением по приезде домой на каникулы. Она не называла имени – и наверняка хранила загадочность нарочно, чтобы потом огорошить нас с отцом посильнее. Но порой намекала, что, возможно, однажды выйдет за него замуж. Теперь всё сложилось одно к одному так плотно, что я даже удивилась, как не догадалась обо всём раньше. Ещё в тот день, когда месье дознаватель начал расспрашивать меня о сестре.

– Очень близко, – усмехнувшись одним уголком рта, ответила Оли. – И поверь, встречаться с ним снова мне вовсе не хочется.

И после её слов я поймала себя на мысли, что мне тоже не хочется, чтобы сестра виделась с месье дознавателем. Не то чтобы я опасалась за неё из-за слишком въедливых расспросов герцога... Просто не хотелось. Как не хотелось выведывать подробности той давней истории. И так понятно, что приятного в ней мало, а мне сегодня нужно настроиться на важные переговоры с послом.

Слушая бодрые рассказы Оли о том, что случилось с ней за последние пару недель, я всё же умудрилась собраться и даже позавтракать, несмотря на почти полное отсутствие аппетита. То ли из-за волнения, то ли из-за горечи, что осела в горле после предупреждения сестры насчёт братьев де Ламьер.

– Когда ты собираешься в Марбр? – уточнила я у неё напоследок.

– Поеду завтра, – беспечно отмахнулась та. – В этой гадкой бумажке мне назначено на завтра. – Сестра скривилась, словно одно только упоминание этого доставляло ей мучения.

– Хорошо.

Оставив сестру знакомиться с Ивлиной под присмотром особенно строгой сегодня мадам Хибоу, я всё же отправилась в Марбр. Оказалось, что Оли всё же удалось немало меня задержать, и я рисковала приехать позже назначенного для визита часа. Потому пришлось подгонять кучера, чтобы тот, в свою очередь, подгонял лошадей. И тот старался так,

что меня порой нещадно подбрасывало, когда колёса попадали в ямки или налетали на колдобины. Наверное, поэтому моё благостное настроение к моменту прибытия в резиденцию порядочно растрясло.

Но там меня встретила настолько учтивая женщина – как оказалось, одна из приближённых герцогини, – что лёгкая досада от столь некомфортного пути быстро улетучилась.

– Я провожу вас к её светлости, – начала разъяснять фрейлина по пути. – А затем уже она сама представит вас послу.

– Прекрасно. – Я улыбнулась.

Пожалуй, встреча с Виолоной будет полезна. Не хотелось без подготовки шагать в пропасть международных торговых переговоров. Слушая спокойный и мелодичный голос провожатой, я задумалась над тем, как это вообще будет проходить. Какой вообще человек – посол Сьерво? Суровый или благожелательный, приветливый или недоверчивый? Я совсем его не знала!

Но резкий вскрик фрейлины выдернул меня из размышлений. Она почему-то отшатнулась и даже попыталась за меня спрятаться. Но вовремя спохватилась, что это будет не совсем учтиво. Я завертела головой, но в лёгком полумраке коридора не сразу увидела огромную четырёхлапую тень. А рядом с ней – двухлапую. Вернее, двуногую... В общем, месье внезапный дознаватель в сопровождении своего шинакорна возник перед нами так резко, будто свалился с потолка.

– Ваша светлость. – Фрейлина присела в книксене, чуть

сторонясь Лабьета, который так и пригарцовывал на месте. Наверное, он безумно хотел до меня дорваться, обнюхать или даже обслюнявить на радостях, но Ренельд твёрдо держал его за толстый ошейник. Скорей всего, исключительно ради спокойствия моей сопровождающей. Весьма условного спокойствия, потому как та, кажется, даже слегка вспотела.

– Возвращайтесь к герцогине, – резко велел месье дознаватель. – Я сам провожу мадам д’Амран.

– Но, ваша светлость... – попыталась возразить женщина. Однако малахитовый взгляд, остро впившийся в лицо, мгновенно заставил её замолчать. Она поклонилась мне и направилась прочь. Лабьет повернул за ней голову, приглушённо рыкнул, и женщина, подпрыгнув, заметно прибавила шаг. Пёс самодовольно замахал хвостом.

– Доброе утро, ваша светлость. – Я тоже изобразила реверанс.

На что Ренельд молча сунул руку за пазуху – я успела вздрогнуть – и вынул оттуда... Нет, к счастью, не коробочку с кольцом. Но подозрительно знакомую мне бумагу. Это что, опять извещение?!

– Вы всегда носите их с собой? – Я не глядя сунула листок в сумочку.

Ренельд проследил за моей рукой взглядом.

– Не ознакомитесь? – приподнял бровь.

– С вашего позволения, чуть позже. Сейчас я страшно тороплюсь. У меня важная встреча.

Я степенно прошествовала мимо. Ещё не хватало заводить с ним посторонние беседы.

– Может, вы всё же уделите мне пару минут вашего драгоценного времени? – Ренельд отошёл в сторону, пропуская меня.

Лабьет страстно втянул носом воздух, когда я случайно коснулась его морды краем юбки.

– Без шуток, милорд. Я правда опаздываю. – Невольно я прслушалась к размеренным шагам позади себя. – Думаю, не случится ничего страшного, если зайду к вам после встречи с послом.

Но герцог не отступился.

– Посол только вернулся из Жардина. Дайте ему время отдохнуть. Без опасности быть сражённным вашим безжалостным обаянием и блистательностью.

Мне показалось или в его словах проскользнула лёгкая ирония? Ну да, я старалась сегодня привести себя в вид, сообразный важному визиту. Но совершенно точно не могла переусердствовать!

– Чего вы от меня хотите? – Я остановилась и вновь повернулась к месье дознавателю.

В его глазах тут же погас насмешливый огонёк.

– Поговорить. Тоже очень серьёзно. Может быть, это даже важнее, чем встреча с послом. – Ренельд взмахнул рукой, предлагая идти дальше.

Но первым побежал вперёд Лабьет, словно поторапливал

нас. Пожалуй, да. Двигаться в сторону своей цели гораздо полезнее, чем попусту стоять в коридоре. Я смерила герцога взглядом и пошла следом за деловито помахивающим хвостом шинкорном.

– Знаете, у меня такое впечатление, что вы сговорились с вашим братом.

– Это в каком же смысле? – отчего-то настороженно уточнил Ренельд.

– Как же... – Я усмехнулась. – Он тоже намеренно провёл со мной очень важный разговор. Хотя, может, для вас секрет, что он собирался сделать мне предложение? И, собственно, сделал.

Показалось, что Лабьет наострил и без того высоко поднятые уши. Приостановил шаг, но, тихо фыркнув, порысил чуть быстрее.

– Для вас может показаться странным, но у Ксавье есть от меня секреты, – озадаченно проговорил герцог. – И что же вы? Согласились?

– А вы проявите чудеса дедукции. – Отчего-то захотелось его уколоть.

И вообще, чем дольше я находилась рядом с месье дознавателем, тем стремительнее меня покидало едва обретенное спокойствие. Особенно если вспомнить слова Оли.

– На вас нет помолвочного кольца, – мгновенно заметил Ренельд.

Я невольно посмотрела на свою руку, которую украшал

только привычный перстень с вайлетом. Это было слишком очевидно! Эх.

– Вы правы.

– Значит, отказали.

Я даже не стала отвечать. А месье дознаватель не стал допытываться. Наверное, ему и так стало всё понятно. Он просто повёл меня дальше, и хоть я почти не знала устройство Марбра, но всё равно поняла, что мы движемся не в женскую часть замка, где могли бы находиться покои герцогини. Но и не в его кабинет.

Скоро нам навстречу чаще стали попадаться стражники из личной гвардии короля Ивена. Придворных тоже стало больше – и все с исключительно деловым выражением на лицах. Похоже, иного поблизости от себя его величество не приветствовал. Любой почтительно отступал в сторону, стоило только завидеть Лабьета, что так и бежал в авангарде нашей маленькой процессии. Ренельд, казалось, чуть рассеянно кивал на приветствия, а я невольно жалась к нему ближе. Всё же в столь насыщенном придворном обществе мне редко приходилось находиться.

– Раз вы не желаете говорить со мной, я познакомлю вас с послем, – наконец соизволил пояснить герцог. – Не беспокойтесь, он обычно довольно благодушен. Особенно с привлекательными женщинами.

Я покосилась на него, не веря своим ушам. Это что, комплимент? Или просто попытка меня подбодрить? И вообще,

с чего такая плотная опека, словно он вдруг почувствовал некую ответственность за меня? Пожалуй, его матушка не будет довольна такой инициативой. Всё же это она пригласила меня в Марбр.

– Что ж, это радует. Признаться, я волнуюсь.

Скоро мы покинули людную галерею и свернули в широкий коридор с рядом огромных дверей с одной стороны, лишь одна из которых строго охранялась стражниками. Они ничем не задержали герцога, только скосили на меня любопытствующие взгляды. За первой двустворчатой дверью нас встретил худощавый мужчина в сером сюртуке – секретарь короля. Он с готовностью сообщил, что его величество и его светлость уже давно вернулись, но не заняты слишком важными разговорами. Иначе на этот счёт от короля было бы особое распоряжение.

После того как о нас доложили, Ренельд сам распахнул передо мной дверь – и я, едва чувствуя собственные ноги, вошла внутрь. Свет Первородных! Даже на собственной свадьбе так не волновалась! А месье дознаватель своей настойчивостью ещё больше лишил меня внутреннего равновесия. Странно всё это...

– Доброе утро, ваше величество... Ваша светлость.

Я присела в книксене, приветствуя двух мужчин, что сразу повернули к нам головы. Одного, к счастью, я уже знала – короля Ивена, и он даже соизволил благосклонно мне кивнуть. Другой же уставился на меня с острым любопытством. На-

хмурился было, но тут же улыбнулся. Темноволосый, статный, он чем-то даже походил на Ренельда – наверное, разрезом глаз и телосложением. Чуть непривычная одежда выдавала в нём чужеземца: узорная ткань похожего на кафтан сюртука, свободные штаны, заправленные в мягкие сапоги с отворотами. Он был весьма красив. И весь его вид явно выдавал кровное родство с королевским семейством.

В какой-то миг я даже слегка увлеклась осторожным – чтобы не показаться невежливой – разглядыванием посла. Потому голос Ренельда заставил меня встрепенуться и сосредоточиться.

– Милорд, – обратился герцог к своему двоюродному дяде. – Позвольте представить вам... Графиня Эйская. Мариэтта д'Амран. – Он выдержал короткую паузу и зачем-то добавил: – Моя невеста.

Что-что?! Я поморгала, чувствуя, как моё сердце начинает отплясывать канкан, а губы сами собой расплзаются в наверняка безумной улыбке. Что ещё прикажете делать, когда лица короля и посла заметно вытягиваются от вполне одобрительного удивления. А в этот момент в моей голове колотятся всего два слова: моя невеста?

Какая, в Бездну, невеста! Братья де Ламьер оба рехнулись, что ли?!

Я едва удержалась, чтобы не вперить в месье я-не-в-себе дознавателя в равной степени недоуменный и уничтожающий взгляд.

– Это довольно неожиданно, – проговорил король, переглянувшись с кузеном.

– Вы даже не представляете себе насколько, – ответила я, со всей серьёзностью примеряясь к тяжёлому канделябру справа от него.

Интересно, если сейчас треснуть им Ренельда, меня сразу бросят в темницу или хотя бы спросят, почему я это сделала?

– Но в любом случае это очень радостная новость, – поспешил успокоить меня его величество.

Наверное, решил, будто я опасаюсь, что он не одобрит мою кандидатуру на почётное место невесты его племянника.

– Надо же! Я собирался на одну свадьбу, а приехал, можно сказать, сразу на две, – сдержанно рассмеялся посол. – Позвольте вас поздравить! Однако я не слышал о вашей помолвке.

– Думаю, мы объявим о ней в самое ближайшее время. – Ренельд совершенно беспечно улыбнулся, даже не подозревая, насколько близко находится в этот миг к своей смерти. – Да, Мари?

Он повернул ко мне голову – и его взгляд ясно дал понять, что сейчас не стоит затевать споры по этому поводу. Наверное, и правда. Пока что мне придётся состроить вид счастливой невесты. А уюкошить герцога я могу и позже. Он же мой жених, в конце-то концов, а значит, далеко не сбежит.

– Нам ещё многое стоит обсудить, – туманно поддакнула

я.

Это вам не уединённая конная прогулка, не почти тайное предложение замужества. Теперь в глазах короля новый статус, словно алая сургучная печать, закреплён у меня на лбу. И тому есть очень весомый свидетель.

Но, к счастью, продолжать этот разговор не пришлось: сам Ренельд повернул его в деловое русло, а остальные поддержали. Я и сама не поняла, как вообще смогла сосредоточиться на общении с послем. Пока что мы не взялись обсуждать непосредственно то дело, за которым меня пригласили. Скорее, герцог ко мне приглядывался, выясняя важные для него детали моей жизни и дела, которому я посвящала львиную долю своего времени.

На Ренельда я старалась не смотреть. Зато Лабьет лежал прямо у моих ног, согревая их и будто бы поддерживая меня в столь непростой миг. А может, так он тоже заявлял на меня права? Хвостатый дознавательский сообщник! Но отчего-то злиться на него не хотелось. Наверное, я временно иссякла.

Вскоре слуга деликатно осведомился, подавать ли обед в малую столовую.

– Надеюсь, вы останетесь, миледи? – почти ласково уточнил его величество. – И составите нам компанию на прогулке?

Приглашение на обед я вежливо приняла, а вот от мощи она отказалась. В груди до сих пор так сильно кипело негодование, что на полуденной жаре меня просто разорвёт на

куски!

– Предлагаю поговорить с глазу на глаз у меня, – сразу обозначил месье дознаватель свои дообеденные планы, когда мы наконец покинули королевскую приёмную.

– У вас – это в вашей спальне? – ядовито процедила я. – Может, и на сей счёт вы не собираетесь спрашивать моего мнения? Что это всё значит?!

Я остановилась и ткнула герцога в грудь пальцем. Он глянул на меня с лёгким снисхождением. А Лабьет тут же ввинтился между нами, словно опасался, что я и правда примусь убивать его сумасшедшего напарника.

– Порой мне кажется, что постельный способ преодоления недопонимания с женщинами – самый эффективный, – нахально заявил герцог. Но не успела я разразиться новой волной гнева, как он добавил: – Но я всё же предлагаю пройти в мой кабинет. Там я всё вам объясню.

И мне пришлось ещё некоторое время держать себя в руках, пока мы с герцогом и его псом не скрылись ото всех лишних взглядов. Едва вошли в приёмную, и Тибер подскочил с места, засобиравшись словно бы по очень важному делу. Откланявшись, он тут же умчался. Похоже, на случай моего появления здесь заранее получил необходимые распоряжения от его предусмотрительной светлости.

– Вы чувствуете себя в достаточной безопасности? – издевательски осведомился Ренельд, открывая передо мной дверь кабинета. – Или, может, позовёте охрану, что ожидает

вас во дворе?

– Может, охрану стоит позвать вам? – парировала я и прошла мимо, впечатывая в пол каблучками всё своё негодование. – Неровен час, брошу вам в голову что-нибудь тяжёлое.

Лабьет, словно дуэнья, прошествовал следом, тихо цокая когтями. И я могла поклясться, что одарил напарника укоризненным взглядом. словно его планы и для него оставались загадкой до самого последнего мига.

– Думаю, вы слишком злы, чтобы попасть в меня достаточно метко, – усмехнулся Ренельд и вдруг совершенно невозмутимо запер дверь изнутри.

Я прошла по кабинету, заглядывая за тяжёлые стеллажи с какими-то папками, в камин и под кресла. Шинакорн сопровождал меня повсюду и тоже совал нос в каждый тёмный угол этого кабинета, явно мне подыгрывая. Герцог поначалу безмолвно наблюдал за нами, а затем всё же поинтересовался:

– Что вы делаете?

– Ищу священника. Ведь вы запели нас не случайно? Прямо здесь нас и обвенчают, а всё это, – я указала взглядом на карман его жилета, – чтобы я не сбежала.

Ренельд посмотрел туда же, а затем – на меня, чуть исподлобья. Так, что в груди на миг замерло сердце. Да что он вообще о себе возомнил? Как будто пришёл в лавку и выбрал себе понравившийся товар!

– Да, всё верно. Чтобы вы не сбежали. Потому что вы по-

стоянно куда-то торопитесь. Куда-то бежите – от меня по-
дальше. Потому я не смог объяснить вам всё заранее.

Ага, то есть я ещё и виновата! Ну да, ну да. Любимый муж-
ской довод.

– Вам не кажется, что вы тоже поторопились? С чего вдруг
вам вообще пришло в голову называть меня своей невестой?
Вы тронулись умом в этом своём пыльном логове? Или на
вас так влияет ваша аура? Не думайте, что я не понимаю, кто
вы.

– Я знаю, что вы многое понимаете, что не могут понять
другие женщины. – Ренельд осторожно приблизился. – Я ле-
нойр. Моя аура почти полностью тёмная.

Он взял со стола графин и налил воды в стакан. А вот
это вы зря, месье дознаватель, я ведь могу и вам в лицо её
выплеснуть. Прямо руки чешутся!

– Значит, всё же рехнулись... – Я покачала головой. – Го-
ворят, те, у кого тёмная часть ауры начинает преобладать над
светлой, рано или поздно сходят с ума.

– Не радуйтесь! Я полностью в своём уме. И надеюсь,
что останусь в нём до глубокой старости. Я родился с такой
аурой, и потому она не искажает мой разум. Не подсовывает
мне страшные картины из Бездны и ужасы, что ждут любое
существо, которое может там оказаться. Особенно магов.

Лабьет, наконец сжалившись над ним, подошёл и ткнулся
лбом ему в бок. Ренельд задумчиво почесал его за внуши-
тельным ухом.

– Меня настораживает ваша откровенность, – предупредила я. – В этом тоже состоит некий ваш план?

А он явно есть. Весь этот спектакль – не просто страсть или соперничество с братом. Совершенно на пустом месте, надо сказать! Может, попытка втереться в доверие, чтобы потом огорошить меня посильнее? Обезоружить, а дальше манипулировать мной так, как ему заблагорассудится? Не то же самое однажды случилось с Оли?

– План есть, вы правы, – спокойно проговорил Ренельд, обходя меня по дуге. – Начнём с того, что ваша аура слишком сильная. И полностью светлая. По крайней мере, когда я изучал её, не нашёл ни одной даже самой крошечной частички тьмы. Таких, как вы, называют “мильеры”. И знаете, почему они такие редкие?

Я нахмурилась и опустила взгляд на свои руки, в которых с силой сжимала ридикюль. Он как будто издевается! Да с этой мыслью я пытаюсь свыкнуться все последние пять лет!

– Потому что они не живут долго.

Я натянула на губы фальшивую улыбку. И герцог точно в неё не поверил.

– Всё верно. Вижу, Эдгар ввёл вас в курс дела. Я не знаю, какими были его цели, когда он брал вас замуж. Возможно, тем самым граф хотел помочь себе излечиться. Может быть, хотел помочь вам. – Он помолчал и сделал ещё шаг ко мне. Я сразу отступила. – Но если вы и дальше будете в одиночку сдерживать рост вашей мощи, то через пару лет от вас оста-

нется одна иссушенная оболочка. Вайлеты уже помогают не так хорошо, как раньше.

– И вы хотите мне помочь? – Я сглотнула вставшую в горле горечь. – Один из лучших умов Санктура не смог, а вы сможете?

Ренельд чуть подумал.

– Я хотел бы разобраться. И хотел бы найти того, кто ломает жизни другим магам, когда забирает их ауры. Он и вас может убить.

– А вам не всё равно? Вся ваша жизнь доказывает лишь одно: в первую очередь вы заботитесь только о себе. О вашем престиже, положении, удовольствии. Разве нет?

Герцог криво усмехнулся, словно мои слова его чем-то заделали. Лабьет шумно вздохнул, переводя взгляд с него на меня и обратно. Будто в этой огромной шинакорьей туше сейчас шло нешуточное сражение. Словно он разрывался на части и не мог выбрать, к кому же примкнуть.

– Вы знаете меня так же плохо, как в день нашей первой встречи. Но тем не менее мы можем помочь друг другу. – Герцог потрепал страдающего в своём бессилии пса по голове.

– С этого и стоило начинать, а не с вашей показной заботы. – Я фыркнула, отворачиваясь. Дошла до окна и посмотрела вниз. Полуденный зной всех загнал в тень, отчего казалось, что во дворе никого нет. – Так какие выгоды для вас в женитьбе на вдове? Кроме пополнения своих знаний о ми-

льерах.

В моей жизни уже был один такой исследователь. Я была для него женой для вида. Ширмой, за которой он скрывал свою вечную страсть – изучение магии и возможностей аур. Да, он сделал для меня многое, но по большому счёту так и оставил в полнейшем неведении. Зачем?

– Вы можете временно пополнить светлую часть моей ауры, – пояснил мне я-всё-продумал дознаватель. – Без малейшего принуждения с моей стороны. Постепенно, шаг за шагом – и тогда от этого не будет вреда ни вам, ни мне. С большой долей вероятности.

– Вы хотите стать королём, я понимаю. Ваша аура для того должна быть светлее солнца. – Я приподняла брови. – А если я не хочу становиться женой короля?

– Ивен полон сил и в ближайшее время не собирается умирать. К счастью. Потому его преемник станет королём ещё не скоро. А наш договор будет временным. До исполнения всех условий, которые мы определим для себя. Я помогаю вам временно снять напряжение ауры и ищу способ, как обезопасить вас дальше. Вы помогаете мне “осветлить” мою ауру... И отыскать Собирателя.

– Хотите сделать из меня приманку?! – в голосе невольно вновь прорезалось негодование.

Мало мне авантюры с “осветлением” его ауры, так ещё и подставляться под ловушки этого маньяка-Собирателя?

– Рано или поздно вы окажетесь под ударом, миледи. Сно-

ва, – голос месть дознавателя мгновенно затвердел. – И лучше, если в этот момент рядом буду я.

Я даже не поняла, как он приблизился, остановился прямо напротив. Лабьет сокрушённо засопел и, опустив хвост, потрусил к камину, где явно для него было расстелено мохнатое покрывало.

Ренельд склонил голову, внимательно оглядывая моё лицо, а у меня в горле всё сжалось от того, как туго закрутилась в груди какая-то совершенно неразборчивая смесь чувств. Я осознавала разумность его слов. Но тень той мутной истории, что связывала его и Оли, не давала успокоиться. Пове­рить в его участие и безопасность всего, что он затеял.

Его стало слишком много в моей жизни. И он явно пытался теперь раздвинуть её границы, подогнать под свои немалые размеры. Чтобы потом уйти и оставить за собой разруху?

– Я сомневаюсь, что хочу, чтобы вы вообще были рядом! – процедила я. – При любых обстоятельствах. Знаете, как-то не задалось у нас с вами знакомство. Вы слишком много хотите от других! И решаете всё за других. Не заботитесь о том, что ждёт их дальше! После того, как они поломают свою жизнь о камни ваших амбиций.

Я едва сдерживалась, чтобы не наговорить лишнего. Чтобы не задать вопросов, ответы на которые не хочу услышать. И тем не выдать Оли и то, что она многое мне рассказала.

Всё это время малахитовый взгляд герцога ощупывал моё лицо, темнея с каждым резким словом. Его скулы напряг-

лись, а дыхание стало чаще и глубже. Можно только представить, какое множество самых резких ответов сейчас крутилось в его мыслях. Я смолкла, осознав вдруг, что между нами что-то сломалось.

Ренельд подался вперёд и буквально сгрёб мою голову в свои огромные ладони. Раздавит, как скорлупу, и не будет больше на свете мадам д'Амран. Наверное, любая знатная магисса, способная потянуть этот договор, уже давно согласилась бы, поведи он лишь пальцем в её сторону. А тут я... Какая всё-таки незадача, месье дознаватель!

– Вы всё сказали? – Взгляд Ренельда залил меня своим зельем по самую макушку.

– Не надейтесь! – Я вздёрнула подбородок.

И в тот же миг губы герцога внезапно и накрепко впечатались в мои. Пальцы зарылись в волосы, пуская сонмы бешеных мурашек по коже. Я мгновенно потеряла нить собственных ядовитых рассуждений. Повисла на его руках, пытаюсь вывернуться, бестолково дёргая ткань и чувствуя, как взбунтовавшийся гнев напололам с горячим смятием наполняют меня всё новыми силами.

Надеюсь, в этом чудовищном кабинете есть запасная рубашка, ваша светлость? Потому что эту я точно порву вам же на бинты!

Но мои потуги, наверное, казались месье гороподобному дознавателю лишь биением мухи о кожу слона. У меня даже спина испариной покрылась, пока я пыталась оттолкнуть его,

вертелась и выгадывала миг укусить. А он, дав мне поразвлечься и выбиться из сил, коротким толчком просто вдавил в каменную стену. Замуровал своим телом и совершенно филигранно раскрыл мои губы, вынуждая ответить. Впустить его дыхание, сдобренное лёгким холодком тёмной ауры. Замереть, впитывая эти новые ощущения.

У них оказался удивительно пряный вкус, не похожий ни на что – словно незнакомое, интригующее блюдо. И дело во-все не в том, что последний раз я целовалась на празднике Осеннего Света, ещё в имении своего отца. С каким-то парнем, имени которого не могла теперь вспомнить. Нет-нет! Просто нынешний, так сказать, опыт не шёл ни в какое сравнение с тем. И я была оглушена им, обездвижена, точно попала в силки.

Его жадная светлость, герцог Энессийский, держал меня крепко, но осторожно, перебирая пальцами тонкие прядки на затылке. Его язык совершенно возмутительно и по-хозяйски толкался мне в рот – и я, кажется, ничего не могла с этим сделать. Потому что каждое движение его губ, то настойчивое, то едва ощутимое, словно касание пером, пьянящей волной ударялось мне в виски.

В груди становилось так тепло, так томительно, и это ощущение, словно текущий по коже плавленый шоколад, спускалось всё ниже. Ниже... Мягкой пульсацией оно задержалось под рёбрами и совершенно возмутительно последовало дальше. Ренельд, словно бы чувствуя этот поток, опустил ла-

донь мне на живот, провёл вверх – и даже сквозь корсет я ощутила её лёгкое давление. Стало тесно, жарко – и я откинула голову, упираясь затылком в стену. Хотелось ощутить хоть малую опору в поплывшем вокруг меня неведомо куда мире.

Наступление на мои позиции стремительно продолжалось. Поцелуй становился всё глубже и жёстче, словно его светлость перестал что-либо контролировать. Я держалась за лацканы его жилета, забыв, что хотела сделать: оттолкнуть или притянуть к себе ближе?

Пожалуй...

Конечно, оттолкнуть! Эта резкая мысль наконец меня отрезвила. Надеюсь, весь этот вопиющий бардак не продолжался слишком долго? Я провела вверх по груди Ренельда ладонями. И дальше – по напряжённой шее, чуть колючим щекам, усыпляя его бдительность. Примерилась – и со всем доступным усилием впечатала пощёчину в правую скулу. С громким шлепком. Так, что удар отдался и у меня в голове, когда наш поцелуй резко прервался.

– Вы меня не слышали, да? – процедила я, убирая от лица растрёпанные ручищами Ренельда волосы. – Впредь не смейте так делать! Решать за меня там, где вам это не позволено!

– Мне показалось, вы как раз были не против.

Герцог размял пальцами челюсть.

– Просто знайте. Я не хочу становиться вашей женой! У меня прямо всё внутри выворачивается от одной только мыс-

ли! – Я показала красноречивым жестом, как именно.

И правда, мои ощущения в этот миг вряд ли можно было назвать нормальными. Ещё недавно мне было жарко, а теперь бросало в озноб. Хотелось размахивать руками и колотить его светлость в эту его твёрдую, непоколебимую грудь. А возможно, и пустить одну-другую злую слезу. Разумеется, когда никто не увидит!

Рубашка герцога осталась досадно целой, а вид – самоуверенным. Этот гад наблюдал за мной, приподняв бровь. Словно взрослый – за капризами неразумного ребёнка в ожидании, когда тот успокоится. И алый след от моей ладони, что разгорался на щеке, кажется, вовсе его не беспокоил.

Шум ничуть не побеспокоил и Лабьета, который вообще, кажется, дремал!

– Не беспокойтесь, – проговорил Ренельд наконец. – Я вас понял. Наш брак будет настолько фиктивным, насколько это вообще возможно. Ведь этого вы добиваетесь?

Всё, хватит с меня на сегодня! Нам обоим нужно остыть.

Не ответив, я схватила с подоконника ридикуль и быстрым шагом пошла к двери. Не успела открыть, как шинкорн преградил мне путь. Ведь спал же! Откуда взялся?

– И ты ещё тут! Шпион!

Пёс отскочил в сторону, пропуская меня. Но я дёрнула створку – и она не открылась. Проклятый ключ!

Я повернулась к герцогу, требовательно протягивая вперёд раскрытую ладонь. Тот лишь хмыкнул и сам открыл мне

путь наружу. И, не глядя на него, я всё же удалилась. Надо убраться подальше от этих двух сообщников. Упали же вы все мне на голову – и теперь всё летит кувырком.